

Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. — Алма-Ата: Гылым, 1992. — 288 с.

Приведены и охарактеризованы новые материалы по наскальным изображениям Верхнего Прииртышья, собранные автором в 1971—1983 гг. впервые выделены рисунки неолита-энеолита, ранней, развитой и поздней бронзы, а также раннесакского времени. Расшифровка наскальных изображений, реконструкция отдельных сторон мировоззрения их создателей основаны на анализе материалов по мифологии, этнографии, эпосу, шаманству доевропейских, индоиранских и тюрко-монгольских народов.

Адресуется историкам, археологам, этнографам, искусствоведам.

Ответственный редактор

доктор исторических наук
Я. А. ШЕР

' 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу книги положены материалы, собранные автором в 1971—1983 гг. в Уланском, Курчумском, Маркакольском и Зайсанском районах Восточно-Казахстанской области, географически приуроченных к Калбинскому, Нарыньскому Курчумскому и Манракскому хребтам.

По технике исполнения наскальные изображения Верхнего Прииртышья подразделяются на два вида: писаницы, т. е. рисунки, выполненные красной или буро-коричневой охрой, и петроглифы — рисунки, высеченные каменными или металлическими орудиями. Такое деление в какой-то степени условно, так как в Сибири все наскальные изображения традиционно называют писаницами. Этот термин прочно вошел в научную литературу, посвященную памятникам подобного рода из Сибири. Однако мы из соображений удобства придерживаемся такого деления (Савватеев, 1973, с. 132). Основную массу материала составляют петроглифы, писаниц мало.

Рисунки выбивали как на вертикальных, так и на горизонтальных плоскостях — практически на всех удобных камнях. В ряде местонахождений в силу геоморфологических особенностей местности преобладает тот или иной способ экспозиции. Например, петроглифы Сагыра, за исключением нескольких, высечены только на горизонтальных плоскостях графитного сланца. В основном они приурочены к большим и малым рекам, урочищам с поселениями и могильниками, ущельям, т. е. к тем местам, где для жизни древнего человека существовали наиболее благоприятные условия. Прежде чем приступить к копированию и описанию, мы тщательно изучали микротопографию местности, предварительно определяли научную значимость памятника и после этого местонахождение (сопку, жилу, склон и т. д.) делили на условные группы.

Копирование производилось на полиэтиленовую пленку с помощью черной туши и тонкого пера, что позволило максимально точно воспроизвести контуры выбойки. В ряде случаев применялись графитная протирка и микалентная бумага. Однако любая, даже максимально точная, копия не дает полного представления о памятнике в целом (Формозов, 1973, с. 276). То же можно сказать о фотографиях.

В настоящее время на территории Восточного Казахстана учтено

стонахождений наскальных изображений. Не все из них равнозначны по своей научной значимости.

Из-за ограниченности объема в книге дается лишь краткая характеристика опорных памятников. При разработке хронологии и периодизации наскальных изображений региона мы руководствовались сложившимися в археологии методическими принципами. Предложенные варианты интерпретации наскальных изображений, основанные на данных палеолингвистики, этнографии, эпоса, во многом гипотетичны и не претендуют на объяснение всех особенностей мифо-поэтического мышления их создателей.

В полевых исследованиях наскальных изображений Верхнего Прииртышья в разные годы принимали участие учащиеся ряда школ Восточного Казахстана и студенты Усть-Каменогорского пединститута. Всем им глубоко признателен.

Особую благодарность приношу своим учителям Ф. Х. Арслановой, М. Кадырбаеву и Я. А. Шеру,

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Сообщения о петроглифах и других археологических памятниках Восточного Казахстана впервые появились в XVIII в., когда эти земли наряду с учеными стали активно посещать военные и другие специалисты. В первой половине XIX в. интерес к природным богатствам этого региона повысился. В верховьях Иртыша побывали многие специалисты, которые, изучая природные богатства, интересовались и археологическими памятниками.

Первые материалы о писаницах Восточного Казахстана были опубликованы Г. И. Спасским в журналах «Азиатский вестник» и «Сибирский вестник» (Спасский, 1818а, с. 4—19; 1818б, с. 41—43; 1825а, с. 286—301; 1825б, с. 243—244). Продолжив исследования в верховьях Иртыша, он обнаружил различные «начертания», «правильные прямые и угловатые фигуры да решетки» на левом берегу р. Смолянка, близ впадения ее в Иртыш, а также в 7 км западнее Зыряновского рудника и в 4 км от Гусиной пристани (Спасский, 1857, с. 113—181) (рис. 1, 2). По его данным, «на берегу Бухтармы, подле самого крепостного вала находится вещь, достопамятная и любопытная для путешественника. Это два следа человеческие, один длиною в 5, другой в 2,5 вершка, и несколько копыт обыкновенной величины, тиснутые на гранитном камне, имеющем в длину 4, а в ширину 3 аршина» (Спасский, 1818б, с. 41—43).

Г. И. Спасскому принадлежит первое подробное описание писаниц Бухтарминской пещеры, хотя копии с них были сняты еще в 1805 г. (Спасский, 1818а, с. 16—18). Касаясь назначения и времени создания писаниц, он писал: «Уже издавна было замечено, что этих начертаний, по неприступности скал, на которых они находятся, равно как по грубости и необычайности самой обработки, не должно считать ни произведениями позднейшего времени, ни надписями, иссеченными только для забавы какими-нибудь праздными людьми, но что они, подобно курганам, представляют памятники, сохранившиеся от глубокой древности. Можно догадываться, что древние обитатели тех мест, по незнакомству еще их с легчайшим способом, посредством буквенных знаков, изъяснения мыслей и понятий хотели передать своим потомкам о ка-

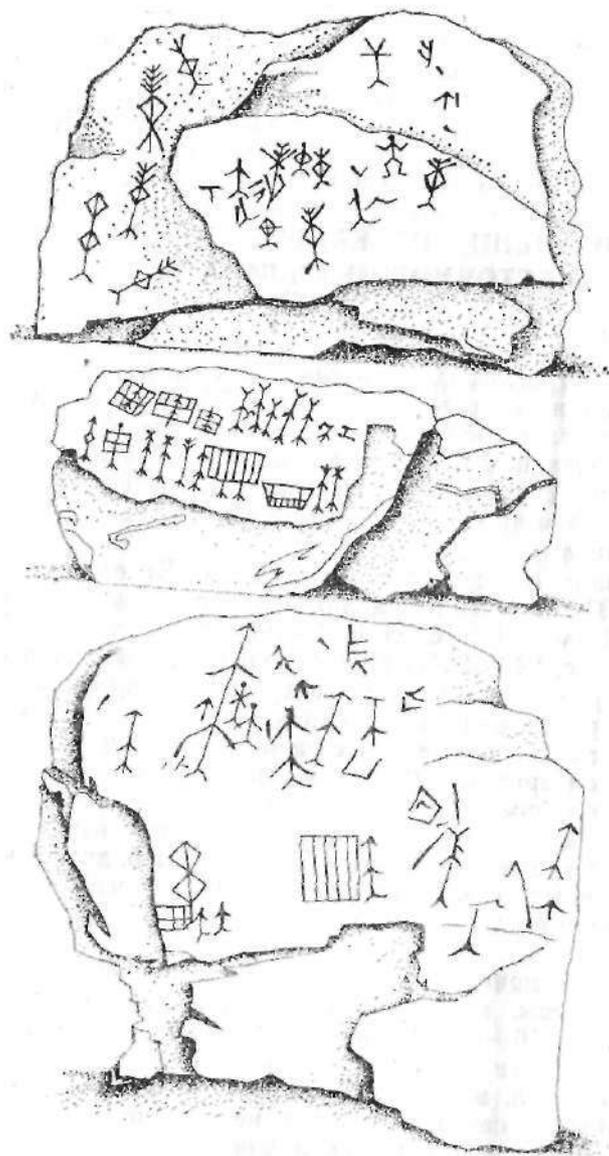

Рис. 1. Писаницы верхозий Иртыша (по Г. И. Спасскому)

ких-либо современных им, не лишенных важности событий. В таком случае начертания эти представляют собою живые, олицетворенные летописи» (Спасский, 1857, с. 135). Поэтому «знание письмен может разлить величайший свет на весьма важные исторические и философские вопросы» (Спасский, 1825а, с. 286).

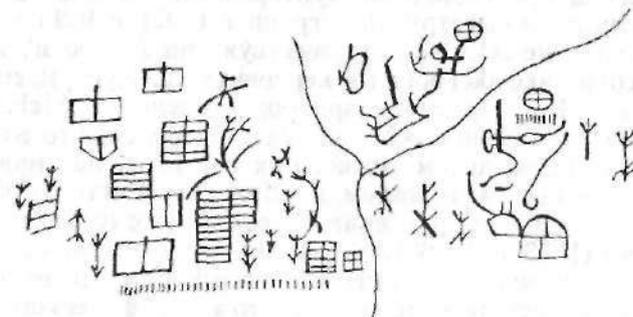

Рис. 2. Писаницы на р. Смолянка (по Г. И. Спасскому)

Если на начальном этапе исследования писаниц он считал, что «начертания представляют изображения людей, разных животных, а луки, колчаны и другие подобные сим вещи суть следствия умопроизведения необразованного народа, сходного в обыкновенных жизни с настоящими сего края кочевыми обитателями» (Спасский, 1818а, с. 5), то в последней обобщающей работе доказывал, что «прежние обитатели Сибири стояли на гораздо более высокой ступени образования сравнительно с пышными ее племенами» (Спасский, 1857, с. 114).

Сопоставляя сибирские писаницы с подобными памятниками из других регионов, Г. И. Спасский пытался найти их общие черты. Относительно методики их изучения он писал: «Надобно, чтобы тот, кому сие поручено будет, скопировал надписи в настоящую их величину и с соблюдением возможной точности, чтобы не оставлял и самых полинявших или которых малые только следы приметны, даже обозначил бы места совсем истребившихся надписей. Таковой необходимой точности легко достигнуть можно накладкою на них тонкой бумаги, пропитанной маслом, сквозь которую видны были бы все черты, и сверх того омывая полинявшие надписи водою, чтобы они сделались явственнее. Для большего сохранения сих достопамятных надписей от дождя и снега весьма хорошо было бы сделать над ними кровлю» (Спасский, 1825а, с. 300). Сохранение подобных достопримечательностей для будущих поколений он считал необходимым и приравнивал к подвигу (Спасский, 1818а, с. 19).

Иртышские писаницы и «начертания» становятся объектом внимания многих исследователей и путешественников — А. Н. Седельникова, Т. П. Белоногова, П. Н. Столянского (Седельников, Белоногов, Столянский, 1903, с. 140), С. И. Гуляева (1851, с. 45—47; 1853а, с. 7; 1853б, с. 22—25), Б. Г. Герасимова (1907, с. 25), К. Риттера (1877,

Н. М. Ядринцева (1883, с. 197). Последний считал, что иртышские ды свидетельствуют об охотничьем и скотоводческом образе древних обитателей этого края, а геометрические знаки на бухских скалах являются началом письменности; некоторые из них сил к разряду пиктограмм (Ядринцев, 1885, с. 456, 471). А. Н. Секов объяснил происхождение бухтарминских знаков в виде копий результатом выветривания гранита (1911, с. 421).

В первой половине XIX в., путешествуя по Алтаю и казахским В. Ледебур зафиксировал в верховьях р. Курчум, на южных гор Дольн-Кара, рисунки архаров и оленей (Ledebour, 1829), после еще неизвестные. «Мейер удостоверился, что эти изображения не были делом нынешних киргизов, но принадлежат им, подобно писаным скалам на Енисее» (Риттер, 1860, с. 30). Описание о наскальных рисунках имеется в отчетах штабе-капитана Влангали (1853, с. 1—63).

Наибольшее изучение древностей степного края связано с деятельностью Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (ЗСОИРГО, 1894, с. 13—15). Один из активных членов этого общества А. В. Адрианов в заметке о путешествии на Алтай в 1881 г. о необходимости бережного отношения к памятникам старины (с. 284). На территории нынешнего Восточного Казахстана им были осмотрены писаницы в Нарымском хребте, в районе Кызыл-Абы, близ поселка Чанагаты и в районе Караой, по реке Кок-Ара и в местности Бюртастаган, а также в системе р. Кальжир-Ара (Адрианов, 1912, с. 110; 1916, с. 2, 4, 72—79). Ряд местонахождений Адрианов описал по сообщениям своих информаторов. По его мнению «те немногие писаницы, которые есть в крае, отличаются, так сказать, примитивностью исполнения, слабо развитым искусством. Отличительная особенность наблюдавшихся мною писаниц — их эскизность, совершенно не встречается, например, среди многочисленных писаниц из многих тысяч фигур в Минусинском уезде» (Адрианов, 1912, с. 72).

В нескольких группах изображений на скале вблизи с. Таловка и по исследованию Н. Гуляев, причем сделал это по копии своего сына А. Гуляева и сообщению Н. В. Казнова. Сопоставляя их с томской писаницей, он пришел к выводу, что фигуры на скале вблизи Таловки являются более разнообразнее, чем на писанице на р. Томи (Гуляев, 1916, с. 159—261). К сожалению, иллюстративный материал, приложенный к его отчетам не дает полного представления о памятнике и тем самым невозможно проверить этот, на наш взгляд, принципиальный вывод. Томские же писаницы, обнаруженные почти триста лет спустя благодаря публикации А. П. Окладникова и А. И. Мартынова являются сокровищницей мировой культуры как замечательный памятник древнего искусства (Окладников, Мартынов, 1972).

Гуляев относил писаницы к числу важных памятников древности и поднимал вопрос о необходимости предотвратить их разрушение. Он обнаружил несколько изображений всадников на сопках Золотарь и Ревнюха

вблизи пос. Выдриха на р. Убе — правого притока Иртыша зафиксировал А. Н. Новоселов (1913, с. 4).

К сожалению, не все материалы по наскальным изображениям Восточного Казахстана (да и по Западной Сибири в целом), собранные членами Западно-Сибирского отдела РГО, были систематизированы и опубликованы. О некоторых из них сохранились лишь протокольные упоминания в отчетах общества (Записки ЗСОИРГО, 1894, с. 13—15).

В конце XIX — начале XX в. изучением памятников старины Восточного Казахстана занимались и семипалатинские краеведы, объединившиеся вокруг Семипалатинского областного статистического комитета (с 1902 г. — подотдел Западно-Сибирского отдела РГО). Б. Г. Герасимов — один из организаторов подотдела — осматривал известные по публикациям Г. И. Спасского рисунки возле Бухтарминской крепости (Герасимов, 1907, с. 1—25) и наскальные изображения ур. Сарыбулак, вблизи современного райцентра — с. Никитинка (Герасимов, 1912, с. 41). В работе Н. Я. Коншина о памятниках старины Семипалатинской области приведены сведения о наскальных изображениях, полученные через информаторов (Коншин, 1903, с. 1—32). Собранные Н. Я. Коншиным позднее сведения о наскальных изображениях Восточного Казахстана вошли в различные сводки (Кастанье, 1910, с. 136—137; Городнов, 1926, с. 37—69; Хороших, 1947, с. 26—34). Различные рисунки, выполненные красной охрой, и связанные с ними легенды о происхождении горы Бюртастаган (Бюртастаган) опубликованы Б. Байбуловым (1914, с. 8—10).

В 1910 г. по инициативе В. В. Радлова Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии была организована экспедиция Академии наук под руководством В. И. Каменского. Экспедиция зафиксировала изображения разных животных в урочище Сарыбулак, на утесах у реки Бердыбайки, в 8 верстах от Сибирского пикета (ныне с. Никитинка) (Белослюдов, 1912, с. 1—4). По сообщению руководителя экспедиции, «это были простые выбитые изображения животных — архаров, оленей, маралов и коз. В некотором расстоянии от этой писаницы была другая с изображением человека, наносящего удар, и другого с ребенком, протягивающего вперед руки, умоляя о пощаде. Все эти изображения, очень мелкие, носили характер недавней работы» (Каменский, 1910, с. 10). Посетив сонку Тологой, где, по сведениям П. П. Семенова-Тянь-Шанского и Г. Н. Потанина, имелись изображения маралов, козлов и лошадей, В. И. Каменский произвел фотосъемку и эстампирование этих рисунков. Последним пунктом исследования В. И. Каменского была скала Бюртастаган, куда он ездил вместе с А. В. Адриановым.

Сведения этих двух исследователей дают общее представление об этом замечательном памятнике, ставшем наряду с иртышскими писаницами местом неоднократного посещения ученых-краеведов. На скале ими обнаружены изображения животных, людей, птиц и различных геометрических знаков, выполненные красной охрой. В. И. Каменский полагал, что «это совершенно особое письмо, ничего общего не имеющее с выбитыми изображениями животных на скалах, во множестве встречаемых в киргизских горах», и что они «не реальны и носят какой-то символический характер».

й характер» (Каменский, 1910, с. 17). В своем отчете он приводит из многочисленных легенд о происхождении скалы Бюртаста-А. В. Адрианов отмечает особое почитание ее казахами: «Киргидят сюда усердно и приносят жертвы, навязывая лоскуты ситца» (Адрианов, 1916, с. 78). В целом выводы В. И. Каменского относительно ни создания и содержания петроглифов Сарыбулака и писаяюртастагана весьма лаконичны и, видимо, носили предварительный характер. Тем не менее в его кратковременном изыскании в концентрированном виде были выражены самые лучшие достижения дореволюционной сибирской археологии: комплексный подход, включая тщательное изучение погребальных памятников и наскальных изображений; фотофиксация и изготовление эстампажей рисунков; сбор дополнительных сведений (легенд и др.) об изучаемых объектах; привлечение к исследовательской работе широкого круга специалистов и энтузиастов; наконец, более строгая оценка научной значимости мате-

риала накопленного в дореволюционный период материал по археологии Верхнего Прииртышья позволял в общих чертах судить о хозяйственной деятельности и мировоззрении древних жителей данного региона. Восточный Казахстан приобретал значение ведущего в Казахстане региона по концентрации памятников наскального искусства.

В начале 30-х гг. специальные поиски и исследования наскальных изображений в Восточном Казахстане не проводились. Лишь в 1928 г. появилась статья геолога В. В. Резниченко о наскальных изображениях ур. Каракистау в долине р. Дженешке, правого притока р. Кур-Таш (1928, с. 120—135). Подробно описывая природно-климатические условия этого региона, он обращает внимание на геологическую структуру скал с рисунками. Интерес представляют копии наскальных изображений, приведенные в его статье, и их интерпретация. Однако, описав дженешские петроглифы с пещерными росписями Западного Прииртышья, он ошибочно отнес их к числу «физиоластических» (по терминологии Обермаера), т. е. реалистических, рисунков эпохи позднего неолита. Кроме дженешских он упоминает долькаринские петроглифы, известные по сообщениям В. Ледебура и К. Риттера.

Лишь в конце первой пятилетки в связи с бурным развитием строительства перед главным в то время археологическим учреждением — ГАИМК — была поставлена конкретная задача быстрого стороннего изучения археологических памятников (Сосновский, 1935, с. 60—79). С этой целью в 1935 г. была организована Восточно-казахстанская археологическая экспедиция ЛО ГАИМК. Возглавляемая С. Черниковым, она работала с некоторыми перерывами до 1937 г. В 1935—1937 гг. при археологическом обследовании верховий Иртыша ею обнаружено 19 крупных местонахождений наскальных изображений¹ (Черников, 1941).

К сожалению, иртышские писания на береговых камнях, известные по публикации Г. И. Спасского, оказались вне поля зрения экспедиции, а в настоящее время они водными Бухтарминского водохранилища. Некоторые сохранившиеся фрагменты писаний близ с. Смоляники были скопированы краеведом К. К. Жаманбаевым и опубликованы А. С. Аманжоловым (1966, с. 155—160).

В первой полной публикации петроглифов Восточного Казахстана С. С. Черников дал схему распространения наскальных рисунков, их описание в порядке обнаружения, изложил наблюдения над топографией, поисковыми признаками, породой камня и техникой выбивки. Подробно анализируя некоторые мотивы и образы, он отметил многочисленность многофигурных композиций и семантических связей между отдельными группами на большинстве плоскостей. Нижняя граница периода создания рисунков определена им, по сути, логическим путем и интуитивно. Сначала на основе сопоставления восточно-казахстанских петроглифов с более ранними карельскими рисунками и установления сложности первых в сюжетном отношении, затем на основании того, что среди рисунков Прииртышья встречаются изображения не только диких, но и домашних животных (Тулкуне, 2, 12; Остриково, группа 7), людей, вооруженных луками и топорами, а также ввиду отсутствия чисто земледельческих сюжетов С. С. Черников приходит к выводу о кочевом образе жизни племен, оставивших эти памятники (1947, с. 277). Поскольку время перехода к кочевому скотоводству определялось тогда VI—V вв. до н. э., то этим промежутком обозначена нижняя хронологическая граница рисунков. При этом С. С. Черников отметил, что «предшествующая ранним кочевникам андроновская культура была земледельческо-пастушеской, и у нас нет пока никаких оснований относить к ней наши изображения» (1947, с. 277). Верхняя хронологическая граница наскальных рисунков Восточного Казахстана установлена им в рамках VIII—X вв. н. э. (1947, с. 277).

Как наиболее ранняя им выделена группа изображений из Тамураши II, имеющих стилистическое совпадение с некоторыми образцами сакского искусства, выполненными в зверином стиле. Она отнесена к V—III вв. до н. э. Датировочным материалом, по его мнению, могут служить и изображения луков. Подразделив изображения луков на три типа (маленький простой, простой, большой сложный), С. С. Черников отнес два первых к скифскому времени, а большой сложносоставный лук с загнутыми концами из ур. Кула-Журга — к I—II вв. н. э. (1947, с. 279).

Что касается изображений древнетюркского времени, то в исследованных 19 пунктах они не были выделены, лишь отмечено использование плит с рисунками в качестве строительного материала при сооружении курганной насыпи VIII—X вв. н. э. у деревни Остриково (Черников, 1947, с. 277). Таким образом, основную массу наскальных изображений с верховий Иртыша С. С. Черников датировал эпохой ранних кочевников.

При интерпретации наскальных изображений С. С. Черников во главу угла ставил тотемно-магическую концепцию. Широко распространенные изображения козлов, оленей он считал тотемными, предназначенными с определенной магической целью высеченными на возвышенных местах. Некоторые сцены охоты с участием пеших лучников он склонен был считать магическими действиями человека перед своим тотемом. Отображением тотемистических представлений в петроглифах, по его мнению, является изображение полулюдей-полуживотных

унай и Сергеевки (Черников, 1947, с. 274—275). Наше обследование показало, что изображение «кентавра» из Сергеевки на самом деле — фигурой козла, перекрытой в области головы антропоморфной фигурой с воздетыми руками, а кочунайское — всадником на лошади (голова и шея животного повреждены сколом). Наличие палимпсестов в сергеевском петроглифе четко прослеживается по разнице патин и технике выбивки.

Отдавая особое значение ориентации фигур на плоскости, С. С. Черников обратил внимание на преобладание правосторонних рисунков. Этот факт он посчитал не случайным, а магическим и предположил, что левая сторона может означать смерть, преисподнюю, а правая — жизнь (1947, с. 276—277). Некоторые исследователи объясняют преобладание правосторонних рисунков удобством технического исполнения (Савва, Марьяшев, 1977, с. 11—12).

Необходимо отметить, что, отдавая предпочтение тотемно-магическим концепциям, С. С. Черников все же не отрицал возможности магического осмысления наскальных изображений и наличие костяных сюжетов, хотя не ставил перед собой задачу детального изучения этих вопросов (1947, с. 276). В целом в вопросах интерпретации наскальных изображений автор, видимо, испытывал влияние мистической и магической концепций, а также марровской теософии, существовавшей в среде археологов в 30-е и 40-е гг.

К числу недостатков работы С. С. Черникова можно отнести неточность определений (отсюда неправильное определение видовой принадлежности некоторых рисунков). Однако было бы несправедливо подводить эти недостатки, которые, по существу, были обусловлены методическим уровнем изучения петроглифов: ведь науке в то время были известны в основном лишь карельские и беломорско-карельские изображения.

В последующие годы, к сожалению, экспедиция не проводила специальных поисков наскальных изображений в Восточном Казахстане. В 1950 г. ею зафиксирована незначительная группа рисунков в долине с. Кула-Журги, в том числе великолепно исполненное изображение оленя в скифском стиле, с откинутыми назад рогами и подчеркнутым глазом (Черников, 1952, с. 91).

В первые послевоенные годы появились небольшие заметки о наскальных изображениях ряда регионов Восточного Казахстана (Беломыслин, 1946, с. 51—52; Щерба, 1946, с. 57—59).

В конце 40-х и начале 50-х гг. в связи с возрастанием научного интереса к памятникам первобытного искусства восточно-казахстанские наскальные изображения, известные по различным публикациям, также становятся предметом внимания ученых различных отраслей науки. В предварительном обзоре работ по наскальным изображениям Алтая имеются обобщенные сведения и библиография о наскальных изображениях Восточного Казахстана — Западного Алтая (Хороших, 1946, с. 26—34).

В предисловии к монографии по оставительному анализу некоторых сюжетов рисунков, выполненных красной охрой, с Урала и из Казахстана посвящена статья А. А. Формозова (1950, с. 170—176). Сравнивая прииртышские писаницы с

уральскими, он указал на преобладание у первых символических знаков, пиктограмм, характерных для земледельческих и скотоводческих культов. Общность некоторых представлений у племен Урала, Казахстана и Сибири в эпоху бронзы, по его мнению, возникла в результате интенсивных культурных контактов этих племен. В частности, единство представлений о движении солнца, солнечного божества по небу на ладье прослеживается по многочисленным изображениям солярных знаков, а также по изображению солярной ладьи в писаницах сопоставляемых регионов (Формозов, 1950, с. 176; 1970, с. 201).

Солярные ладьи, в том числе смолянская с верховий Иртыша, известная по публикации Г. И. Спасского и вторичному изданию Жака де Моргана (Морган, 1926, с. 259, рис. 168), по мнению А. А. Формозова, «играли роль и в погребальном культе, что связано с представлением о подземной реке, по которой надо плыть в царство мертвых» (1950, с. 176). С погребальным культом он связывал многочисленные изображения решеток и рогатых антропоморфных фигур. В последних А. А. Формозов видел след за В. И. Равдоникасом изображения тотемистических предков-родоначальников, близких к нижнему миру (1950, с. 176).

Наскальным изображениям скалы Бугытас у местечка Карашат в районе хр. Тарбагатай посвящена статья филологов С. и А. С. Аманжоловых (Аманжолов, Аманжолов, 1956, с. 97—100). Судя по иллюстративному материалу и описаниям, многофигурная композиция на скале Бугытас (шесть горных козлов, противостоящие кони, олени, собаки и сцены охоты), возможно, относится к финальной бронзе или, скорее всего, к раннесакскому времени. К этому же времени, вероятно, относится и гигантское изображение оленя из того же урочища. Среди петроглифов Бугытаса имеются тамгообразные изображения горных козлов и различные знаки, которые, по предположению авторов, могут быть рассмотрены как остатки буквенных знаков (Аманжолов, Аманжолов, 1956, с. 100). Вторично петроглифы скалы Бугытас опубликованы этнографом В. П. Курылевым. Досадно, что центральная композиция, состоящая из нескольких десятков фигур, В. П. Курылевым покрашена белой краской (1974, с. 470—471).

В начале 60-х гг. в Восточном Казахстане работала Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. В ряде мест Катон-Карагайского района экспедицией зафиксировано значительное количество наскальных изображений (Сорокин, 1966, с. 39—60). Стилистическому анализу подверглось изображение оленя, выполненного в так называемой «ажурной» манере. Сопоставляя катон-карагайское изображение оленя с известными скифскими оленями, выполненными в реалистической манере, С. С. Сорокин отметил крайнюю стилизованность, отход от природы и на этой основе датировал его более поздним временем — концом I тыс. до н. э. Рассматривая орнаментальный мотив «ажурных» петроглифов, он высказал мнение, что прототипами для них служили художественные изделия, выполненные на другом, более мягком материале, широко распространенные с середины I тыс. до н. э. (Сорокин, 1967, с. 54).

60—70-е гг. эпизодическими фиксациями наскальных изображений в Восточном Казахстане занимался филолог А. С. Аманжолов (с. 155—160; 1974, с. 44—48). Не будучи специалистом-археологом, он основное внимание уделял содержанию, композиции, видам в них пиктографической письменности и идеограмм.

Отдельные сообщения о наскальных изображениях Восточного Казахстана встречаются в краеведческой литературе. Некоторые сведения о них были нами использованы при составлении схемы распространения наскальных изображений в Восточном Казахстане.

С 1974 г. планомерное исследование наскальных изображений в Восточном Казахстане проводилось автором. Обследование проводилось главным образом в Калбинском, Нарымском, Курчумском хребтах — на Мапраке, в Тарбагатае, а также в бассейне р. Иртыш (Самашев, 1989, с. 40—56).

Глава II

ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Основные местонахождения рисунков, вошедших в книгу, сконцентрированы на участках между хребтами Калба и Нарым, непосредственно примыкающих к берегам р. Иртыш (рис. 3).

В северной части Восточного Казахстана и по р. Бухтарме наскальных изображений мало и представлены они в основном писаницами. На юге региона, в системе хребтов Саур и Тарбагатай, зафиксированы единичные местонахождения петроглифов, но они еще тщательно не обследовались.

АКБАУР. Грот с писаницами находится на южном склоне одноименной сопки, примерно в 3 м выше ее подножия, в 1 км от правого берега р. Уранхай, между селами Бестерек и Ленинка Уланского района. Сопка довольно высокая и крутая, из серого гранита, по форме напоминающая пирамиду (рис. 4). На сводчатом потолке грота имеется круглое отверстие (рис. 5), пол покатый, без остатков культурного слоя; местами заметны следы законченности. Длина грота около 9 м, максимальная ширина в средней части — 4 м, а максимальная высота ближе к входу — 2 м. Всего здесь сохранилось более восьмидесяти рисунков, выполненных темно-коричневой охрой. Писаницы расположены главным образом на противоположной от входа стене и частично — на потолке грота. Левая часть композиции в значительной мере повреждена натеками и воздействием ветра.

Основная масса рисунков сосредоточена в нижней части стены. Примерно в средней части композиции расположена перевернутая фигура горного козла и рисунок повозки. Ближе к полу изображены конусовидные жилища типа шалаша с торчащими в разные стороны концами жердей (рис. 6). Одно из изображений в правом нижнем углу существенно отличается в деталях: оно имеет вид развилки с короткими отростками по обеим сторонам, с тремя-четырьмя точками внутри. Здесь же запечатлен мужчина с длинными, широко расставленными ногами. Ступни ног обращены в разные стороны. Короткие руки опущены вниз. Еще две антропоморфные фигуры расположены рядом, с левой стороны; у одной из них руки и ноги широко раскинуты в стороны, другая ввиду плохой сохранности имеет расплывчатые контуры.

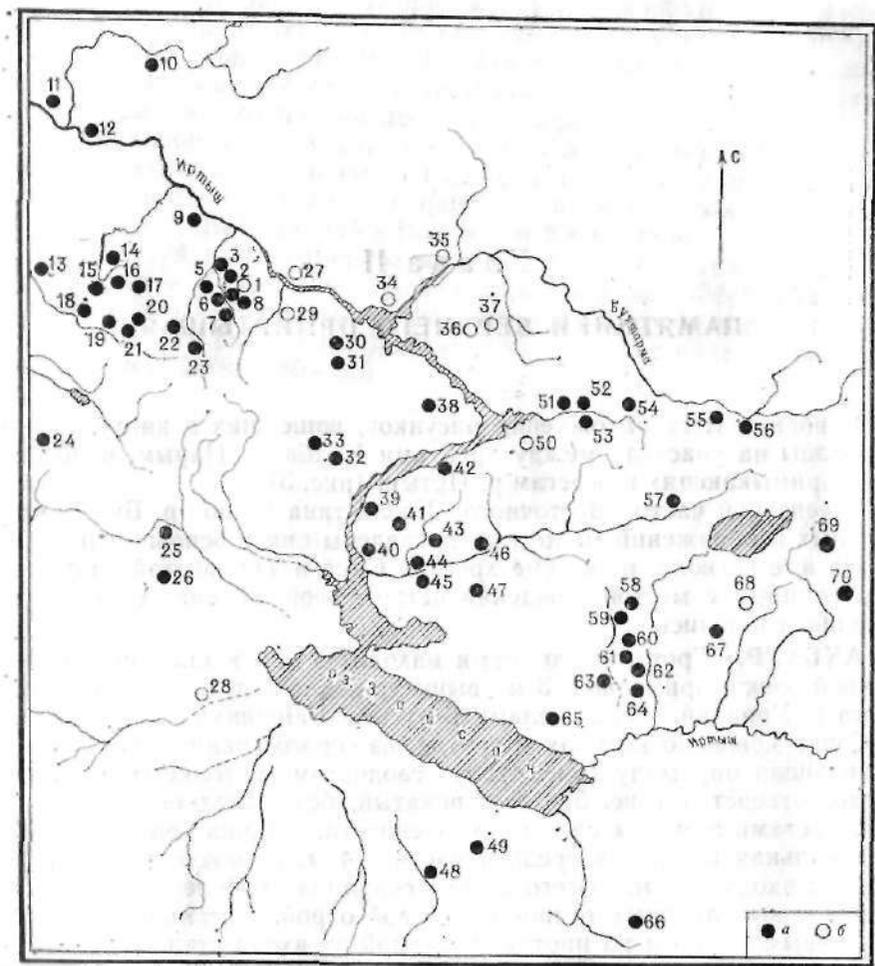

Рис. 3. Местонахождения наскальных изображений в Верхнем Приуртышье: 1 — Ак-Баш; 2 — Сагыр I, II; 3 — Каратюбе; 4 — Бестерек, Кочунай; 5 — Камысты; 6 — Двудка; 7 — Скалистое; 8 — Алдай; 9 — Меновное; 10 — Выдриха; 11 — Қоғалы I; 12 — Зевакино; 13 — Остриково; 14 — Қанай; 15 — Қалабай; 16 — Тамураши I; 17 — Тамураши II; 18 — Қазанчункур; 19 — Сентас; 20 — Екатеринбург; 21 — Али-Таш; 22 — Никитинка, Сары-Булак; 23 — Алғабас; 24 — Боко; 25 — Қокпекты; 26 — Кольчак; 27 — Смолянка; 28 — Бюртастаган; 29 — Жантас; 30 — Атымбек; 31 — Кур-Таш; 32 — Самарка; 33 — Московка; 34 — Бухтарма; 35 — Крестовка; 36 — Ново-Кольское; 37 — Бородино; 38 — Уразбай; 39 — Славянка; 40 — Курчум; 41 — Грегевка; 42 — Кула-Журга; 43 — Жевенке; 44 — Мойнак; 45 — Тулькуне; 46 — Урабай; 47 — Дольн-Қара; 48 — Покровка; 49 — Карашат; 50 — Қоктерек; 51 — Нарым; 52 — ключ Байнак; 53 — Ново-Березовка; 54 — Солдатово; 55 — Катон-Рагай; 56 — Қабырға; 57 — р. Брусоя; 58 — Горное; 59 — верховья р. Такыр; 60 — Доланалы; 61 — Нарбота; 62 — р. Кальджир; 63 — низовья р. Такыр; 64 — Чер-Таш; 65 — Аманат; 66 — Окей; 67 — Болгар-Табаты; 68 — Алексеевка; 69 — Чанатагы; 70 — Ак-Қаба и Кара-Қаба

Рис. 4. Общий вид грота Акбаур

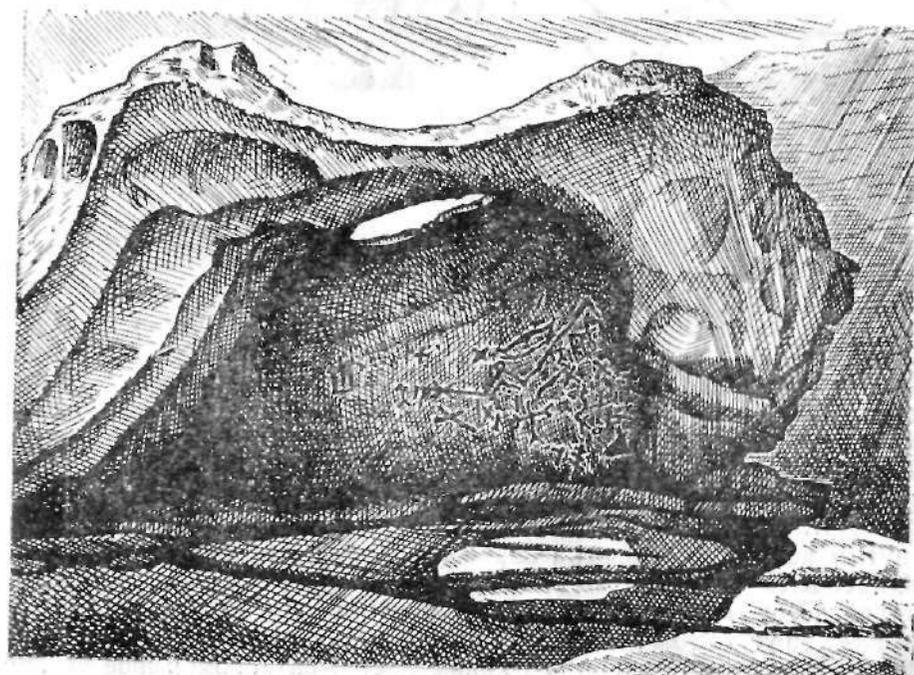

Рис. 5. Вид грота Акбаур изнутри

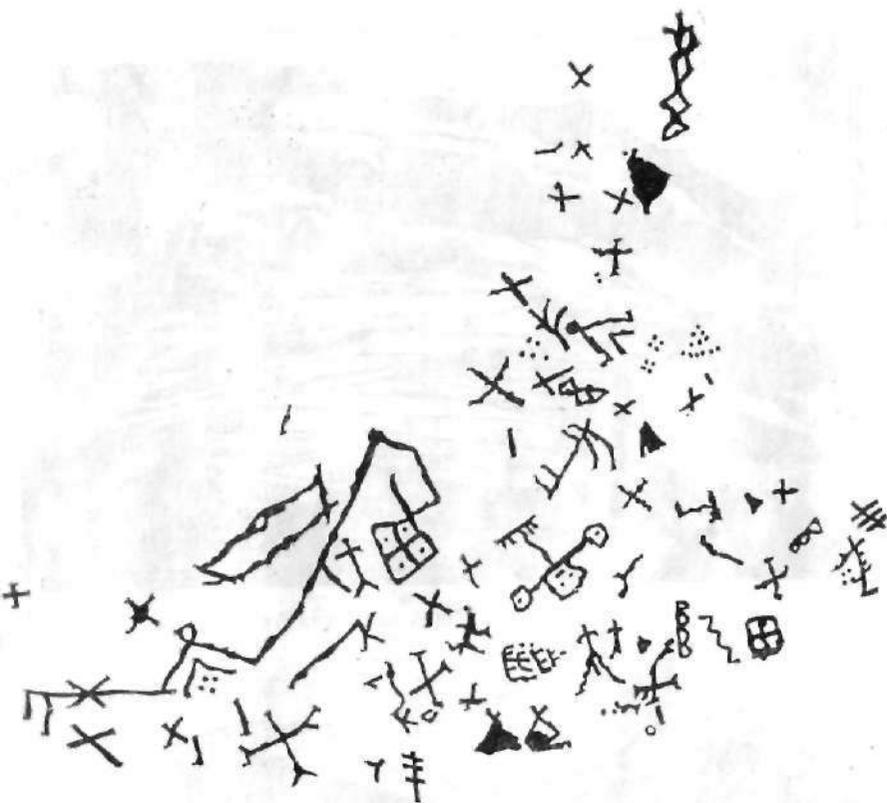

Рис. 6. Писаницы грота Акбаур

Значительную часть композиции занимают крестообразные знаки. Основным это простые кресты, косые, некоторые с раздвоенными концами. Один из крестов вписан в квадрат. Помимо этих рисунков отмечены три ломаные линии, две из которых образуют систему треугольников, а также два косых креста, пересеченных полосами. Рядом с изображением мужчины видна плохо сохранившаяся решетка. Слева от озки просматриваются несколько треугольников, прямых линий и других геометрических знаков. Одна из фигур отличается подпрямоугольной формой и разделена двумя пересекающимися линиями на четыре сектора. В каждом секторе имеется по одной точке. От верхнего левого угла фигуры отходят две линии: первая, короткая со слегка изогнутым концом, направлена вправо, а вторая, образуя несколько углов, идет влево и соединяется с неопределенной, но четко нарисованной фигурой. Последняя состоит из трех элементов: двух развилок, расположенных друг над другом, и четырех точек в нижней части. По ряду стилистических признаков она напоминает и антропоморфное изображение, и шалаш.

С левой стороны упомянутого уже прямоугольника с четырьмя точками помещена антропоморфная фигура. Здесь же находятся одна короткая полоска и трапециевидная фигура, а также кресты, раздвоенные на концах. Всю композицию завершает подпрямоугольная фигура с вертикальной полосой внутри.

На потолке грота помимо упомянутой перевернутой фигуры горного козла запечатлены серия косых крестов, жилище, цепочки треугольников, ромбов, точки, образующие треугольную фигуру, аналогичная описанной антропоморфная фигура, напоминающая жилище.

Таким образом, в целом композиция содержит одно изображение животного и несколько антропоморфных фигур, а также рисунки жилищ и повозки. Остальные изображения — различные символы.

САГЫР I (рис. 7—15) расположен к ЮЮВ от с. Ленинка и охватывает площадь около 3 кв. км. Петроглифы, отдельные и групповые, как правило, нанесены на горизонтальные плоскости коренных пород, едва возвышающихся над поверхностью почвы. Незначительное коли-

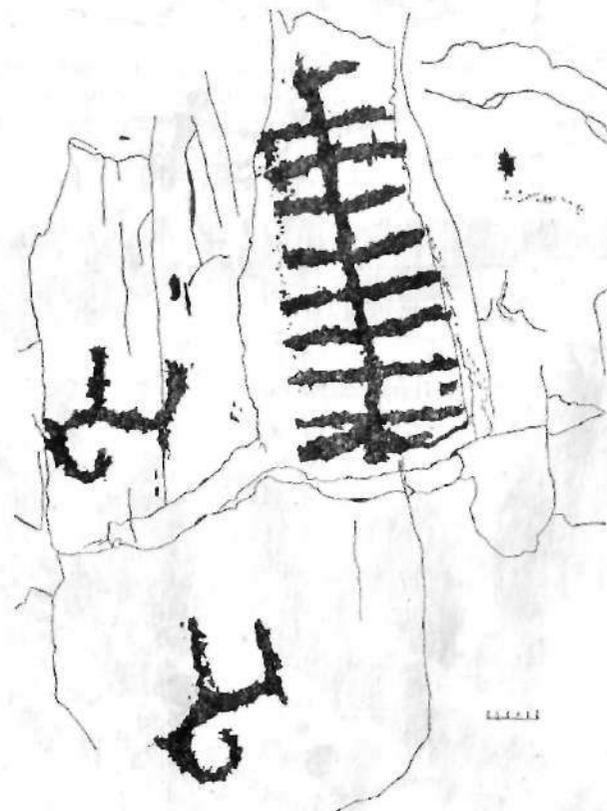

Рис. 7. Петроглифы ур. Сагыр I

Рис. 8. Петроглифы грота Сагыр I

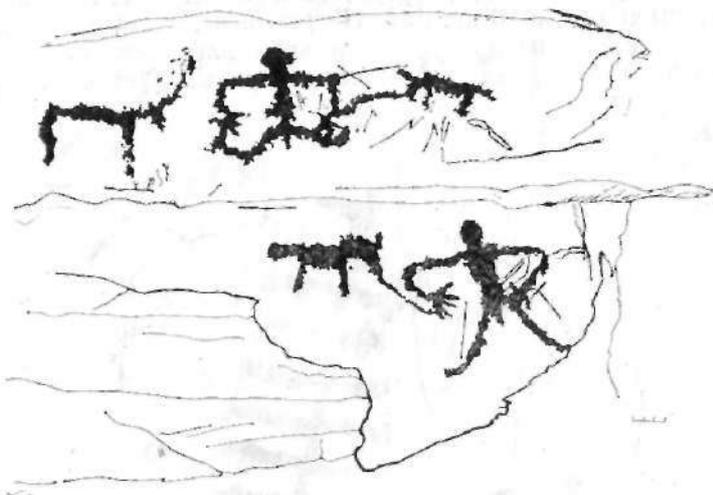

Рис. 9. Петроглифы грота Сагыр I

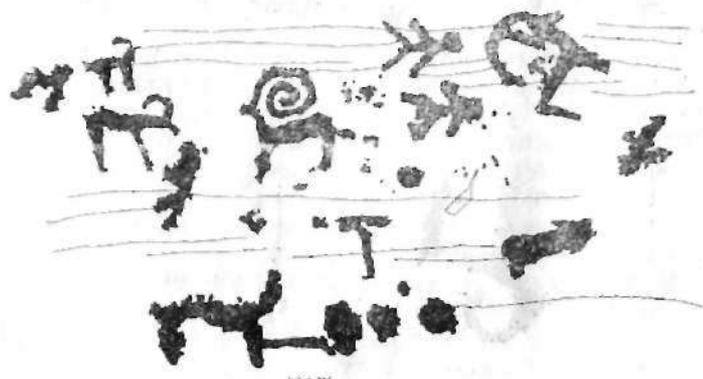

Рис. 10. Петроглифы грота Сагыр I

чество камней с рисунками имело наклонную плоскость; эти камни покрыты плотным слоем пустынного загара. Рисунки в основном выполнены техникой сплошной выбивки, реже — граффити и шлифовкой. Наблюдения над техникой исполнения петроглифов показывают, что сначала острым инструментом намечались контуры будущего рисунка, затем по нему выбивали изображения.

Малочисленность и разбросанность камней с рисунками на значительной площади не позволяют выделить группы изображений. Рисунки выбиты практически на всех удобных плоскостях. В основном это традиционные изображения горных козлов, одиночные и в составе композиций. На одном рисунке зафиксирована сцена совокупления двух козлов, ниже дано миниатюрное изображение козленка (рис. 16, 4). Привлекает внимание изображение человека, едущего верхом на козле (рис. 17, 5). Здесь же изредка встречаются лунки-углубления (см. рис. 10).

На двух камнях высечены деревья; рядом с одним из деревьев рас-

Рис. 11. Петроглифы грота Сагыр I

Рис. 12. Петроглифы грота Сагыр I

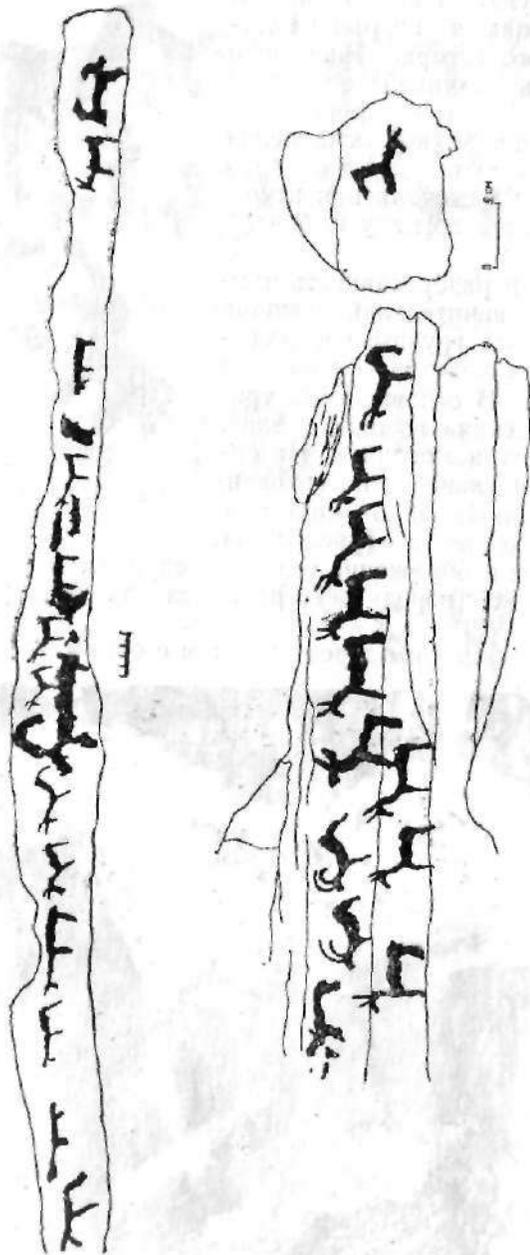

Рис. 13. Петроглифы грота Сагыр I

Рис. 14. Петроглифы грота Сагыр I

положены фигуры двух козлов (см. рис. 7). На одном камне запечатлена интересная сцена: два пешеходных воина держат за поводья коней, к поясу одного из них подвешены меч с прямым перекрестием (или чекан?) и сложный лук в горите (см. рис. 9). У обоих воинов пальцы рук чрезмерно большие и растопыренные.

Рис. 15. Петроглифы грота Сагыр I

САГЫР II (рис. 18—32) находится на северной окраине с. Ленинка вдоль правого берега р. Сагыр. Камни с рисунками расположены небольшими группами на протяжении 3 км. Как и в предыдущем местонахождении, здесь преобладают горизонтальные плоскости с рисунками.

Доминируют рисунки, выполненные техникой сплошной выбивки, затем идут контурные изображения, реже встречаются шлифовка и графити.

Среди петроглифов Сагыр II выделяются довольно глубоко выбитые реалистические изображения животных (см. рис. 32) и людей, в частности фигуры двух быков-единорогов (см. рис. 18). Найдено несколько обширных наскальных «полотен», насыщенных рисунками. В ряде случаев они представляют собой единые по замыслу композиции, хотя составляющие их рисунки в основном не совпадают хронологически, что улавливается по стилю, технике исполнения и интенсивности скального загара. Примером может служить камень, на горизонтальной плоскости которого имеется несколько не связанных между собой групп рисунков (см. рис. 27—29).

Некоторые изображения трудноопределимы, хотя выбиты очень четко. В частности, две фигуры в верхней части фриза в одинаковой мере напоминают и лошадей, и собак, и быков, и каких-то хищников. Аналогичная фигура имеется в нижней части композиции (см. рис. 28, 29).

В петроглифах Сагыр II есть две уникальные сцены поединка. Одна изображает двух пешеходных воинов, одновременно паносящих друг

Рис. 16. Слены спаривания животных: 1, 3, 7, 8 — Мойнак; 2, 5, 9, 10 — Окей; 4 — Сагыр I; 6 — Тулькуне

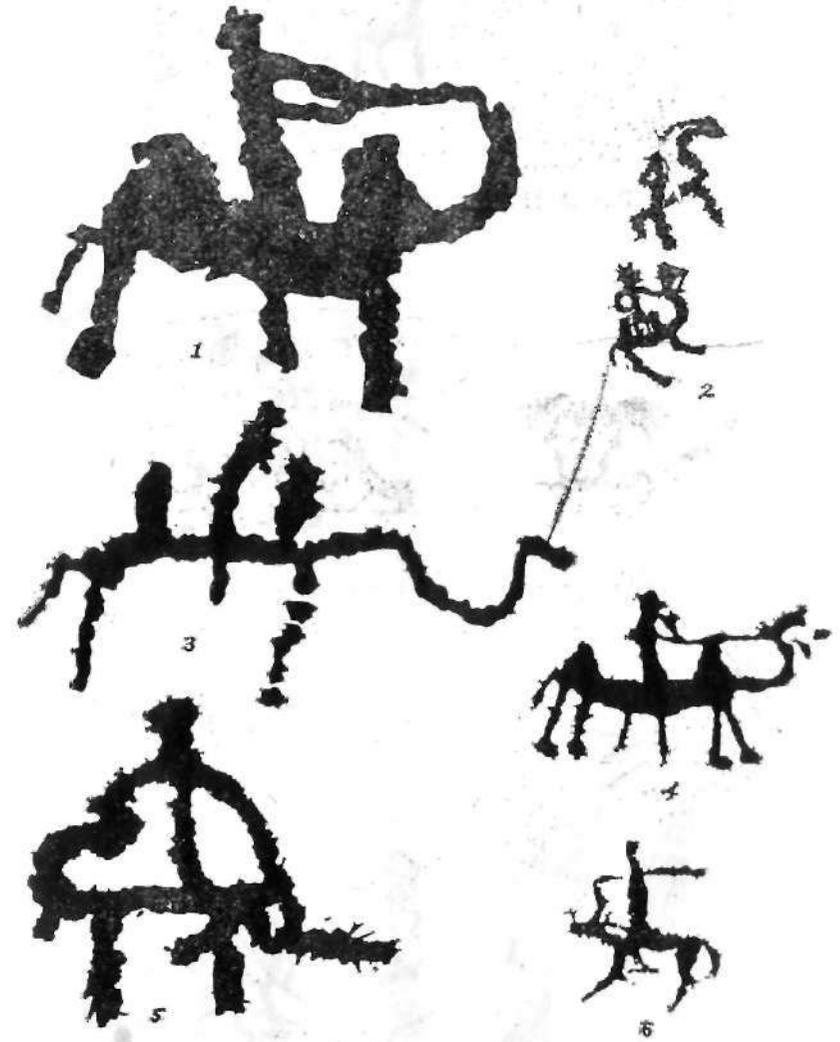

Рис. 17. Изображения всадника: 1, 3, 4 — Окей; 2 — Курчум; 5 — Сагыр I; 6 — Тулькуне

Рис. 18. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 19. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 20. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 21. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 22. Петроглифы урочища Сагыр II

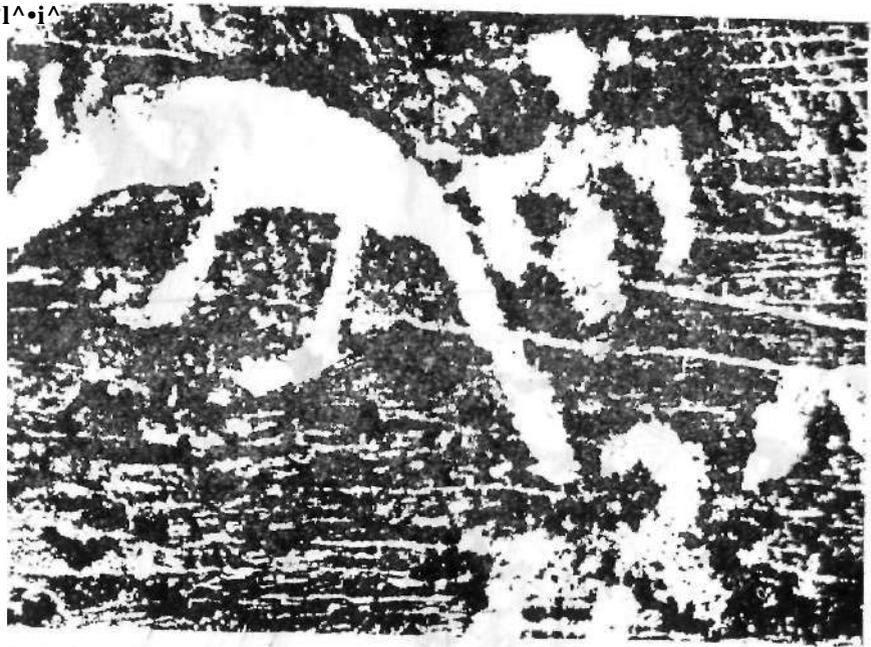

Рис. 23. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 24. Петроглифы урочища Сагыр II

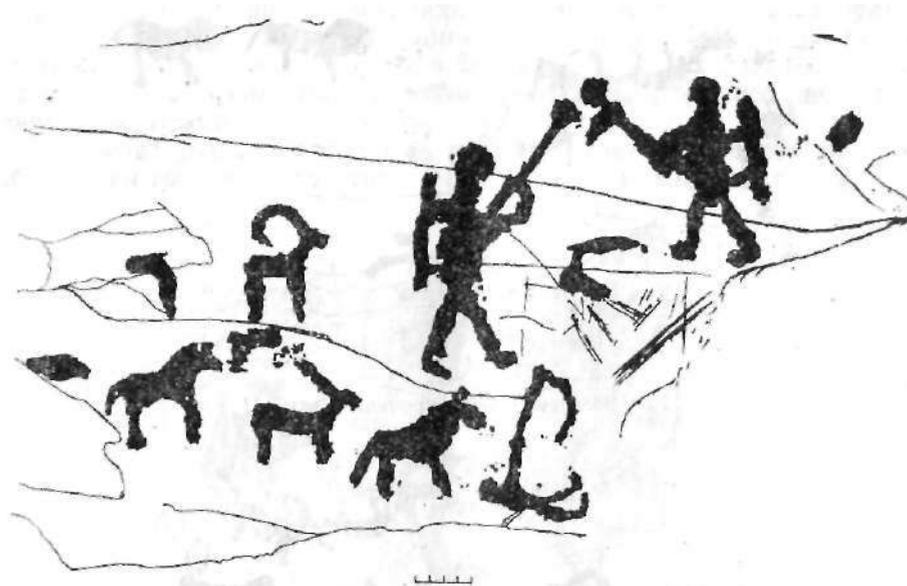

Рис. 25. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 26. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 27. Петроглифы урочища Сагыр II

другу удары чеканами. Примечательно, что к поясам сражающихся подвешены сложные луки в горитах (см. рис. 26). На другой сцене воины сражаются боевыми палицами. На спинах сражающихся показаны щиты (см. рис. 25).

Любопытная сцена «кулачного боя» запечатлена на одной наклонной плоскости, обращенной на юг (см. рис. 30). С левой стороны на некотором расстоянии друг от друга изображены два танцующих человека. Их туловища имеют вид треугольников, руки свисают.

Интерес представляет сцена охоты конного всадника на оленя

Рис. 28. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 29. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 30. Петроглифы урочища Сагыр II

(см. рис. 31). Сама фигура всадника сохранилась частично, Изображение оленя выполнено техникой выбивки по контуру. Пышные рога животного отброшены назад, корпус в нескольких местах пронзен стрелами с оперением. Кроме того, туловище животного разрисовано вертикальными полосами.

Из числа других петроглифов рассматриваемого времени отметим изображения горного козла типа «Чуруктуг Кырлан» (см. рис. 21).

Рис. 31. Петроглифы урочища Сагыр II

Рис. 32. Петроглифы урочища Сагыр II

агьр II — памятник многослойный. Здесь явно выделяются три югических периода: эпоха бронзы, скифо-сакское время и раннее вековье.

КАРАТЮБЕ (рис. 33—36) расположено в 4 км к В от с. Васильев- км к З от с. Ленинка. Рисунков на сопке немного, в основном они нты на ее вершине. На одном камне изображены три быка, вы- ные выбивкой по контуру, рядом — незаконченная антропоморф- тура и олень (см. рис. 33).

Рис. 33. Петроглифы сопки Каратюбе

а другом камне изображен табун лошадей, преследуемый волком (рис. 34). Интерес представляет фигура оленя, рога которого трак- и оригинально — в виде стержня, от которого отходят параллель- ги (см. рис. 35).

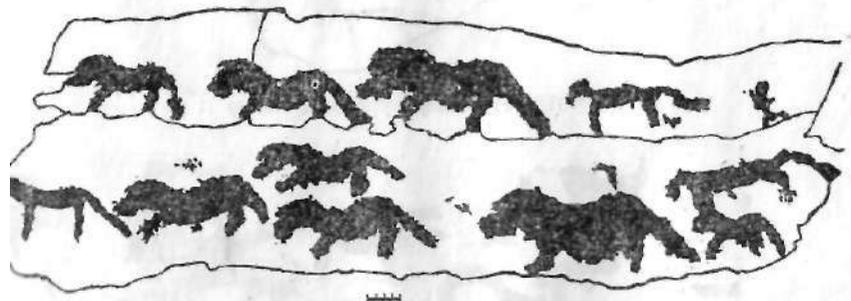

Рис. 34. Петроглифы сопки Каратюбе

БЕСТЕРЕК находится на северной окраине села с таким же назва- На вертикальной плоскости коренного выхода сланца имеется жение горного козла или барана, выполненное прощлифовкой туру. Хвост животного передан в виде кольца (рис. 37). Пример- км от этого места, на правом берегу р. Уранхай, обнаружены тные изображения, выполненные прорезной техникой. Это раз- геометрические фигуры в виде треугольников, крестов разных ураший, линий, штрихи и т. д.

КАМЫСТЫ зафиксировано в 2 км к югу от с. Бестерек, в урочище ты. Обнаружено несколько групп изображений. На одном камне

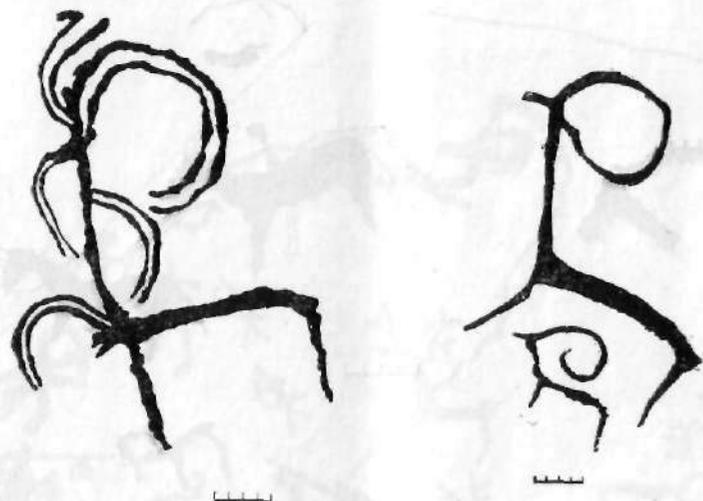

Рис. 35. Петроглифы сопки Каратюбе

Рис. 36. Петроглифы сопки Каратюбе

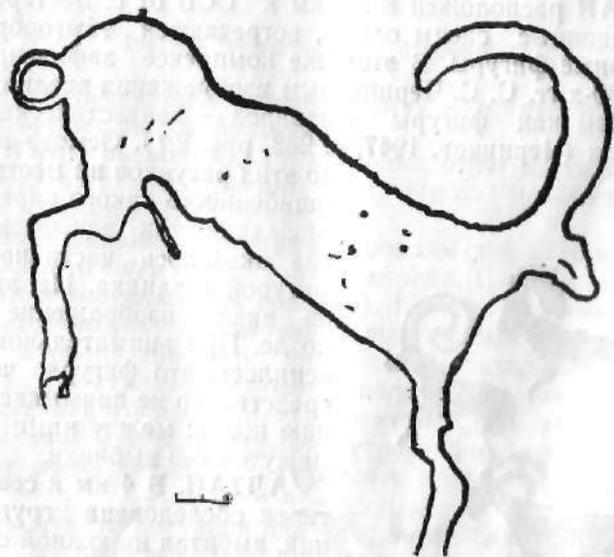

Рис. 37. Петроглифы у с. Бестерек и урочища Камысты

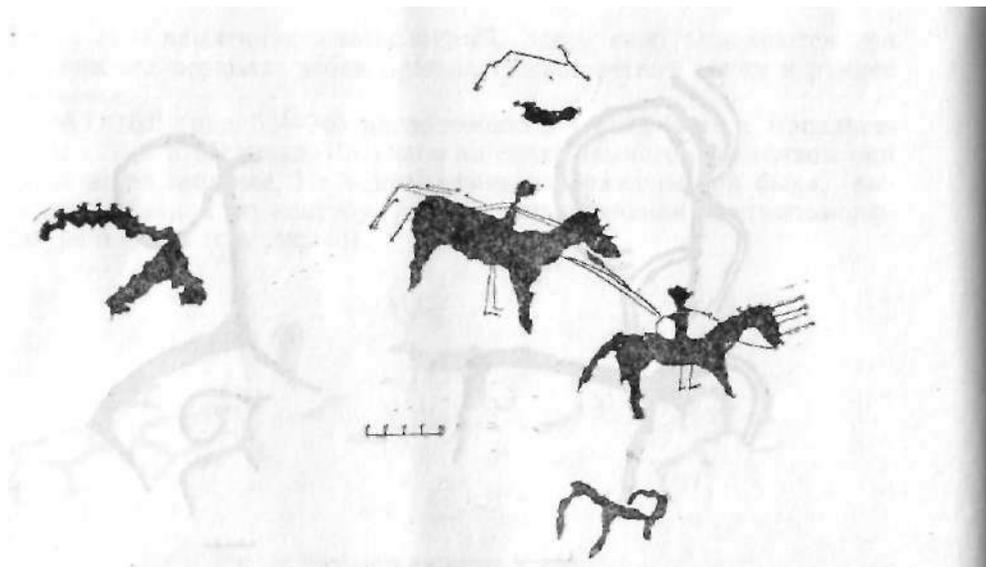

Рис. 38. Петроглифы у с. Бестерек и урочища Камысты

еятлены два всадника, выполненные комбинированной техникой:ловище коней и самих всадников — сплошной выбивкой, а ноги всадков — техникой граффити (рис. 38). На другом камне с горизонтальной плоскостью изображена свастика, рядом высечен горный козел.

КОЧУНАЙ расположен в 2,5 км к ССВ от с. Бестерек. Преобладают традиционные сцены охоты, встречаются тамгообразные знаки, тропоморфные фигуры. В этом же комплексе зафиксированы исследованные в 30-х гг. С. С. Черниковым изображения всадников, квалифицированные им как фигуры кентавров — фантастических полулюдей-пуживотных (Черников, 1947, с. 253, рис. 2,1). Осмотр непосредственно этих рисунков на местности показал ошибочность такого определения. Изображение так называемого «кентавра» оказалось частично испорченной фигурой всадника. На этом же камне он видел изображение всадника на козле. При внимательном осмотре выяснилось, что фигура человека непосредственно не примыкает к изображению козла: между ними имеется промежуток без выбивки.

АЛТАЙ. В 4 км к северу от с. Бестерек обследована группа изображений, выбитая на южной стороне каменной жилы, проходящей по вершине не-

Рис. 39. Петроглифы у с. Никитинка

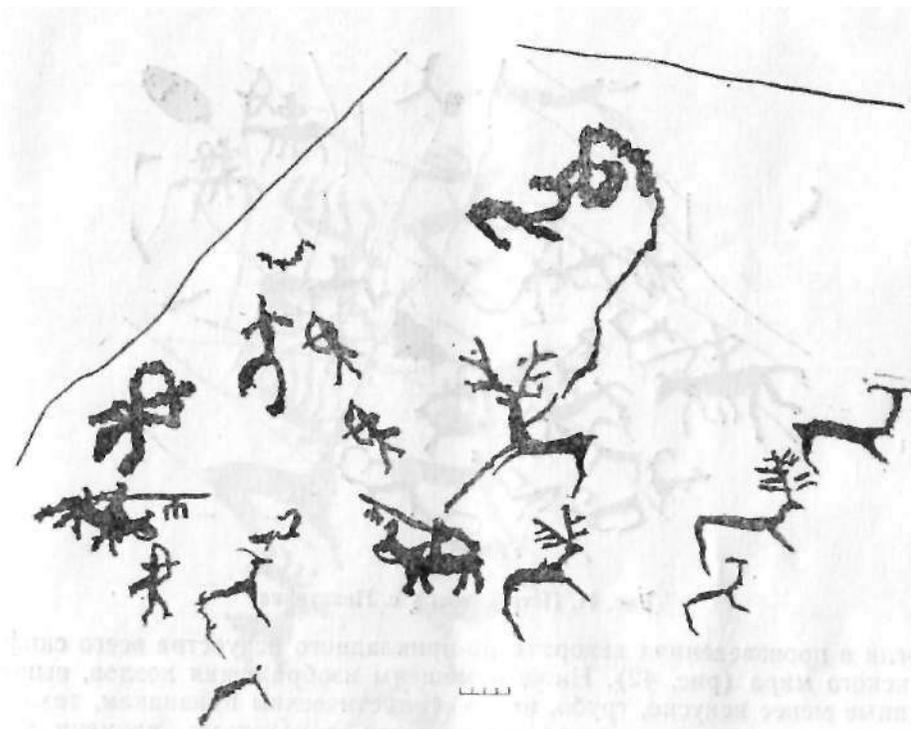

Рис. 40. Петроглифы у с. Никитинка

высокой сопки. В основном это изображения животных и людей. Зафиксировано несколько фигур хищников.

НИКИТИНКА расположена в северных отрогах Калбинского хребта. В 1975—1976 гг. обследованы два пункта: на северной окраине с. Никитинка и в 3 км к ЗЮЗ от него.

На северной окраине села зафиксированы три камня с рисунками. На одном высечено пять фигур горных козлов. Глубина выбивки около 1 см, экспозиция вертикальная (рис. 39). На другом камне изображены два бодающихся козла. На вертикальной плоскости третьего камня, разделенной глубокой трещиной, запечатлены батальная сцена и охотничьи сюжеты. По стилю и технике исполнения, а также по плотности загара рисунки идентичны. Следует отметить, что на третьем камне представлены наиболее достоверные петроглифы древнетюркского времени, которые очень редко встречаются в исследуемом регионе (рис. 40, 41).

Во втором пункте рисунков немного, но по своей тематике и художественному достоинству они относятся к числу наиболее ценных петроглифов Восточного Казахстана. К ним относятся, в первую очередь, изображения семи благородных оленей, выполненные в лучших традициях скифо-сибирского звериного стиля и имеющие широчайшие ана-

Рис. 41. Петроглифы у с. Никитинка

В Произведениях декоративно-прикладного искусства всего скифского мира (рис. 42). Ниже помещены изображения козлов, выполненные менее искусно, грубо, но по стилистическим признакам, технике бивки и плотности загара относящиеся к сакскому времени, т. е. битые одновременно с фигурами оленей. Один из козлов запечатлен юдогнутыми ногами, в позе прыжка.

Другой камень с рисунками находится примерно в 300 м к западу предыдущего (рис. 43). В левой части его вертикальной плоскости казан пеший лучник, стреляющий в тура, намного превосходящего по ним размерам стрелка. Оба рисунка силуэтные; у человека кроме большого лука, выполненного техникой граффити, имеется подвешенный к поясу колчан. Бык изображен с огромными рогами, ухом, острым горбом, четырьмя ногами и хвостом с кистью. Ниже этой сцены показана группа животных: верблюд, козлы, лошадь с нарисованной к голове дугообразным рогом. В правой части плоскости помещено несколько рисунков, отличающихся лаконичностью. Фигура одного из козлов выполнена так называемым теневым способом: она состоит бы из двух соединенных вместе схематичных рисунков этого животного. Выше — пеший лучник, стреляющий в оленя, и несколько козлов. В средней части плоскости помещена фигура всадника на верблюде. У одной руке его — бундук на длинном шесте, в другой — повод, вбросившийся в морду животного (рис. 44).

ИКСРИНОВКА зафиксирована в горах, окружающих село с таким же названием. Осмотрены отдельные камни с рисунками. По видовому составу, тематике и сюжету они относятся к числу рядовых, и этому папу не использованы при хронологической атрибуции и интерпретации.

Рис. 42. Петроглифы у с. Никитинка

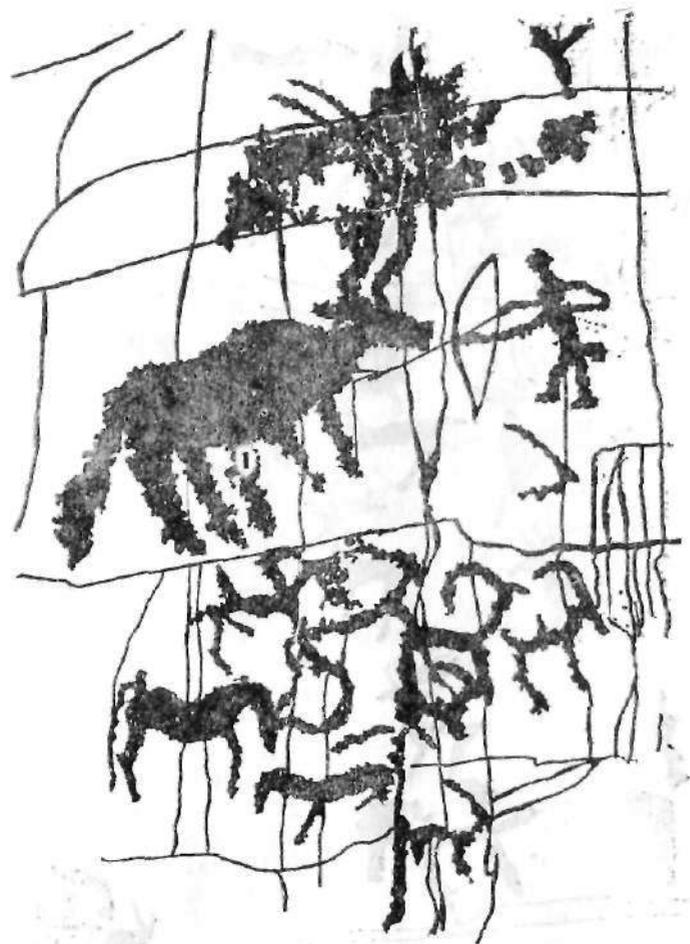

Рис. 43. Петроглифы у с. Никитинка

ТНАК расположен в урочище, в 2 км к СВ от с. Пятилетка того района, примерно в 30 км от места слияния рек Курчум и. Основная масса рисунков зафиксирована на пяти невысоких ршинных сопках, образующих компактную цепочку, изолирует основной оси Нарымского хребта живописной речной доли- . 45).

ней с рисунками здесь около 400, однако в силу естественных они распределены в пределах условно выделенных групп не ю: наибольшее количество — во второй и в третьей. Чаще все-глифы высекали на вертикальных и наклонных плоскостях,

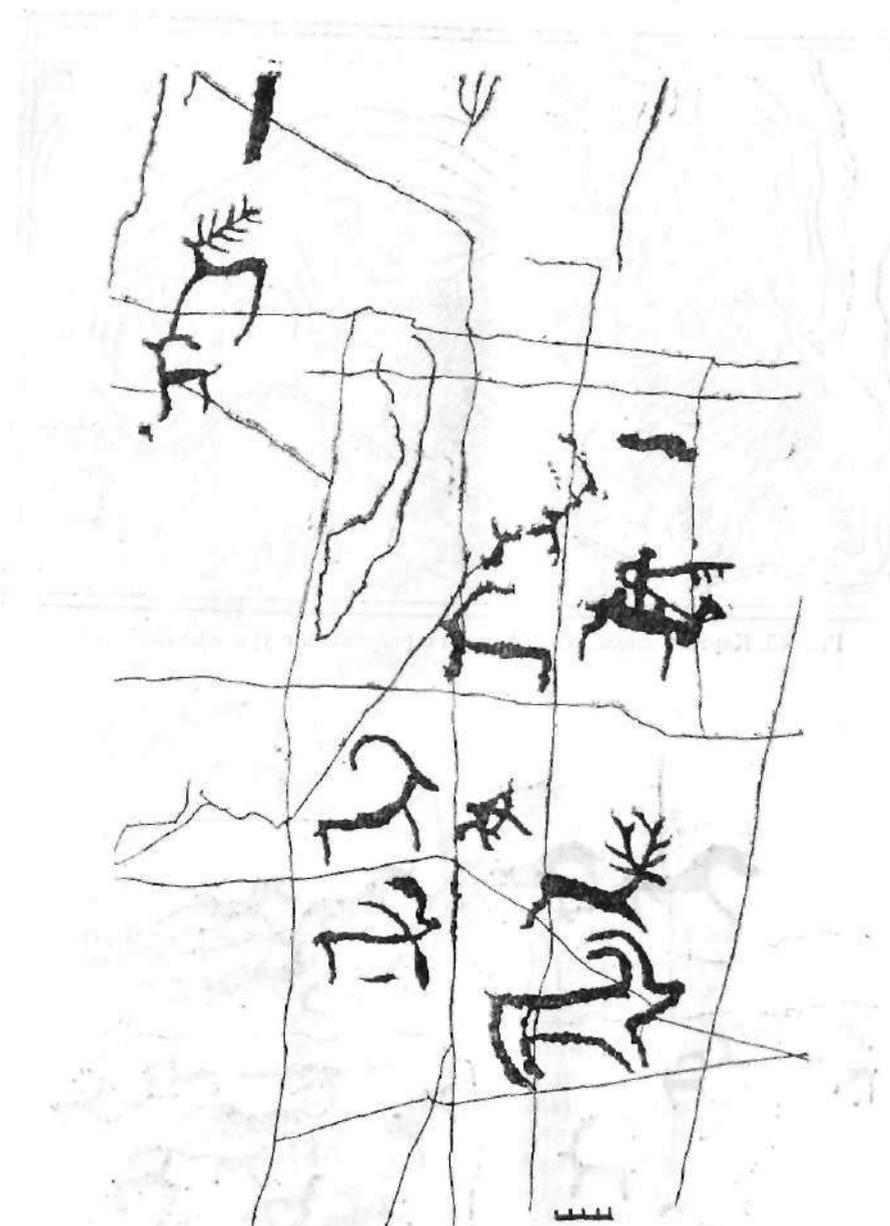

Рис. 44. Петроглифы у с. Никитинка

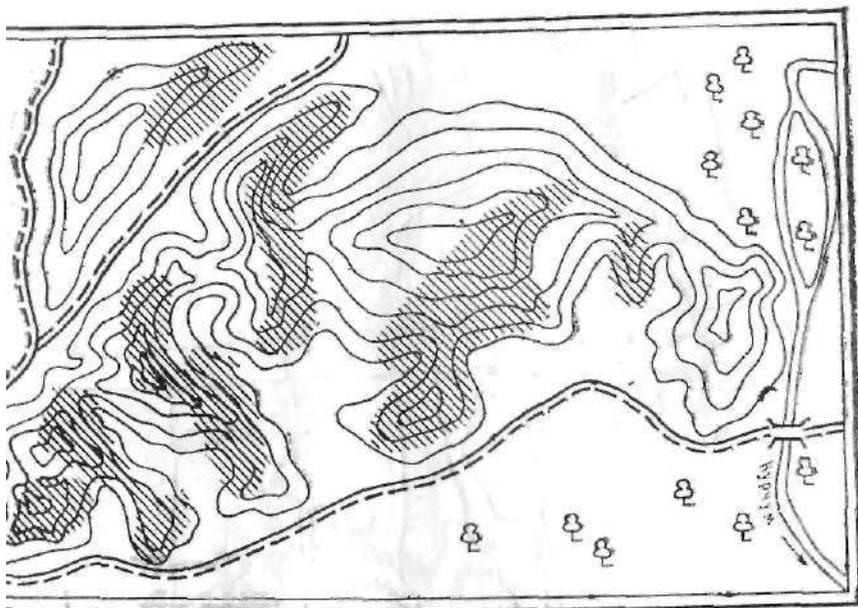

Рис. 45. Карта расположения камней с рисунками в урочище Мойнак

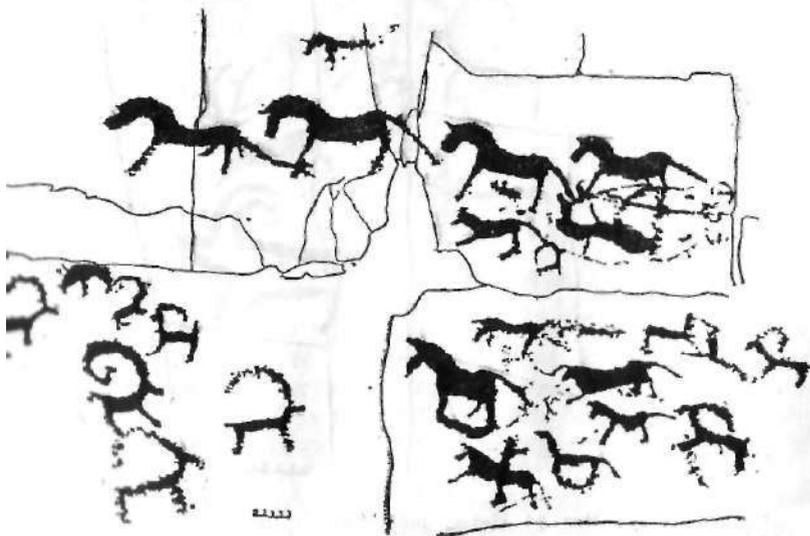

Рис. 46. Петроглифы урочища Мойнак

реже — на горизонтальных. Площадки с рисунками большей частью обращены на Ю, меньше — на В и ЮЗ, редко — на С.

Преобладает техника сплошной выбивки. Довольно часто встречается выбивка по контуру, реже — точечная техника, граффити и шлифовка. В ряде случаев рисунки выполнялись комбинированной техни-

Рис. 47. Петроглифы урочища Мойнак

кой. Например, корпус — выбивкой по контуру, а конечности — техникой граффити. Очень редко выбитые изображения шлифовались. В данном местонахождении шлифовка или протирка встречается только в сочетании со сплошной выбивкой. Например, изображение конной колесницы выполнено такой комбинированной техникой (рис. 46). Глубина выбивки — от едва заметной до 3 мм.

Наблюдение над плотностью пустынного загара показывает, что большей патинизации подвергались те площадки, которые освещаются солнцем. Редко встречаются камни, имеющие разную плотность загара. Иногда рисунки на одной площадке резко различаются по цвету загара. В таких случаях степень интенсивности загара выступает как независимый фактор в определении относительной хронологии рисунков на одной площадке.

Урочище Мойнак на сегодняшний день является самым крупным местонахождением наскальных изображений в Восточном Казахстане —

в их около 3 тысяч. Это один из опорных памятников, позволяющих решить некоторые вопросы хронологической атрибуции, семантической интерпретации и этнокультурной принадлежности. В этом отношении особую ценность представляют многофигурные композиции на камнях (рис. 47—53).

Рис. 48. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 49. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 50. Петроглифы урочища Мойнак

На камне 122, плоскость которого обращена на В, высечено около 60 рисунков. Около 50 из них представляют более или менее отчетливо животных и людей, остальные неясные и незаконченные (рис. 54). Две косые параллельные трещины в верхней части плоскости естественно делят композицию на две взаимосвязанные группы изображений. Создается впечатление, что художник старался заполнить все свободное пространство фигурами, но все же угловые площадки остались без рисунков. Композиции, несмотря на их обилие, относительно однородные:

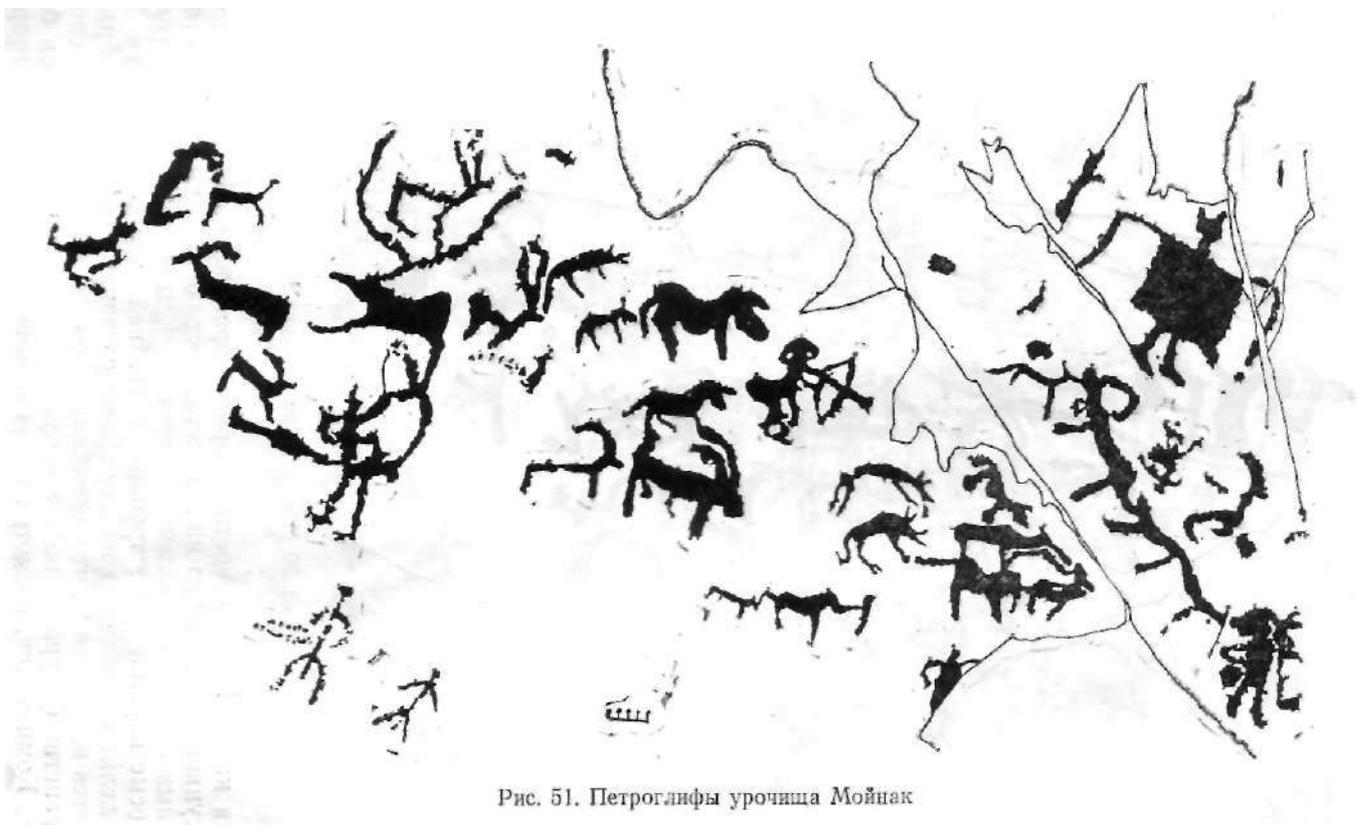

Рис. 51. Петроглифы урочища Мойнак

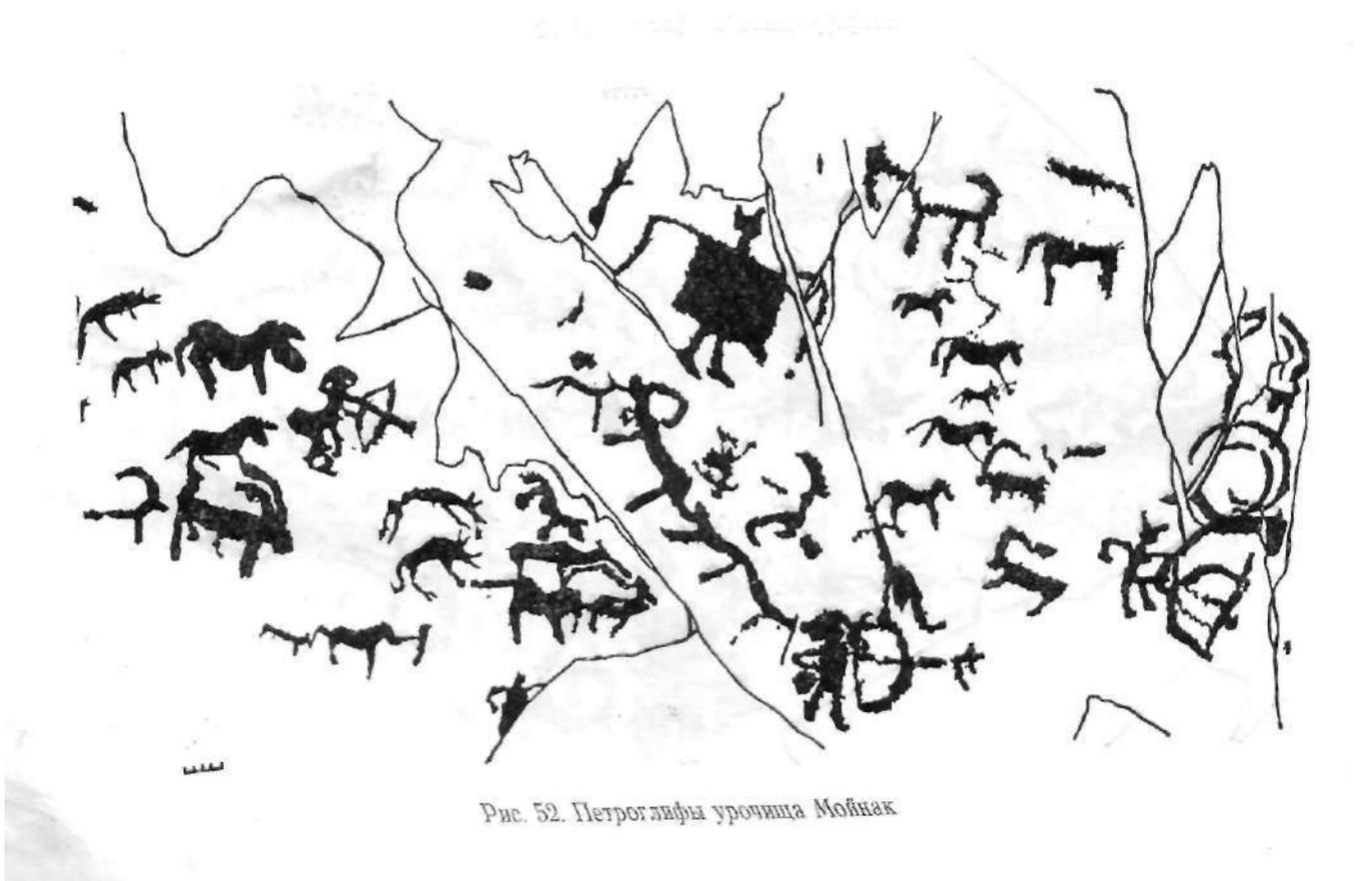

Рис. 52. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 53. Петроглифы урочища Мойнак

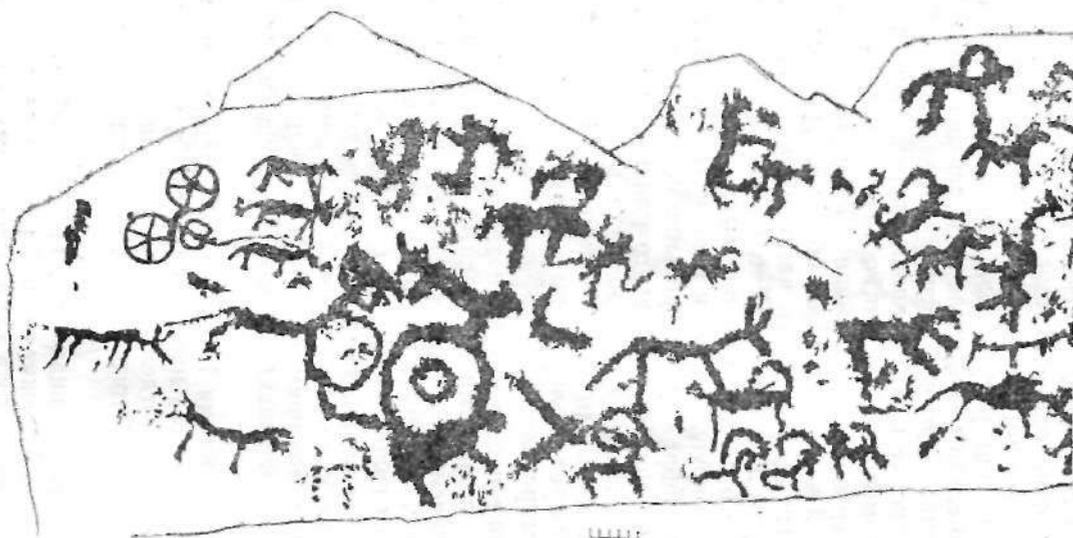

Рис. 54. Петроглифы урочища Мойнак

антропоморфные фигуры, три хищника, колесница с тройкой лошадей (одна в пристяжке), остальную часть составляют изображения отных: козла, лошади и быка. Имеются два изображения круга, смотря на чрезвычайно компактность в расположении фигур, единичная композиционная связь на первый взгляд не улавливается, хотя истински, по технике исполнения и плотности пустынного загара рисунки, возможно, одновременны.

На плоскости насчитывается около 20 изображений коня.

В центре скопления рисунков запечатлен всадник на коне, но без головы специально не оформлена. В верхней части правой половины камня отчетливо выделяется фигура быка. Хвост быка имеет кисту, рога извилистые и направлены вперед. Кончик рога касается ды лошади, помещенной на плоскости вертикально.

Камень 170 (рис. 55) насчитывает 27 фигур, размещенных по принципу вертикальной экспозиции. Они образуют три большие и несколько промежуточных группы. В верхней части камня помещены чрезвычайно амичные фигуры двух оленей, исполненные в скифо-сибирском звери-стиле. У одного оленя на голове пышные ветвистые рога, чрезмер-зкая «талия», округлый круп и подогнутые под брюхо ноги. В сред-части камня изображена профильная фигура человека с согнутыми прямыми углом ногами. Каким-то длинным предметом он наносит р по голове лучника, стреляющего в оленя.

Самый насыщенный рисунками камень 171 (см. рис. 46, 50—53). состоит из четырех изолированных блоков с самостоятельными композиционными построениями.

В левом блоке прослеживаются три темы: эротическая, охотничья расследования хищниками травоядных (см. рис. 50). В центральном блоке камня зафиксировано уникальное для нашего региона изображение кинжала (рис. 51, 56, 1). Здесь же высечены две антропоморфные уры в двурогих головных уборах: одна с луком, другая — в каком-то тагастическом облачении. Корпус человека трактован в виде прямо-льника (близже к квадрату), руки, очень длинные, неестественно сают с верхних углов прямоугольного туловища (см. рис. 52). Вероят-всего, человек совершает какое-то действие в особом ритуально-ядовом костюме.

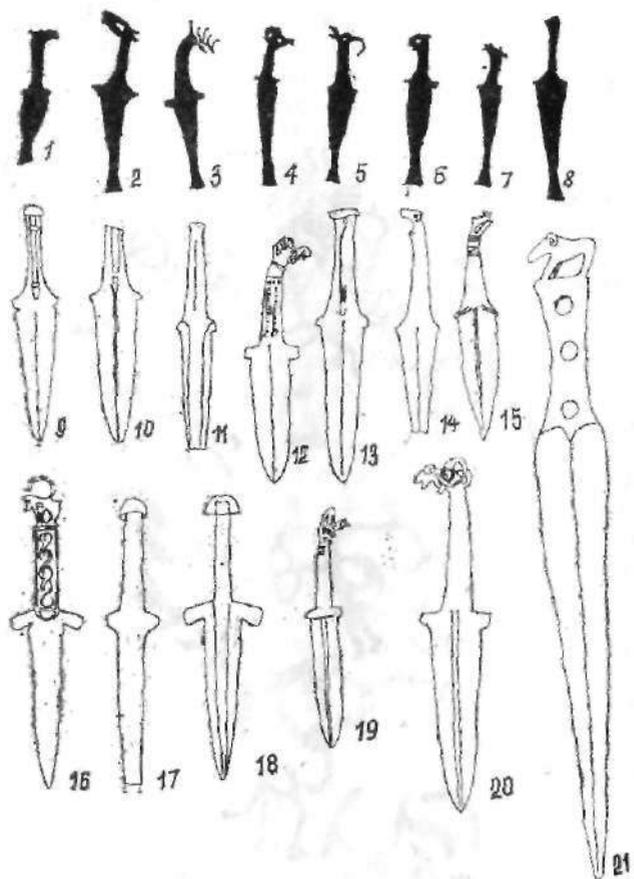
В верхней части камня 177 (см. рис. 49) высечено пять фигур бы-ков. У двух животных рога направлены вперед, у одного — назад. При-чу последнего рога и отдельные части тела трактованы несколько че, чем у остальных. Этого быка (скорее всего, одомашненного) дер-т на аркане мужчина.

Ниже запечатлен, по-видимому, процесс объездки коня: на коне ит человек, который держит в одной руке повод, в другой — плеть (?), а его свисает ниже живота коня. Второй человек, пеший, управляет вотным с помощью аркана, находясь на определенной дистанции. той способ объездки коня сохранялся до недавнего времени.

Аналогичные сюжеты высечены и на других камнях, различаясь по тем, что человек, держащий аркан, находится позади животного

Рис. 55. Петроглифы урочища Мойнак

Изображения вижгала предсакского времени: 1 — Мойнак; 2—8 — на оленях Монголии (Волков, 1981); 9—20 — карасукского времени с разных территорий (Волков, 1976); 21 — случайная находка из Восточного Казахстана (ВКОМ, КТО 26—8284)

ом. Тематически близкий сюжет запечатлен на камне 61, где удерживает на аркане верблюда (рис. 57, 3). и (рис. 58, 59) среди петроглифов Мойнака довольно редки. Инутом камне 177 (см. рис. 49) выбито наибольшее количество того животного. По трактовке рогов их можно разделить на две с направленными вперед извилистыми рогами и сильно изогнутообразными рогами. Первые значительно преобладают. Иногда встречаются изображения быков с саблевидными рогами (рис. 60). животных трактованы по-разному: у одних он заканчивается ий, у других — слабо изогнут, у третьих — прямой. Любопытно еще одного быка, хвост которого в четыре или пять раз длиннее (см. рис. 59, 1). Такая трактовка хвоста быка или других

Рис. 57. Изображения верблюда: 1, 2 — Олей; 3 — Мойнак; 4 — Курлум; 5 — Сатгар II

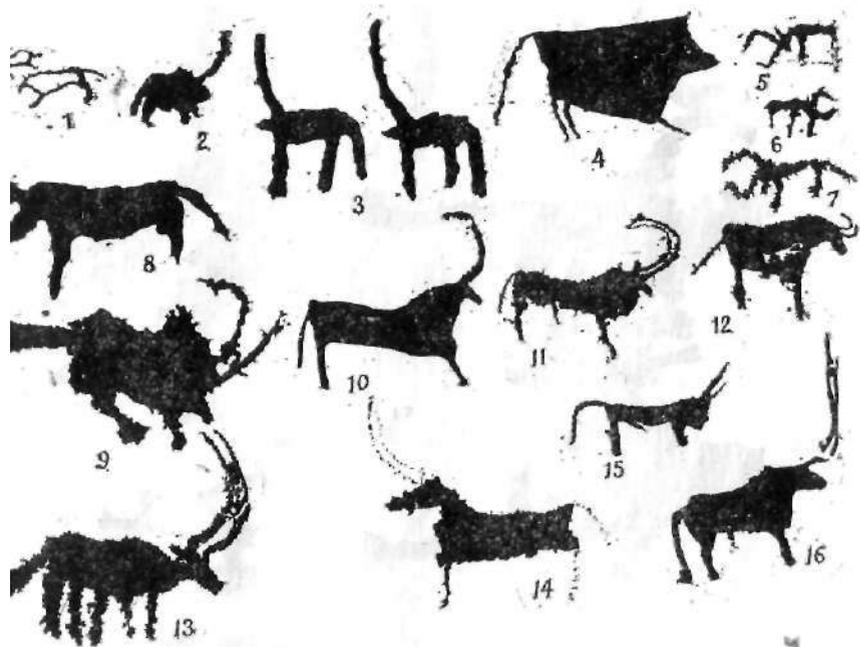

Рис. 58. Изображения быка: 1 — Каратюбе; 2, 8, 15 — Зевакино; 3 — Сагыр II; 4 — Окей; 5, 7 — Болгар-Табаты; 6, 9, 14, 16 — Курчум; 10, 11, 12 — Мойнак; 13 — Никитивка

Рис. 59. Изображения быка: 1, 9, 12, 14 — Мойнак; 2—8, 10, 11, 13 — Зевакино; 15 — Курчум

ных известна в Центральной Азии (Окладников, 1980, с. 15, табл. за быка показаны с ушами (см. рис. 59, 12, 14; 60).

роткоротый бык с прямоугольным туловищем на камне 333 инте- ем, что его шея насквозь пробита узким предметом с кольцевид- нвершием (рис. 61). Второй такой предмет воткнут в круп живот- ид и назначение этого предмета пока остается неясным.

ени (рис. 62, 63, 64) занимают важное место в петроглифах да Мойнак. В хронологическом и стилистическом отношении жения оленей весьма разнообразны. На камнях 120, 171, 174А звлено пять рисунков оленей, имеющих стилистическое, иконогра- ое и, несомненно, хронологическое сходство с фигурами на олен- мнях Центральной Азии и Алтая (рис. 62, 1—5; 63, 5,7; 65, 66). еди остальных изображений оленей есть и очень выразительные гические фигуры, и крайне схематичные. Формы рогов варьиру- екоторых откинута назад, у других ствол рога вертикальный или ожен под углом, а отростки пририсованы елочкой, у третьих юга трактован в виде развилки, а отростки идут с одной или с торон. Есть и другие варианты.

осаеся в глаза отсутствие одиночных изображений хищников (7—70) во всем комплексе петроглифов урочища Мойнак. По- щее большинство хищников изображено преследующими тра-

Рис. 60. Петроглифы урочища Мойнак

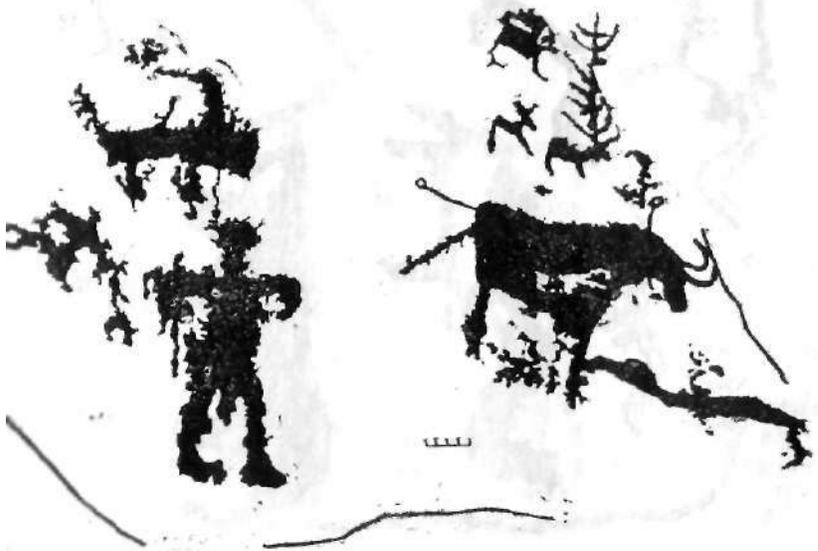

Рис. 61. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 62. Изображения оленя с кленовидной мордой: 1—5 — Мойнак; 6, 7 — Доланлы; 8 — Аксеу-Джабаглы; 9 — Джингильчак, хребет Каратау

воядных. Зафиксировано множество сюжетов, подобных охарактеризованным выше сценам, на камнях 122, 171, 181.

Достоверных изображений волков мало.

На камне 7 (рис. 71) запечатлена динамичная фигура волка (?), преследующего животного, напоминающего сайгу (?). Видимо, с целью подчеркнуть чрезмерно массивные челюсти хищника художник увеличил их размер: длина раскрытой пасти зверя равна половине длины корпуса.

Совершенно иначе изображен волк на другом камне (рис. 72). Благодаря подчеркнuto тонким длинным ногам фигура его чрезвычайно легка и динамична. В отличие от предыдущего у этого волка характерная мощная шея. Изящная голова отделена от шеи и детализирована

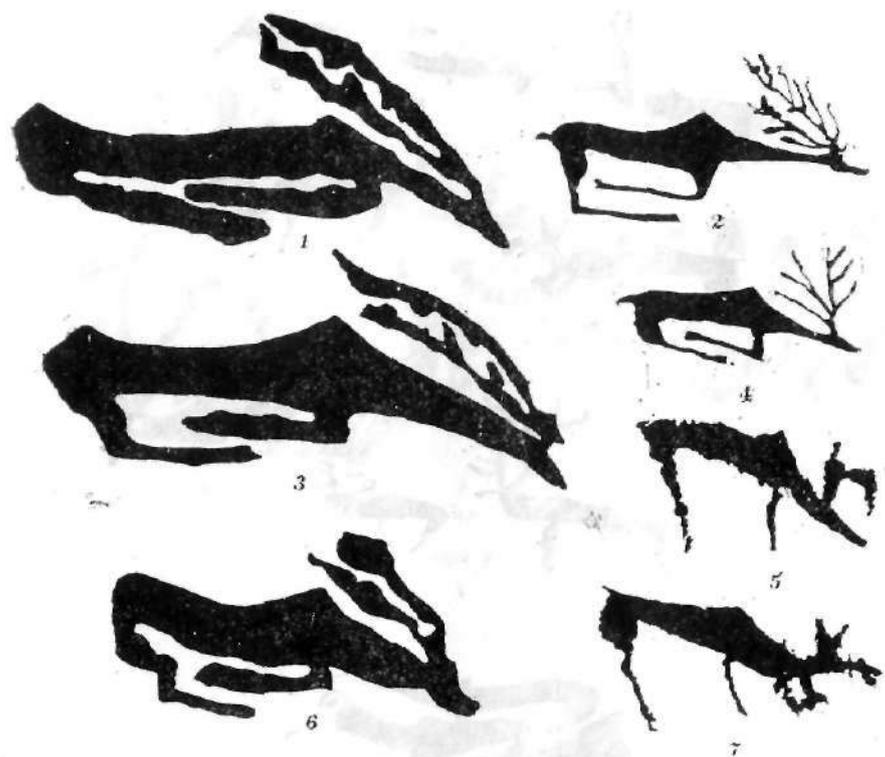

Рис. 63. Изображения оленя: 1, 3, 6 — Тамгалы (Максимова, 1958); 2, 4 — Сурат-Таш (Шер, 1980); 5, 7 — Мойнак

(например, показано дугообразное утолщение у основания нижней челюсти), морда вытянута вперед. Уши параллельные, направлены вверх и вперед. Хвост сначала выгибается, затем опускается вниз, а кончик его несколько приподнят.

Поединку волков с жербцами посвящен фрагмент на камне 80 (рис. 73). Здесь хищники выступают в роли поверженных: два жеребца топчут ногами поваленного волка. Рядом запечатлена такая же сцена, но жеребец выглядит несколько аморфно, зато волк более ясно, чем в предыдущем случае.

В левой части камня 48 запечатлена борьба трех хищников (волков?) (рис. 69, 6; 74).

Сцена на камне 247 (рис. 75), по-видимому, отражает нередкое явление в повседневной жизни пастушеско-скотоводческих народов — нападение волков на домашний скот, содержащийся в загоне.

В петроглифах данного местонахождения, как и других, очень часто встречаются изображения, видовую принадлежность которых определить трудно. Особенно это касается фигур собак и волков, морфологические признаки которых почти совпадают. Собаки чаще всего

Рис. 64. Изображения оленя сакского времени: 1—5, 10 — Искитинка; 6, 11 — Тулькун; 8 — Мойнак; 12, 14, 16 — Курчум; 7, 13, 15 — Окей; 9 — Меновное

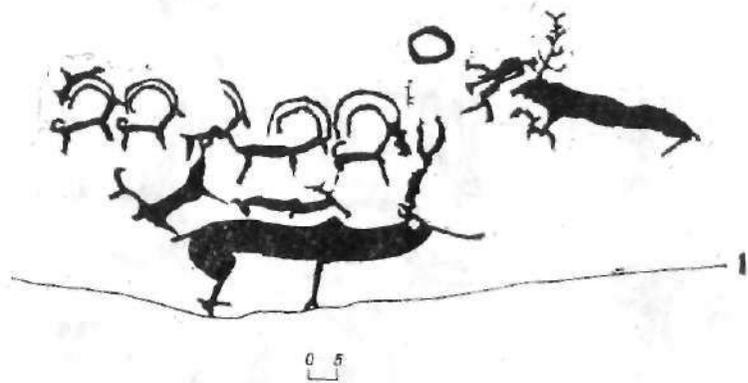

Рис. 65. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 66. Петроглифы урочища Мойнак

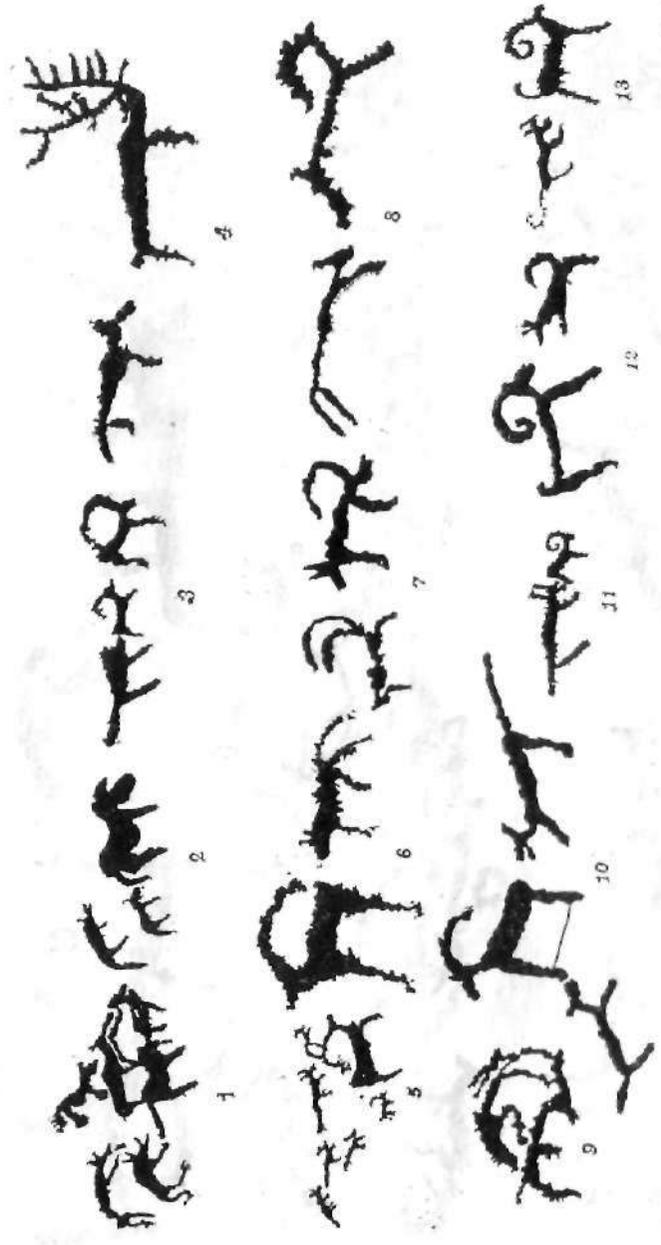

Рис. 67. Сцены преследования хищниками травоядных: 1—3, 5, 11 — Мойнак; 4, 12 — Доланап; 6, 7, 9, 10 — Окей; 8, 13 — Тулькуче

Рис. 68. Сцены преследования хищниками травоядных: 1—3, 5, 6, 8 — Окей; 4, 7, 9 — Мойнак; 10, 11 — Сагыр I

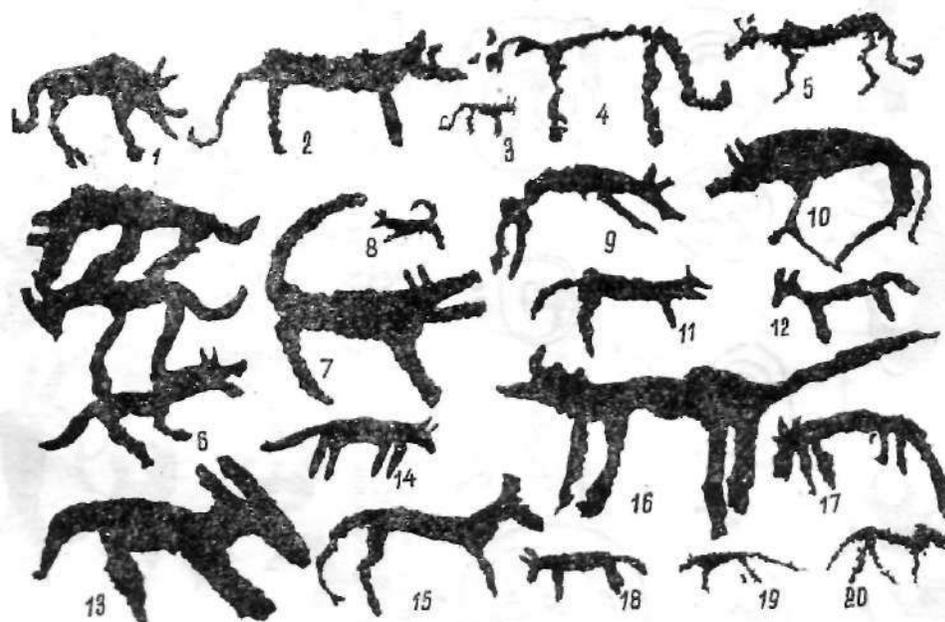
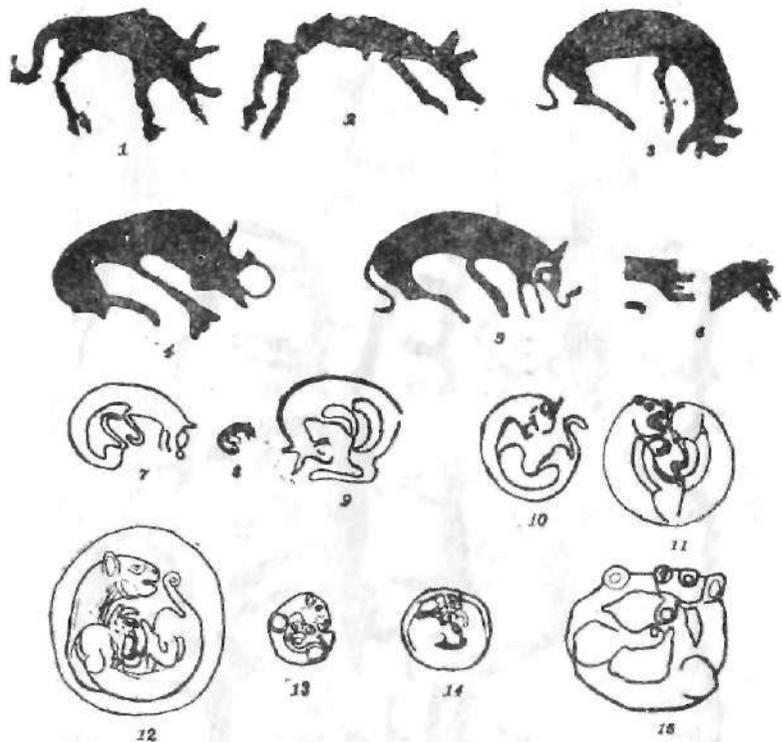

Рис. 69. Изображения хищника: 1, 5—7, 9, 10 — Мойнак; 8 — Доланалы; 2, 15, 16, 19, 20 — Окей; 3 — Тулькуне; 11, 13, 18 — Сагыр I; 12 — Нарбота; 14, 17 — Зевакино

Изображения хищников: 1, 2 — Мойнак; 3—6 — Алтай (Кубарев, 1979); 7—10 — ошология (Волков, 1981); 11 — Аржай; 12 — Майэмир; 13 — Чиликтинская долина; 14 — Камышинка, Восточный Казахстан (Арсланова, 1974)

Рис. 71. Петроглифы урочища Мойнак

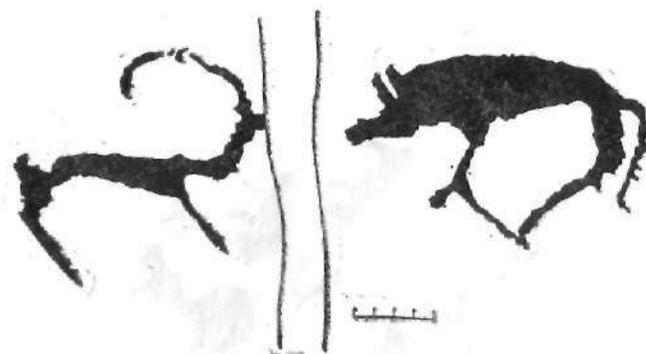

Рис. 72. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 73. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 74. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 75. Петроглифы урочища Мойнак

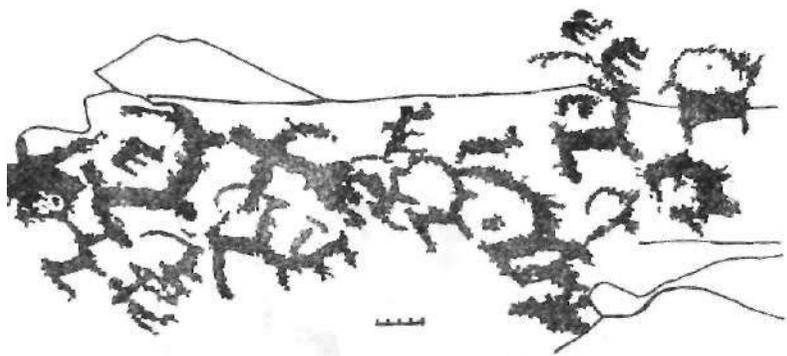

Рис. 76. Петроглифы урочища Мойнак

каются в сценах загонной охоты, в композициях, где обычно твует изображение самого охотника. Однако самым надежным сом собаки является загнутый вверх хвост.

бан, по мнению некоторых исследователей, становится одним из их объектов охоты в эпоху бронзы, и тогда же возникает культ веря (Ермолова, 1979, с. 64—65).

скальных изображений кабана в ур. Мойнак темно, около 10. югих фигур характерны гипертрофированные размеры, круто ные вниз типично кабаньи морды. Иногда подчеркнуты клыки, хвосты (рис. 46, 53, 76, 77).

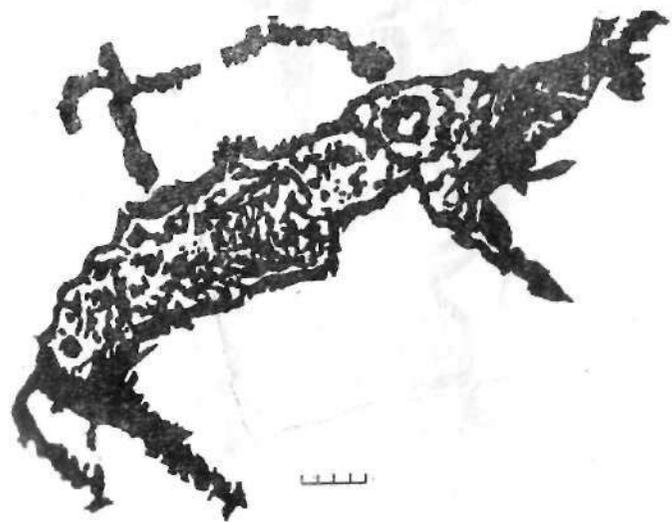

Рис. 77. Петроглифы урочища Мойнак

Гм

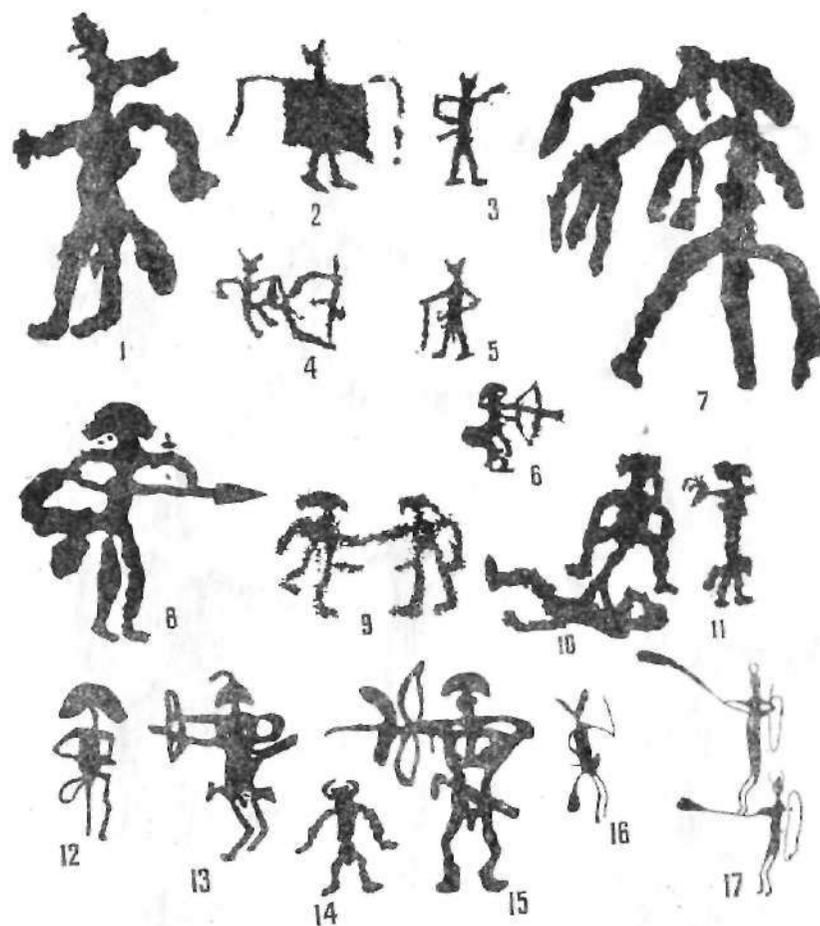

Рис. 78. Изображения людей в головных уборах и масках (?): 1—7 — Мойнак; 8—10 — Курчум; 11 — Окей; 12 — Оргаа-Саргол (Дэвлет, 1982); 13, 15 — Монголия (Окладников, 1981); 14 — Бага-Звря (Окладников, Запорожская, 1969); 16, 17 — Елан-гаш (Окладников и др., 1979)

Антропоморфные изображения (рис. 78—85) в петроглифах Мойнака весьма разнообразны. Они встречаются как в составе многофигурных композиций, так и в сценах охоты, танца, ритуально-обрядовых и эротических. Немало одиночных изображений человека в различных позах, костюмах.

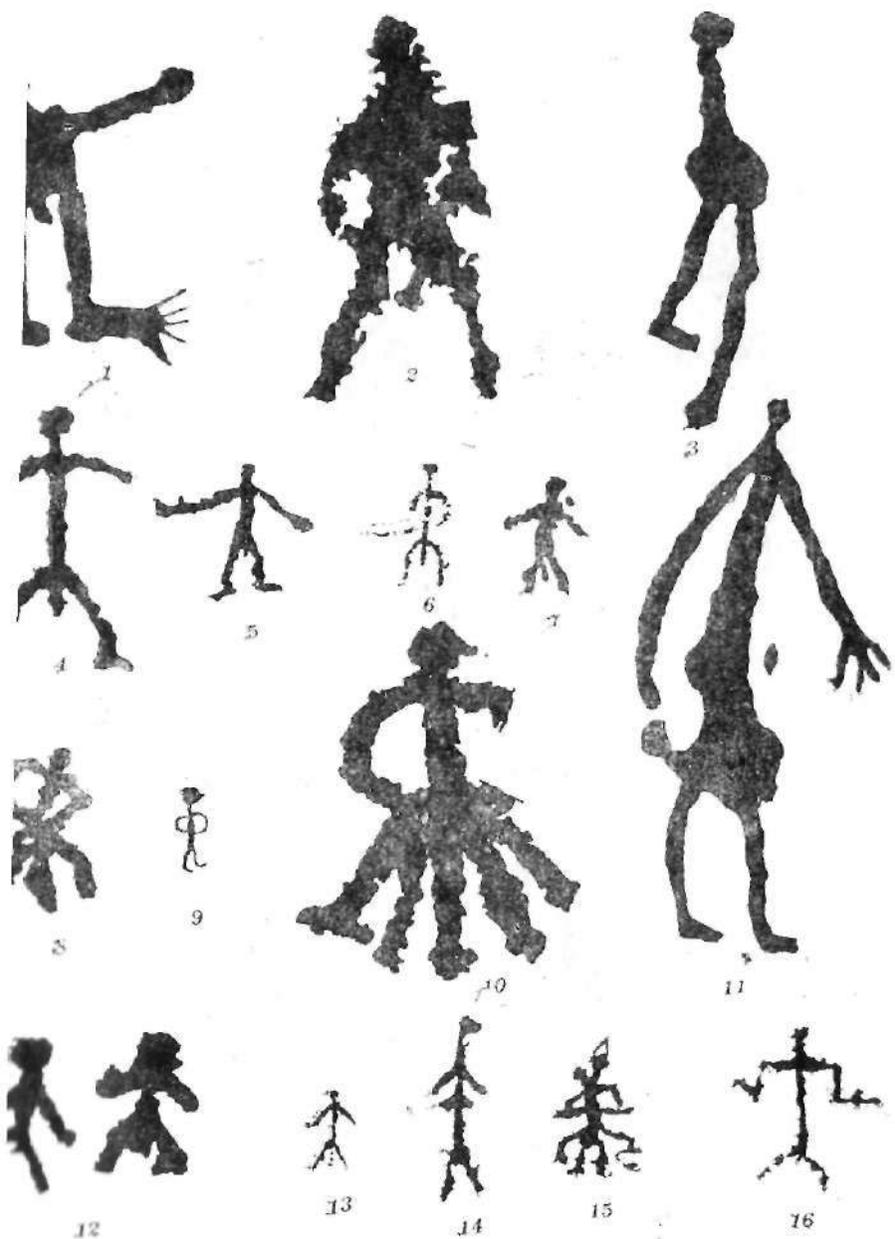
На камне 270 запечатлена любопытная сцена (рис. 86): мужчина одной рукой с длинными пальцами, защищая, прикрывает мальчика (мужская фигура маленьких размеров). Рядом с ним, с левой стороны (от зрителя) находится женщина (на это указывает отсутствие признака пола, наличие серег с обеих сторон головы в виде овал-

79. Изображения ряженных: 1, 3, 5 — Мойнак; 2 — Зевакино; 4, 6, 8 — Доланалы; 7, 9 — Курчум

Рис. 80. Профильные изображения человека: 1—3 — Зевакино; 4, 7 — Мойнак; 5, 10 — Сагыр I; 6, 8, 9 — Окей

Изображения человека: 1—3, 5, 7, 11 — Зевакино; 4 — Тулькуне; 6, 10, 13, 14 — Мойнак; 8, 16 — Никитинка; 9, 5 — Долапалы; 12 — Сагыр I

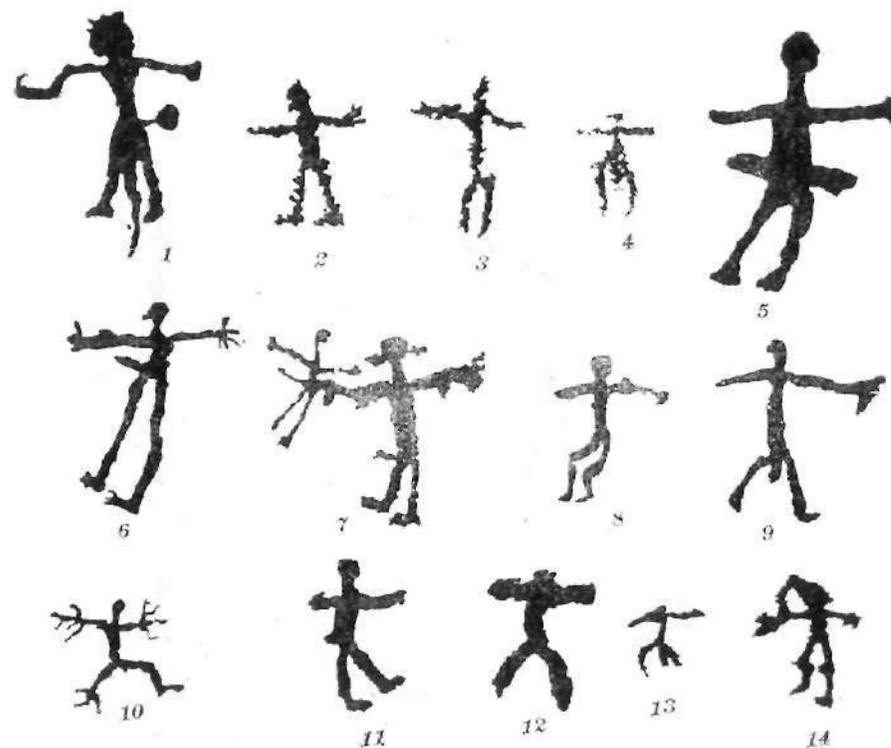

Рис. 82. Изображения человека: 1, 13, 14 — Долапалы; 2 — Окей; 3 — Меновное; 6—12 — Зевакино; 4 — Курчум; 5 — Тулькуне

ных пятен, а также расширение в области груди, относительно узкая талия и широкие бедра). Поверх головы горизонтально по отношению к нему изображен человек, держащий в руках длинный предмет (оружие?) с крючком на конце. Рядом в перевернутом положении запечатлен еще один человек. Несмотря на простоту композиционного решения, расшифровать смысл рисунка не просто. Самое тривиальное предположение — это иллюстрация нападения на семейную чету, гибель женщины.

На камнях 2, 36А изображены антропоморфные существа: на первом — в позе сражающихся, на втором — в танце (рис. 79, 5; 87). На голове последней фигуры показан убор в виде широкой развилки, одна рука вытянута вперед, вторая — вниз и заканчивается утолщением. Вполне вероятно, к этой категории изображений относится часть фигур, запечатленных нами за изображения мужчин.

Особую группу изображений составляют люди в грибовидных и

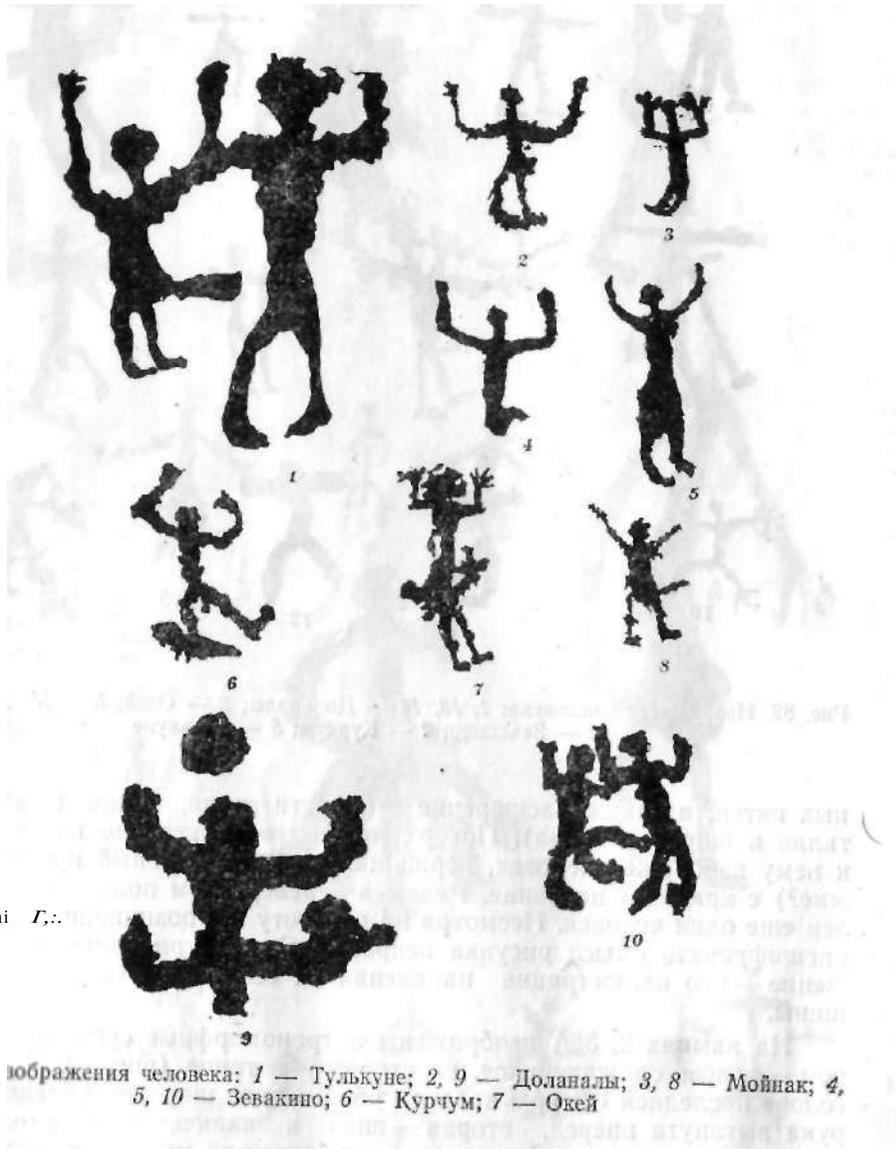
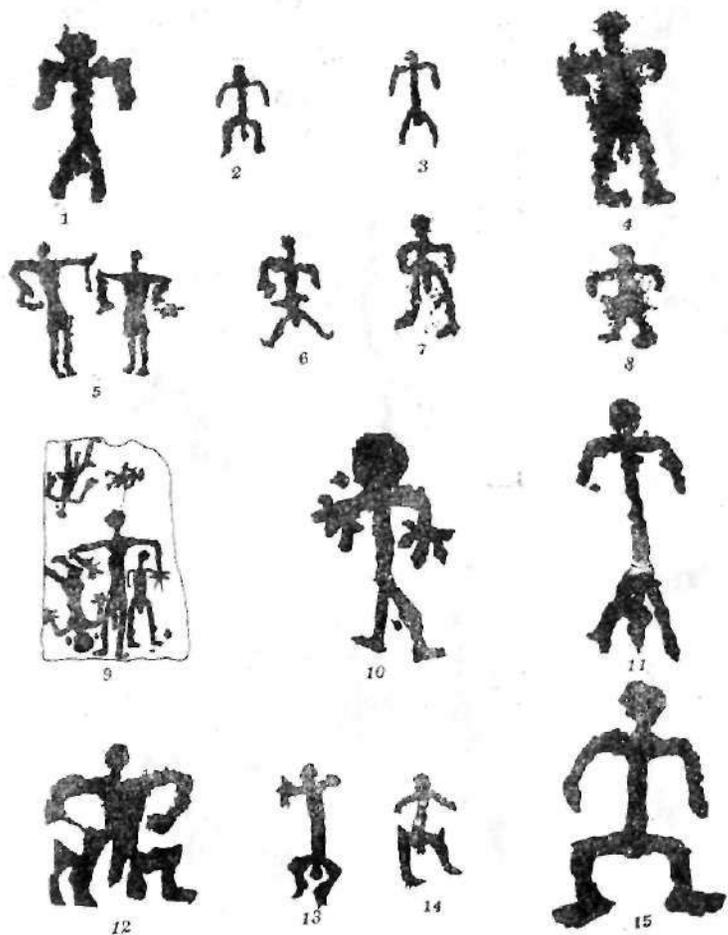

Рис. 84. Изображения человека: 1, 3, 8 — Мойнак; 2, 4 — Окей; 5, 10 — Тулькуне; 6, 9 — Сагыр II; 7 — Бестерек

Б. Изображения людей с опущенными руками: 1, 6, 11, 13 — Зевакино; 2, 3, 12, 14 — Доланалы; 4, 9 — Мойпак; 5, 7, 8, 15 — Сагыр II; 10 — Черняевка

Рис. 86. Петроглифы урочища Мойпак

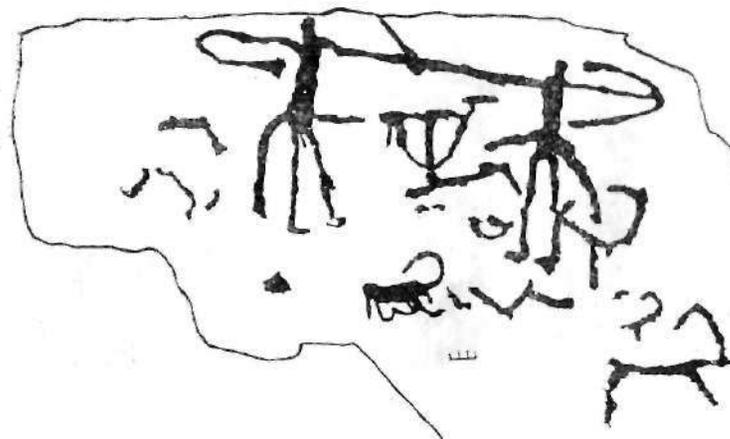

Рис. 87. Петроглифы урочища Мойпак

Рис. 88. Знаки и символы в петроглифах Восточного Казахстана: 1, 2, 9 — Сагыр I; 3, 7 — Доланалы; 4, 6 — Мойнак; 5, 8 — Зевакино

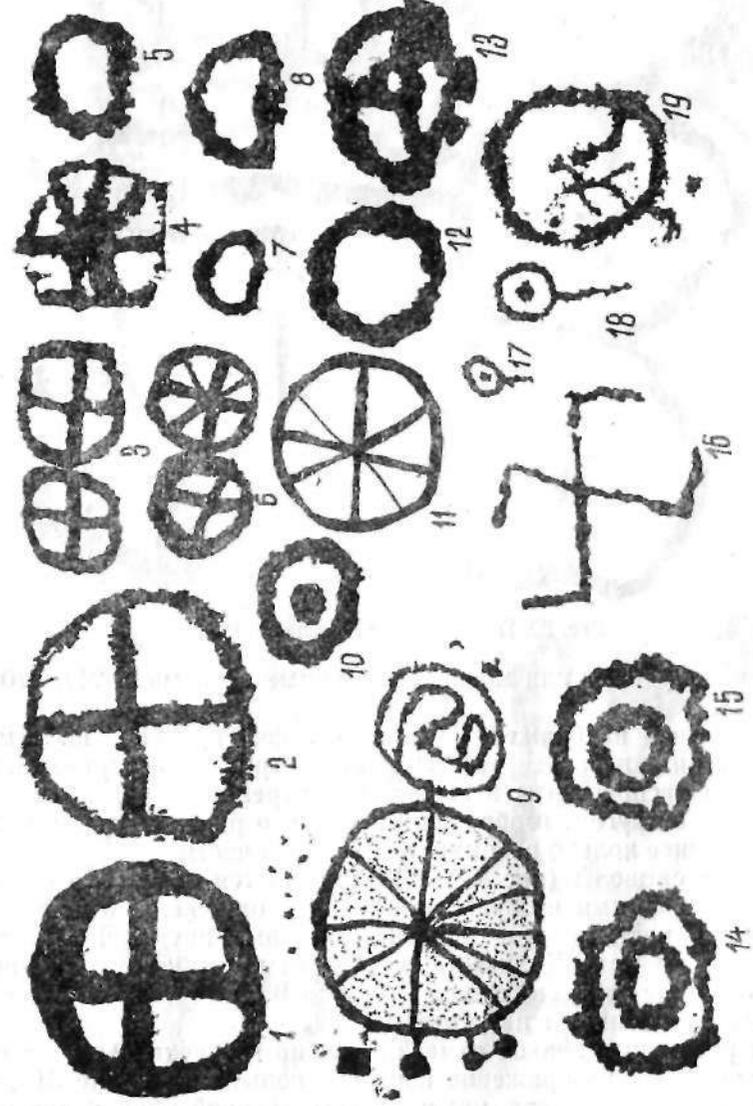

Рис. 89. Изображения солнечных знаков: 1, 3—8, 12 — Мойнак; 2 — Тулькун; 9, 9 — Доланалы; 13—15 — Окей; 10, 11, 18 — Нарбота; 16 — Камысты

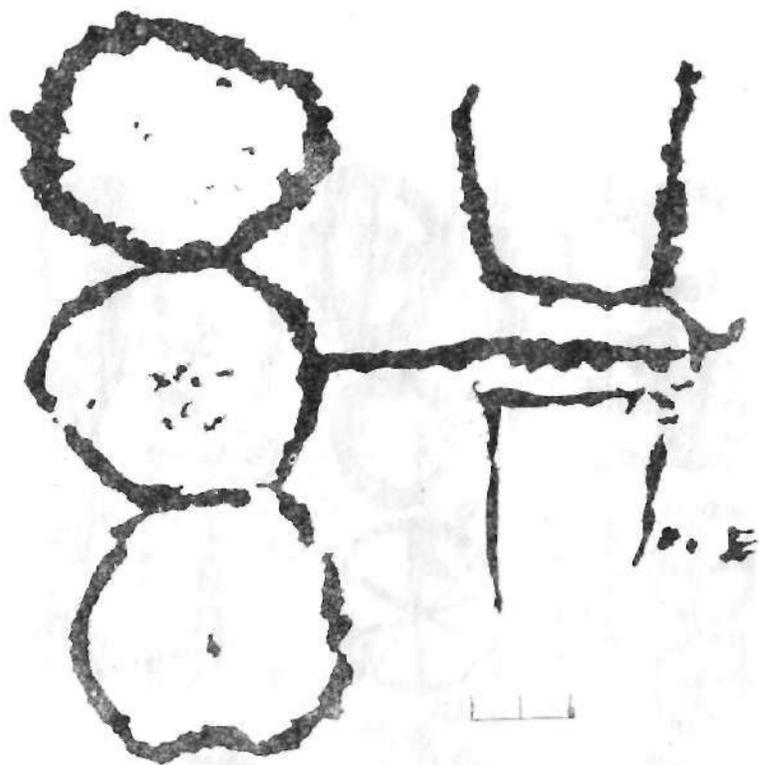

Рис. 90. Петроглифы урочища Мойнак

х головных уборах или масках, найденные на камнях 244, 270 и др. (рис. 78).

Оригинальное изображение человека зафиксировано на камне 70 (рис. 88, 4). Он запечатлен во весь рост внутри концентрических кругов. Руки его распростерты и касаются внутреннего круга. Голова не касается с кругом, изображена несколько расплывчато, шея очень тонкая. Внешнее кольцо разомкнуто в нижней части.

Солярные символы (рис. 88, 89) встречаются нечасто, в сочетании с антропоморфными изображениями и поодиночке. В основном они представлены простыми или концентрическими кругами, иногда — в виде колес со спицами. Количество спиц четыре и более. Вполне возможно, что в ряде случаев основным семантическим элементом являются концентрические круги, а вписанные в них кресты.

Среди различных знаков отметим редко встречающееся в петроглифах Казахстана изображение конского копыта на камне 314, тракционное в виде окружности, нижняя часть которой направлена внутрь острого угла. Изображения конских копыт широко известны в Монголии (Окладников, Цэвандорж, Конопацкий, Грицац, 1978, с. 197—198; Окладников, 1981, с. 108, рис. 3; с. 192; Окладников, 1983, с. 311—328,

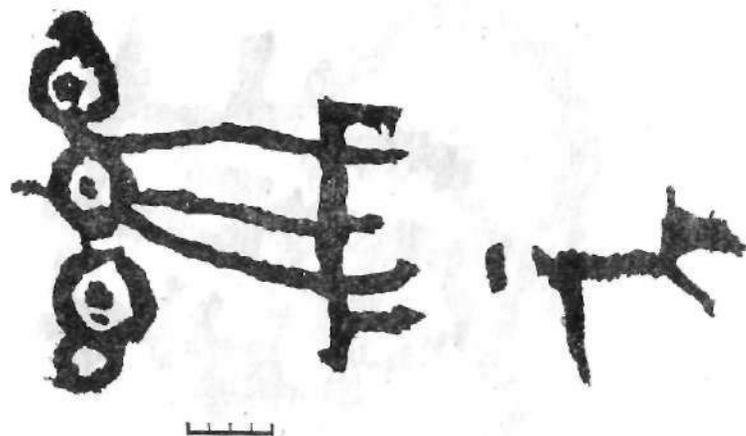

Рис. 91. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 92. Петроглифы урочища Мойнак

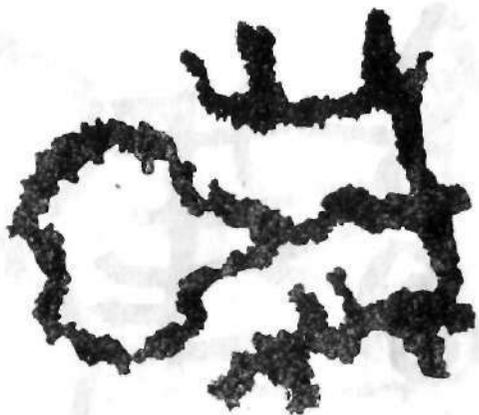

Рис. 93. Петроглифы сопки Тулькуне

рис. 40; Новгородова, 1983, с. 306—310, 388) и в памятниках дру-
егионов раннего железа (Черников, 1947, с. 258, рис. 5, 3; Кадыр-
1966, с. 230, рис. 24, 2, 1984, с. 92, рис. 5, 2; Вишневская, 1973,
7, табл. 5, 11; с. 146, табл. XIV, 7; Пшеничнюк, 1983, с. 166, табл.
II, 18; Завитухина, 1983, рис. 30, 31, 41, 71; Баркова, 1983, с. 25;
кин, 1978, с. 186, рис. 7).

помимо отмеченных выше здесь найдены еще три рисунка колес-
камни 29, 151, 176). Все пять изображений трактованы по-разному
46, 54, 90—92). Колесницы со сплошными колесами могут быть
делены как повозки. У трех из них на концах дышел отчетливо
я ярма. Колеса со спицами и без них.

ТУЛЬКУНЕ (рис. 93—100). Петроглифы этого памятника доста-
о подробно описаны С. С. Черниковым (1947, с. 253—258). Самое

Рис. 94. Петроглифы сопки Тулькуне

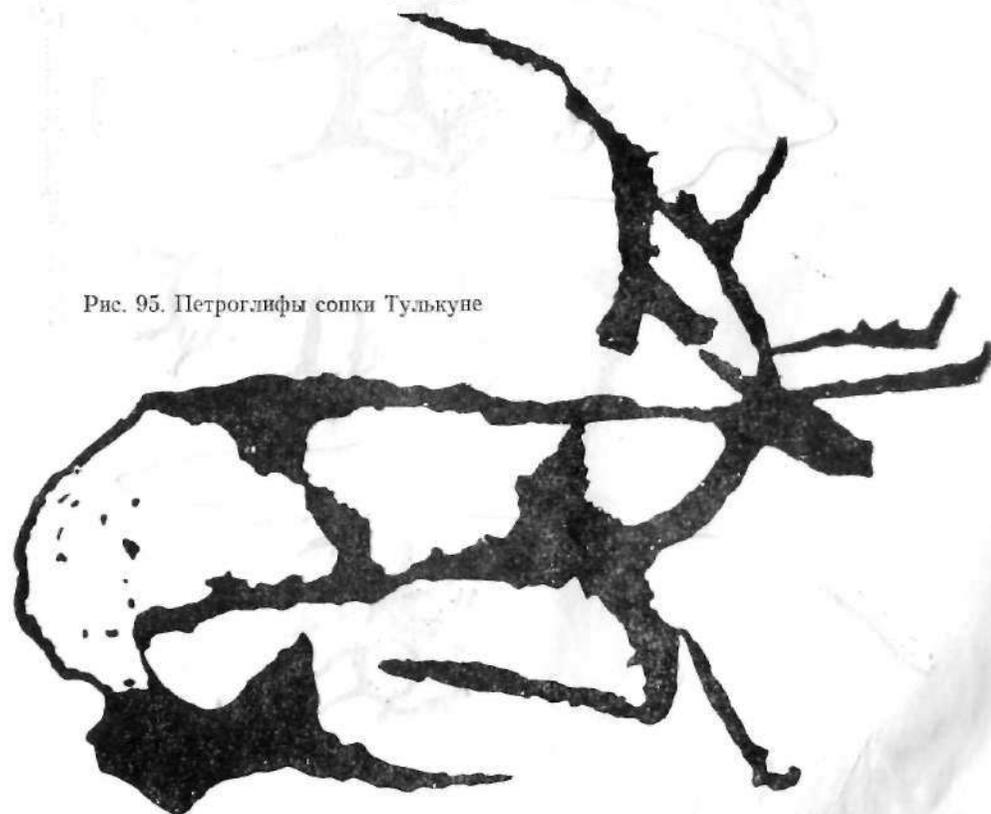

Рис. 95. Петроглифы сопки Тулькуне

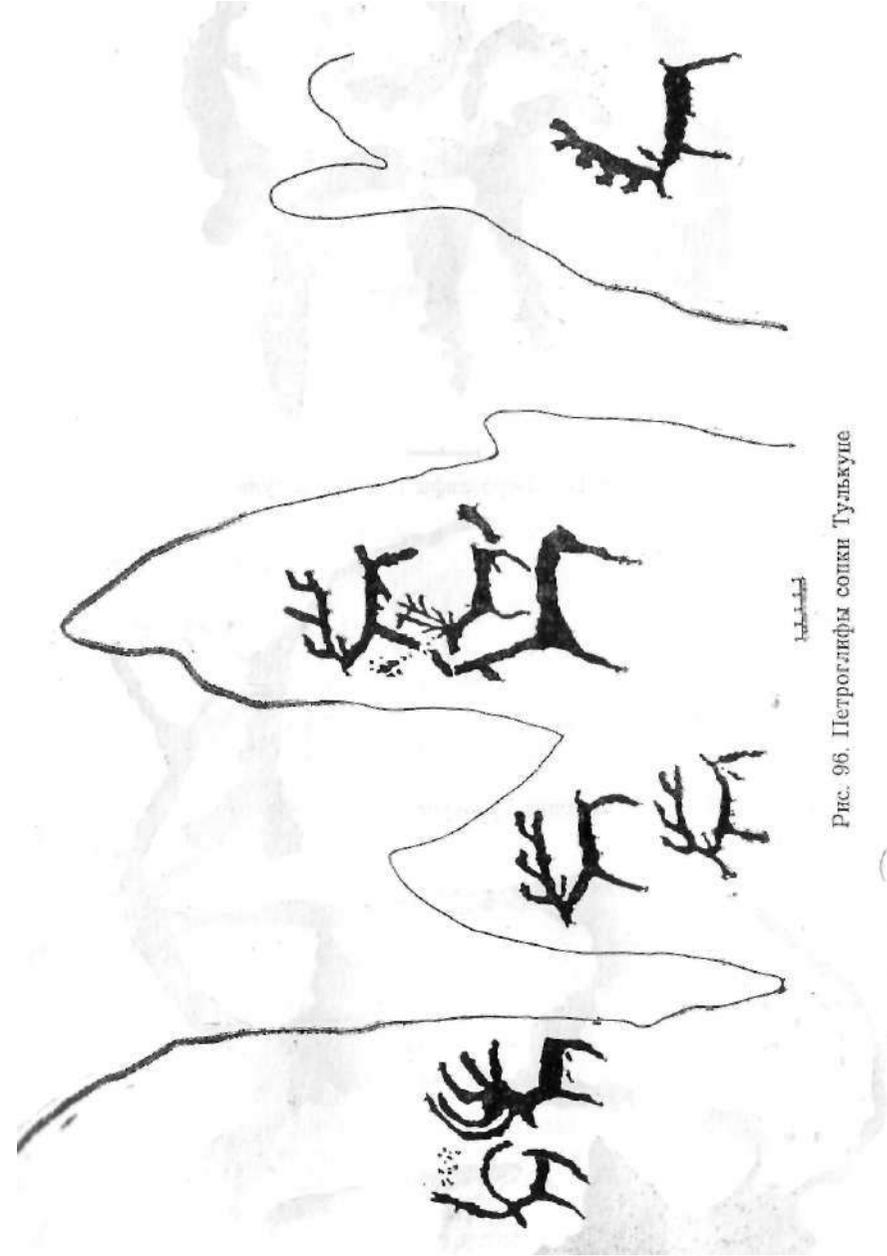

Рис. 96. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 97. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 98. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 99. Петроглифы сопки Тулькуне

Рис. 100. Петроглифы сопки Тулькуне

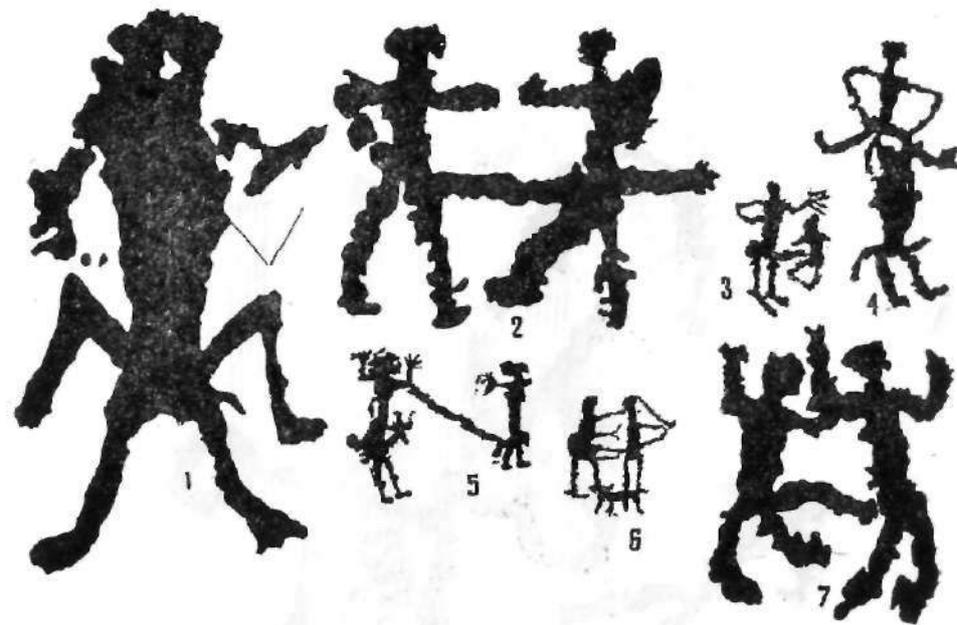

Рис. 101. Эротические сцены: 1 — Тулькуне; 2—4, 6 — Мойнак; 5 — Окей; 7 — Зевакино

ближайшее к местонахождению с. Пятилетка находится в 300 м к З. Рисунки разбросаны на площади радиусом 1,5—2 км. Петроглифы высечены в основном на горизонтальных и в редких случаях на вертикальных обнажениях сланцевых пород. Помимо опубликованных С. С. Черниковым на скале найдено большое количество новых изображений, однако полная фиксация их пока не закончена.

Тематически и хронологически петроглифы Тулькуне очень близки наскальным изображениям ур. Мойнак. Большую часть рисунков сопки составляют охотничьи сюжеты.

На одной плоскости найдено изображение оленя с поджатыми ногами. Туловище его выполнено контурной техникой и в двух местах пересечено вертикальными полосками (см. рис. 95). «Ажурные» изображения оленей известны в пределах казахстанского Алтая (Сорокин, 1967, с. 53—55) и в соседних регионах.

Среди петроглифов Тулькуне имеются несколько сцен, связанных с культом плодородия (рис. 16, 6; 101, 1). Зафиксированы два изображения колесниц (см. рис. 93, 100).

КУРЧУМ (рис. 160—168). Это название дано местонахождению по ближайшему поселку, расположенному в 21 км к ЮВ. В 1935—1937 гг. местность была осмотрена С. С. Черниковым, а материалы исследования выборочно опубликованы, в том числе рисунок наклонно расположенного на плоскости человека с поднятыми вверх двух-трех-

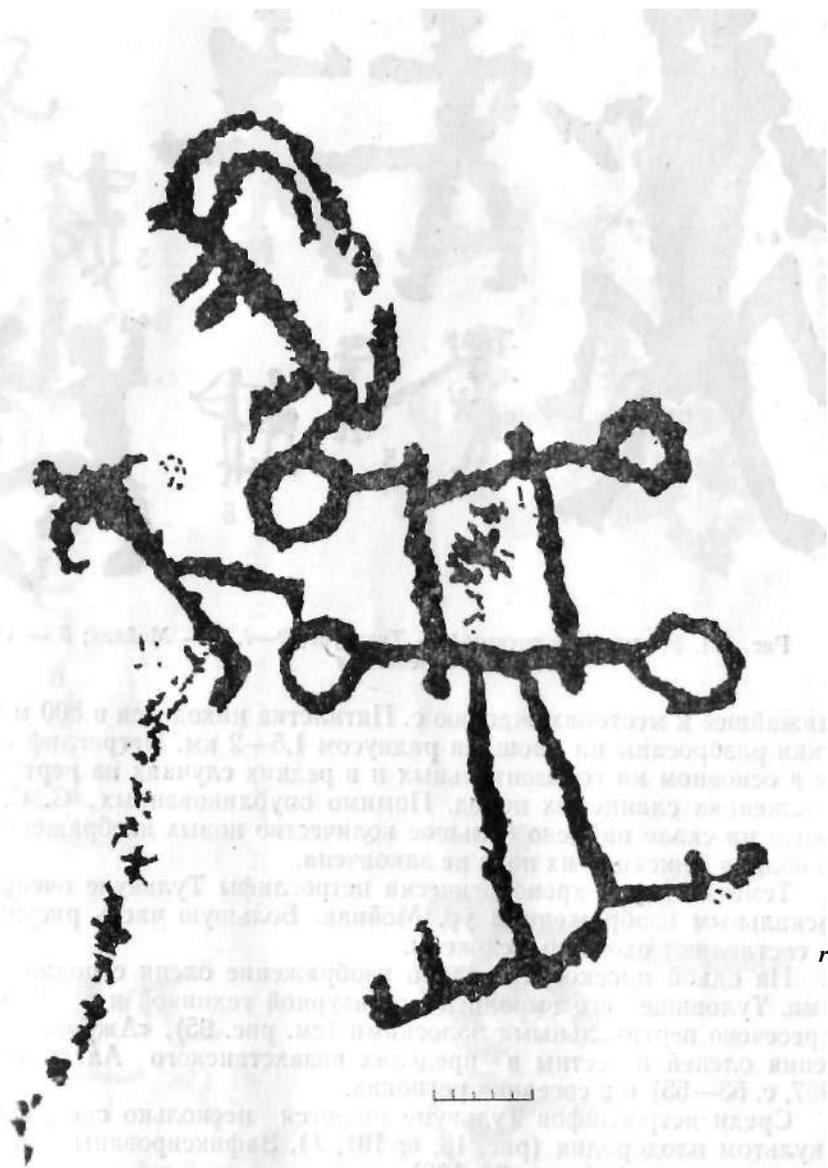

Рис. 102. Петроглифы Курчума

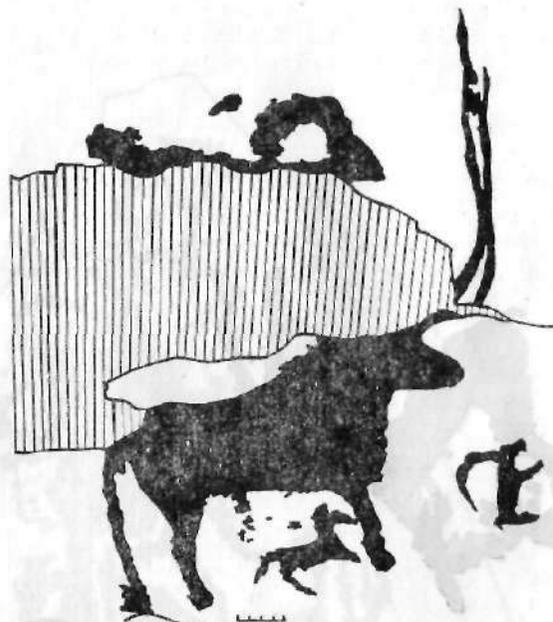

Рис. 103. Петроглифы Курчума

Рис. 104. Петроглифы Курчума

Рис. 105. Петроглифы Курчума

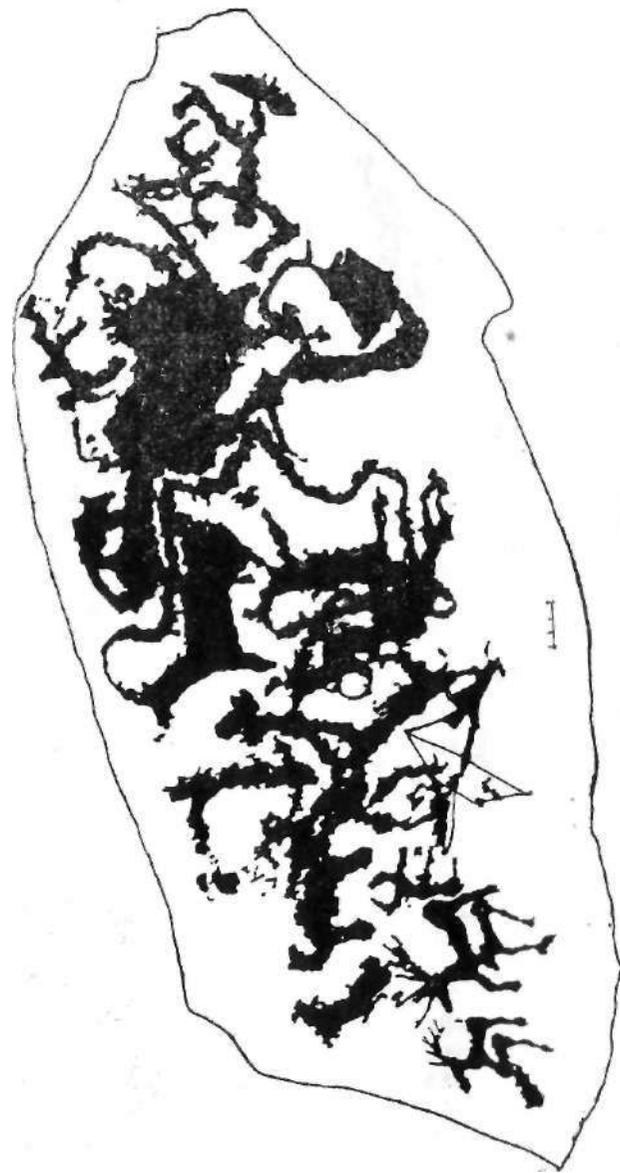

Рис. 106. Петроглифы Курчума

"л%

Рис. 107. Петроглифы Курчума

Рис. 108. Петроглифы Курчума

налыми руками, перекрывающего переднюю часть фигуры горного козла (Черников, 1947, с. 271, рис. 17, 3). Рога последнего намечены отдельными точками и при беглом осмотре не улавливаются. По этой причине С. С. Черников усмотрел в нем фигуру фантастического существа кентавра — получеловека-полузверя. При благоприятном освещении фигура человека резко выделяется более плотным загаром, кроме того, контур козла в нескольких местах подовлен.

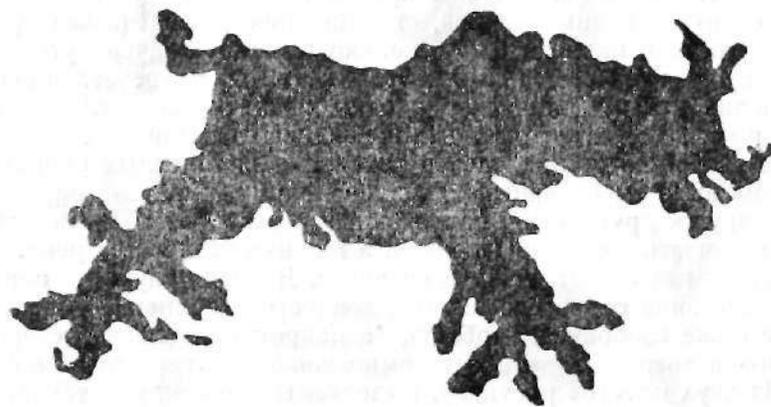

Рис. 109. Петроглифы Курчума

Одна из замечательных многофигурных композиций Верхнего Прииртышья запечатлена на вертикальном камне, плоскость которого обращена на ЮВ. Композиция имеет четко выраженную вертикальную структуру (см. рис. 107). В самом верху друг над другом расположены две незаконченные фигуры коней головами вправо; отчетливо сохранились намеченные резьбой ноги, туловище и шея. Справа, в верхнем углу — неясная фигура какого-то животного головой вверх, очевидно, появившаяся после создания всей композиции. Ниже лошади точечной техникой изображены два горных козла, скорее всего также втиснутые в свободное пространство позже.

Своеобразно трактованы фигуры двух людей, помещенные еще ниже. Они показаны в грибовидных головных уборах, со свисающими концами, причем один конец, сильно загнутый, больше напоминает клюв хищной птицы. Вполне возможно, что это птичьи маски. Туловища людей чрезмерно короткие, ноги, напротив, непропорционально длинные. Одна рука у каждого опущена вниз, другие соединены и образуют одну горизонтальную линию. Ступни ног направлены друг к другу. К ногам примыкают короткие горизонтальные полоски, возможно, означающие фаллос, но непонятно, почему они изображены почти на уровне колен и с внешних сторон ног. Одна из фигур показана несколько наклонно,

етным изгибом ног в коленях, словно в движении (танцует?). Левой пары расположена миниатюрная фигура коня, а рядом, несколько выше — неясное зооморфное изображение, очевидно, составляющее с ним композиционную и семантическую пару.

Следующую пару составляют неясное зооморфное изображение (нижняя часть фигуры испорчена поздней выбивкой) и человек в маске; одна его рука вытянута прямо вперед, другая — согнута и покоится на поясе. Подчеркнуты фаллос и направленные в стороны ноги. Далее изображены противостоящие фигуры хищника (?) с круто поднятой шеей, вертикально посаженными рогами, ноготного поги направлены несколько вперед, подчеркнуты хвост, ухо и короткий передний отросток рога. Ниже запечатлен верблюд пропорционально длинными ногами (ноги спутаны?). Эта самая фигура в композиции выполнена в единой манере с отмеченными выше изображениями людей в грибовидных головных уборах. Над верблюдом высечен солярный диск со спицами, справа — обращенные друг к другу кони, привязанные к коновязи. Примечательно, что верхняя часть коновязи широкая, а нижняя резко заострена.

Аналогичный сюжет запечатлен внизу. В обоих случаях обращает на себя внимание особое изящество, тонкость исполнения конских фигур. Еще ниже изображен верблюд, а напротив, с правой стороны — фигура человека с головой вверх. Завершают композицию противостоящие фигуры хищника. Из двух пластов рисунков, выделяемых по стилю и технике исполнения, более поздним является тот, где запечатлены кони и собаки.

В петроглифах Курчума найдено пока единственное в регионе изображение повозки с четырьмя дисковидными колесами без спиц. Повозка показана в плане, имеет двухстержневое дышло, заканчивающееся поперечным брусом — ярмом с занозами (см. рис. 102).

На разных участках местонахождения зафиксированы фигуры быков, лошадей, собак, а также птиц. В петроглифах Курчума чаще всего встречаются одиночные, дважды встречаются в составе многофигурных композиций (см. рис. 103, 106).

Изображений хищников в Курчуме немного. На одном камне (см. рис. 109) изображен в профиль какой-то фантастический хищник с острыми лапами, коротким хвостом, массивной шеей, вогнутой, с острым горбом спиной. На голове торчат уши, пасть широко раскрыта, язык высунут.

Здесь же обнаружены две эротические сцены. Одна из них запечатлена в грибовидном головном уборе со свисающими концами (см. рис. 104, 110, 111).

Изображения предметов вооружения немногочисленны. На одном камне высечена фигура хвостатого воина в грибовидном головном уборе, в руках он держит копьё с четко выделенным наконечником (см. рис. 105). Предметы вооружения в основном представлены луками.

РАБОТА (рис. 112—115) расположена в 10 км к СЗ от с. Чернышова Маркакольского района, Камни с рисунками расположены на склонах глубокого ущелья. Группа изображений зафиксирована на скале, проходящей по восточному склону сопки. Среди них преобладают изображения людей в грибовидных головных уборах, а также коней, собак, птиц.

Рис. 110. Эротические сцены: 1 — Курчум; 2, 3 — Жевешке (Резниченко, 1928); 4, 6 — Саймалы-Таш (по Я. А. Шеру Арпаузен III (Калдырбаев, Марьяшев, 1977); 5 — Монголия (Окладников, 1980); 7 — Монголия (Понгородова, 1981).

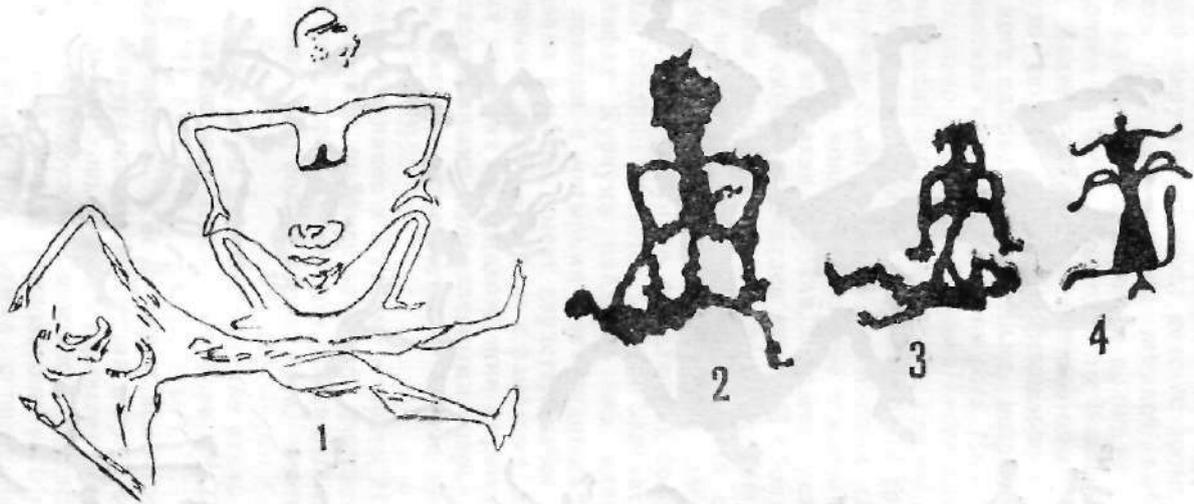
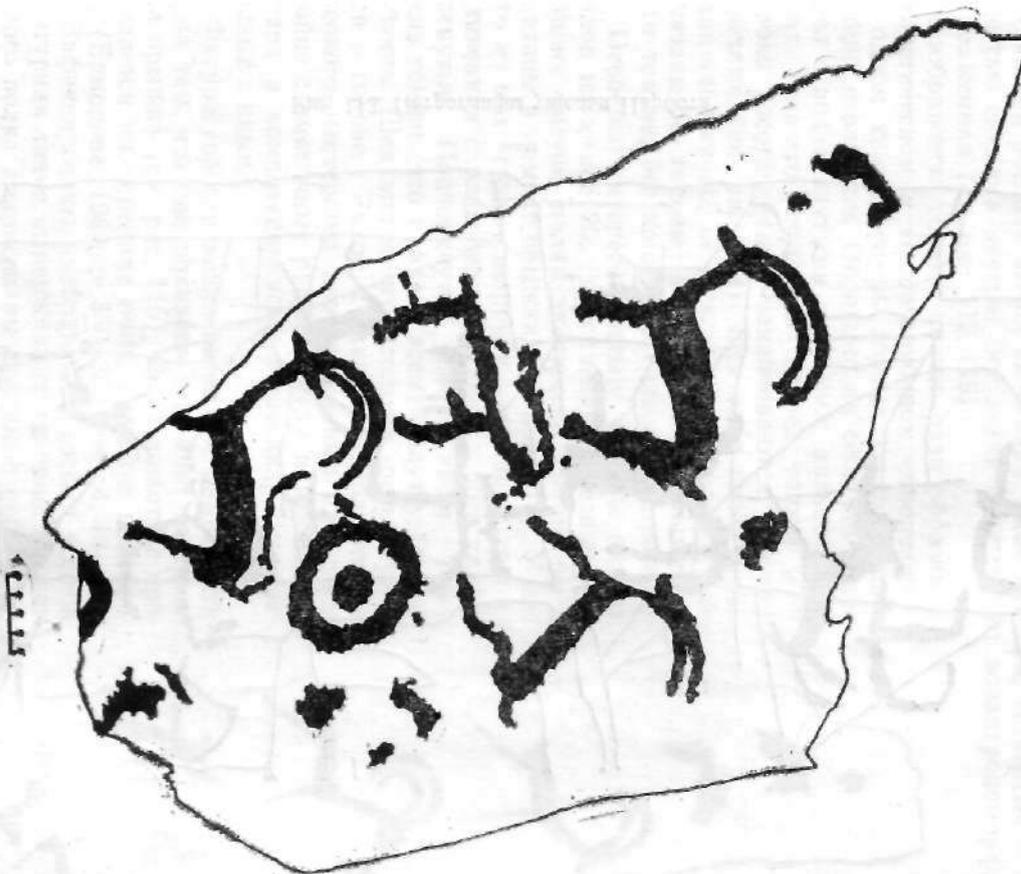

Рис. 111. Эротические сцены: 1 — Двуречье (Дьяконов, 1983); 2 — Мойнак; 3 — Курчум; 4 — Саган-Заба (Окладников, 1974)

Рис. 112. Петроглифы ущелья Нарбота

9

дают в основном схематично выполненные горные козлы. Единичные экземпляры исполнены в сакском стиле. Отмечены несколько фигур хищников и антропоморфные изображения.

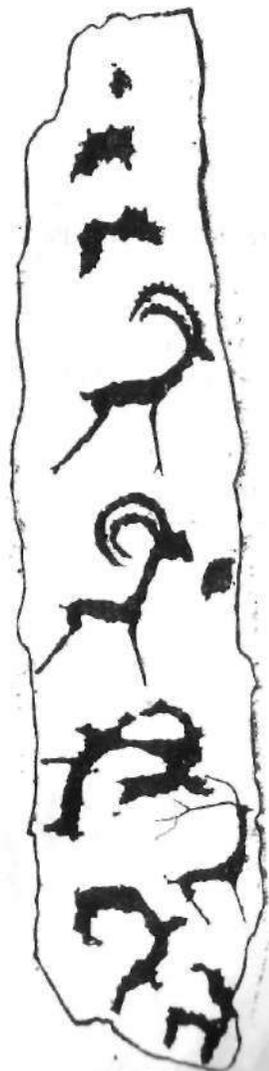
Более разнообразна группа изображений, зафиксированная на противоположном, северном, склоне ущелья. Из четырех имеющихся здесь солярных знаков три — это круги с точками внутри, причем в двух случаях они располагаются на концах узкой полоски, четвертый — круг с шестью спицами внутри. Все знаки сопутствуют зоантропоморфным изображениям (см. рис. 112, 115).

Изображения горных козлов разнообразны в стилистическом и композиционном отношении. На одном камне фигуры горных козлов расположены столбиком. Обращает на себя внимание козел с подчеркнутыми годовыми кольцами на рогах. Тело его устремлено вперед, тонкие ноги широко расставлены и заканчиваются острыми копытами (см. рис. 114). Еще один козел трактован аналогично, за исключением рогов (они показаны без годовых колец и сильно изогнуты). Ноги тонкие, без копыт, но сильно заострены.

Особенно интересны четыре фигуры горных козлов на камне 20, исполненные чрезвычайно изящно: фигуры полны экспрессии, грациозны и показаны в момент прыжка (см. рис. 113). У одного из них грудь широкая, мощная, голова удлиненная с раздвоенной мордой, рога слабоизогнуты. Подчеркнуты уши и хвост. Ноги очень тонкие, что придает всему силуэту особую легкость. Шея животного изогнута, резко сужается к голове. Рядом с такими исполненными высокого мастерства изображениями находятся крайне схематичные рисунки, судя по плотности загара и композиционному решению, одновременные с ними.

Фигура горного козла на одном камне интересна тем, что она показана в момент завершения прыжка (см. рис. 115), когда животное приземляется на передние ноги, а задние подбрани (Ермолова, 1980, с. 359, 362, рис. 4, 13—15).

Зафиксированы изображения восьми волков. Контурная линия выдержана по ширине. К ушам одного волка пририсованы козлиные рога. Семь из восьми волков запечатлены бегущими двумя рядами в левую сторону, один — в противоположную за безрогим козлом (или косулей).

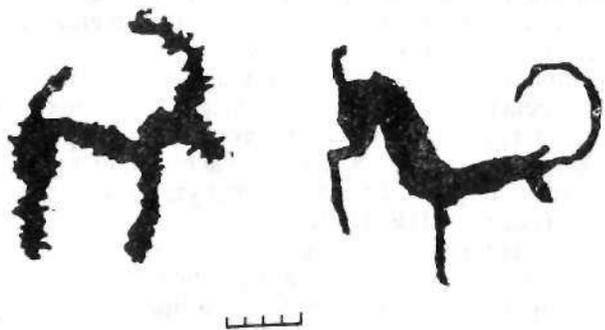

Рис. 115. Петроглифы ущелья Нарбота

ЧЕРНЯЕВКА. В 3 км к СЗ от одноименного села, на правом берегу р. Кальджир, возле каменно-земляного кургана сакского времени, на небольшом валуне высечены пять изображений: четыре козла и человек (рис. 116). Три козла показаны идущими друг за другом в правую сторону. Они выполнены в скифо-сибирском зверином стиле и находят широкие аналогии в предметах прикладного назначения. В совершенно ином стиле, крайне схематично, выполнена фигура четвертого козла, размещенная на плоскости в перевернутом положении. Фигура человека также трактована схематично, но с акцентированными пальцами рук.

ДОЛНАЛЫ (рис. 117—132) находятся в ущелье с таким же названием, расположенном перпендикулярно ущелью Нарбота, за перевалом. Камни с рисунками разбросаны по всему ущелью на протяжении

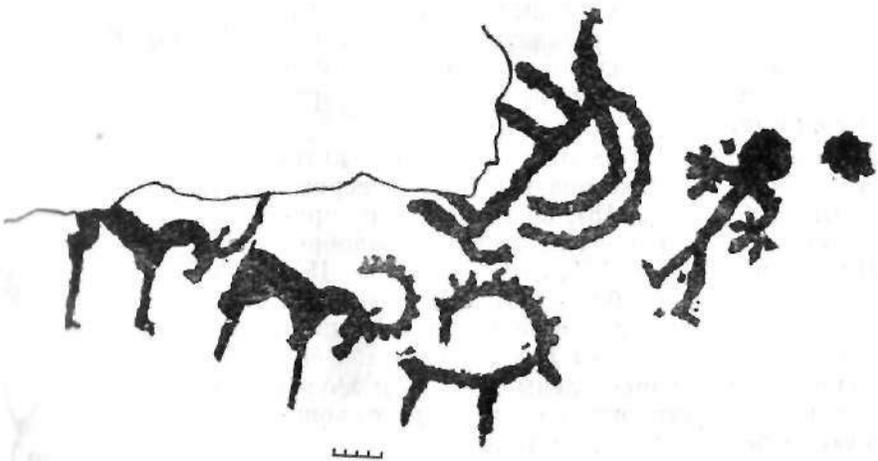

Рис. 116. Рисунок на валуне возле сакского кургана в окрестностях с. Черняевка

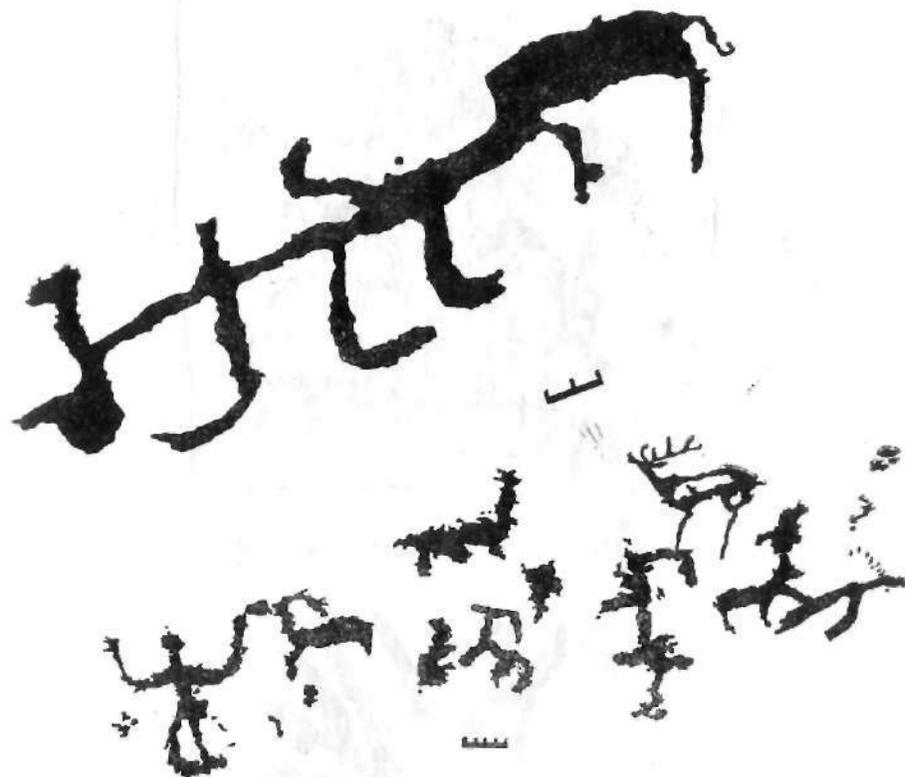

Рис. 117. Петроглифы ущелья Доланалы

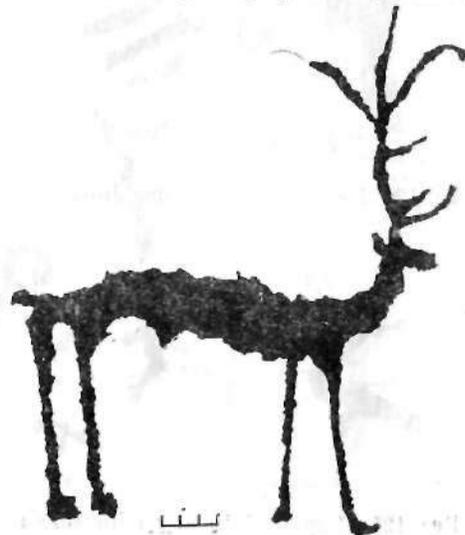

Рис. 118. Петроглифы ущелья Доланалы

5 км. Здесь больше рисунков, и они разнообразнее по видовому составу и тематике сюжетов, чем в ущелье Нарбота. «Лицо» данного местожительства определяется тремя многофигурными композициями. Одна из них зафиксирована на камне 44 (см. рис. 129, 130). До нанесения рисунков горизонтальная плоскость камня имела широкую продольную выемку, безусловно повлиявшую на композицию.

Семантическим центром композиции является огромный солярный диск с десятью спицами (после выбивки внешнего круга внутреннее пространство полностью заполнено мелкими точками, затем поверх точек нанесены линии-спицы), слева к нему примыкают три маленьких сплошных пятна в виде дисков (два из них соединены черточкой) и квадратная фигура, справа — круг с вписанной извилистой линией. Выше диска выбито семь точек, которые в комплексе напоминают созвездие Большой Медведицы. В правом верхнем углу камня на фоне вытянутого прямоугольника изображен человек; в средней части композиции — два хвостатых лучника с наклонно показанными туловищами и с согнутыми в коленях ногами.

Во втором нижнем блоке, в самом его центре, изображен круг, внутри которого находится какая-то фигура, напоминающая антропоморфную (см. рис. 130). По сторонам круга запечатлены лошади, козлы, верблюды, люди, в том числе фигура хвостатого лучника, аналогичная описанной выше. На разных участках камня высечены лунки. Обилие лунок, высеченных отдельными группами или в составе многофигурных композиций, является одной из отличительных особенностей петроглифов Долааналы. Количество их варьирует от 2—3 до нескольких десятков.

Идея и назначение лунок не вполне ясны; в ряде случаев можно уловить их композиционную связь с другими солярными символами. Очень часто они выбиты поверх изображений животных и людей (см. рис. 127, 130).

Здесь же, в центре композиции, изображены два состыкованных круга: отходящими в стороны 12 лучами (см. рис. 127). Вокруг этого символа расположены лунки, фигуры животных, круг и сцена сражения двух людей: один из них, вооруженный луком, стреляет в мужчину,

Рис. 128. Петроглифы ущелья Долааналы

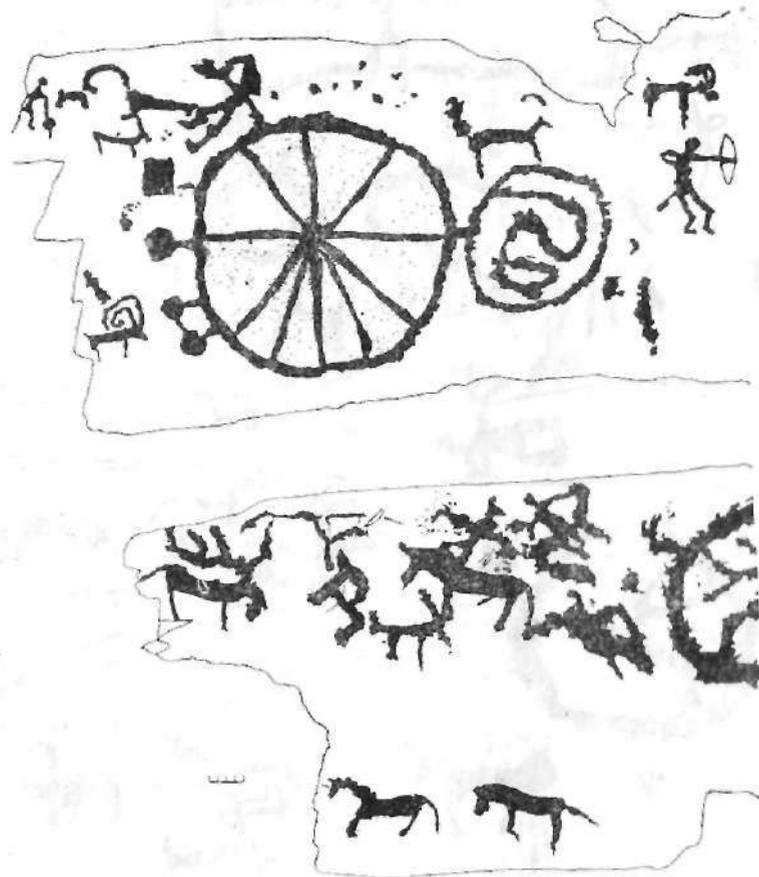

Рис. 129. Петроглифы ущелья Долааналы

Рис. 130. Петроглифы ущелья Доланалы

находящегося в горизонтальном положении. В руках последнего какой-то длинный предмет, а на голове остроконечный убор (?).

Третья многофигурная композиция запечатлена на вертикальной плоскости, испещренной продольными и поперечными трещинами (см. рис. 125, 126). Ближе к левому верхнему углу высечено изображение, напоминающее юрту с дымоходом. Справа от «жилища» снизу и сверху отдельными группами расположены фигуры животных: козлов, оленей, косуль (или оленух), верблюдов и хищников. Один из козлов имеет лировидные рога.

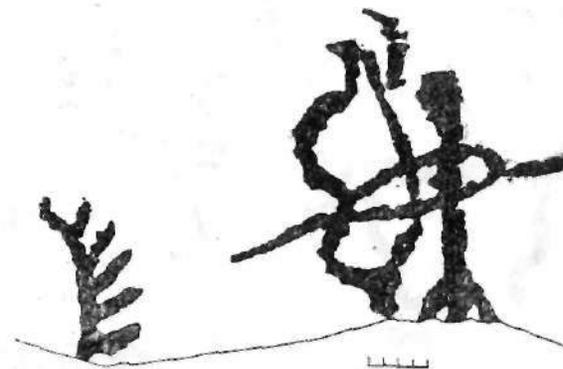

Рис. 131. Петроглифы ущелья Доланалы

Поблизости, на других камнях зафиксированы еще три подобных рисунка (см. рис. 123, 132). Их отличает лаконичность оформления тела, изящность, достигнутая благодаря необычной трактовке рогов. Особого внимания заслуживает фигура оленя с клювовидной мордой, раздвоенной на конце. На голове животного показаны два рога: один вертикальный и высокий с двусторонними отростками, другой направлен от затылка назад, тоже с отростками, но короткий (см. рис. 128).

В сходной манере выполнена другая фигура оленя с длинной клювовидной мордой, выступом на холке. Она зафиксирована в сцене нападения двух собак на травоядных (см. рис. 121). В петроглифах редко встречаются изображения оленей с направленными прямо вперед рогами, в позе защиты или бодания (см. рис. 117). Отмечена одна фигура оленя в раннесакском стиле: корпус выполнен контурной техникой, ноги тонкие. Животное стоит на кончиках копыт (копыта не выделены, но по характерному сужению линии ног их можно предположить), голова высоко поднята, пасть раскрыта, животное как будто трубит. Рога откинута назад, подчеркнут передний короткий отросток (см. рис. 117).

ТАКЫР — местонахождение, зафиксированное в ущелье, параллельном Нарботы, к В от с. Такыр. В 2 км от входа в ущелье, на речной террасе найдено 16 камней с рисунками. Рисунков здесь немного, в основном это горные козлы. Редко встречаются фигуры людей и оленей. Один олень изображен в статичной позе, в геометрическом стиле: ноги

мые, почти перпендикулярные корпусу, переданному узкой горизонтальной полосой. Ствол рога вертикальный, отходит от массивной головы вверх непосредственно в месте стыка корпуса и передней ноги; остки рога направлены вверх дугой. Шея не выделена, хвост поднят. За исключением головы, все части тела выполнены линиями наковной ширины. Несмотря на схематичность и лаконичность исполнения, фигура животного достаточно выразительна (рис. 133).

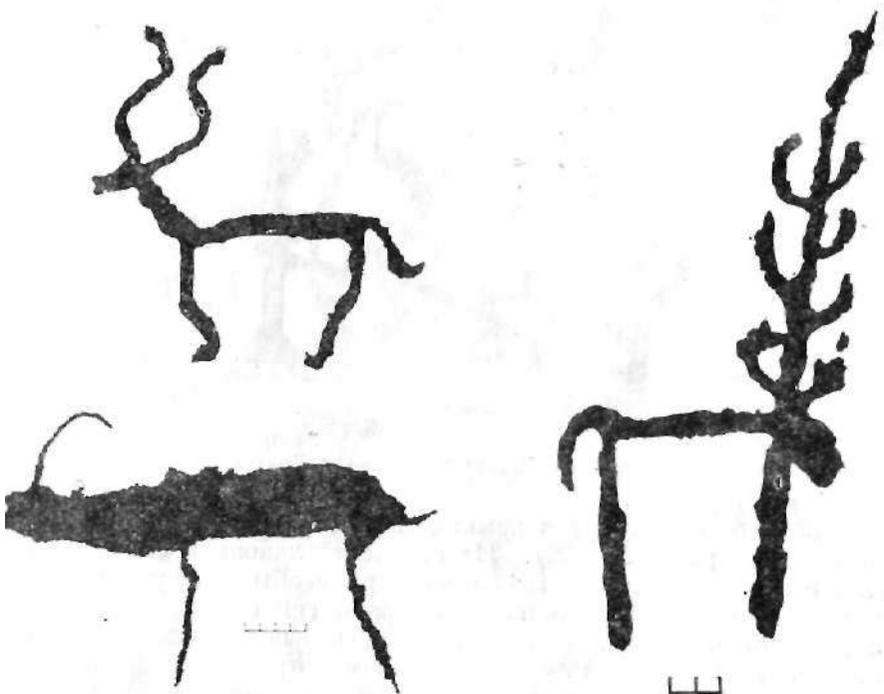

Рис. 132. Петроглифы ущелья Доланазы

Рис. 133. Петроглиф урочища Мойнак

БОЛГАР-ТАБАТЫ. Рисунки обнаружены в 2 км к СВ от одноименного села, на склонах глубокого ущелья. Петроглифы высечены на плоских гранитных выходах. Скопировано несколько сюжетов, рассказывающих о нападении волков на травоядных. Особый интерес представляет иконография волков. Большинство они изображены с раскрытой пастью (рис. 134). Преобладают контурные изображения, но встречаются и силуэтные. Кроме волков на разных плоскостях найдены изображения мелких хищников, травоядных животных, различные знаки и др.

ЛЕКСЕЕВКА. Петроглифы зафиксированы на гранитной скале в 1 км к ССВ от с. Алексеевка. Среди рисунков, выполненных красной

охрай, имеются фигуры горных козлов, несколько антропоморфных фигур. На вертикальной плоскости множество точек, расположенных несколькими рядами. Зафиксировано также несколько вертикальных коротких полосок. Поверхность скалы ровная и гладкая, но открытая, поэтому значительная часть рисунков пострадала от действия атмосферных и антропогенных факторов.

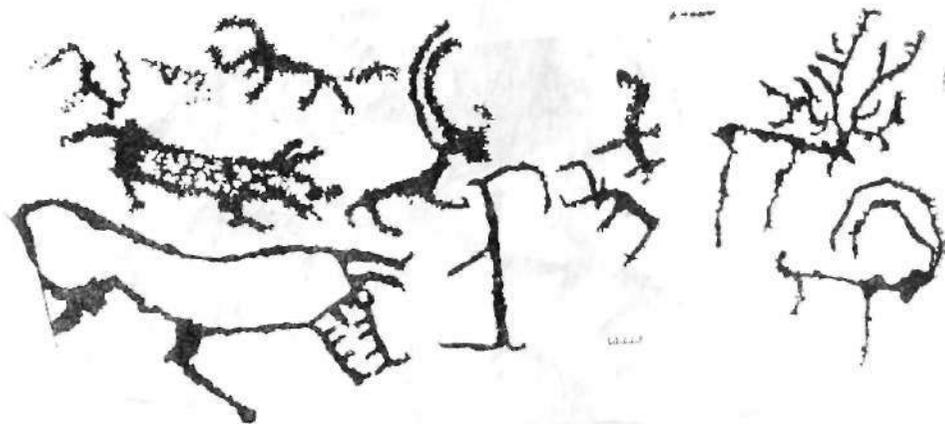

Рис. 134. Петроглифы урочища Болгар-Табаты

ОКЕЙ. Местонахождение обнаружено в отрогах хребта Манрак, в 35 км южнее г. Зайсан, в 3 км к СВ от с. Талды (Самашев, Кулик, 1975, с. 493—494; Самашев, 1977, с. 520). Сопка с рисунками вытянута в широтном направлении и состоит из нескольких пологохолмистых участков (рис. 135). С западной и восточной сторон она ограничена глубокими ущельями, а с южной — неширокой межгорной впадиной.

Рисунки выполнены сплошной выбивкой, редко — техникой шлифовки. Плоскости с рисунками имеют в основном вертикальную и

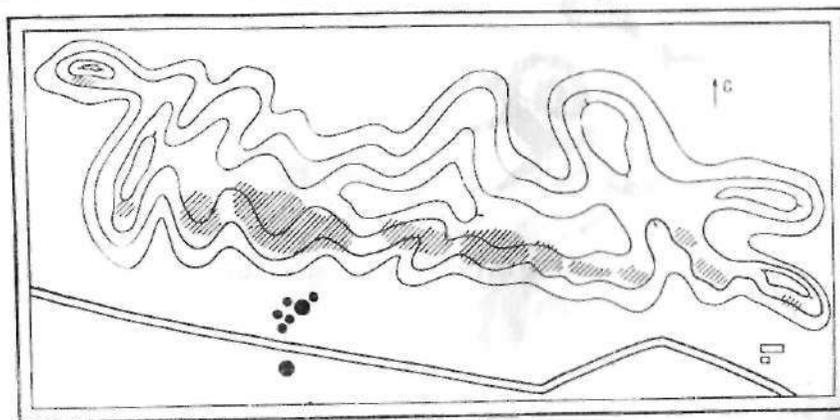

Рис. 135. Расположение камней с рисунками в урочище Окей

Рис. 138. Петроглифы урочища Окей

слонную экспозиции, обращены на юг. Учено более 350 камней с ити 2 тысячами петроглифов. По степени концентрации изображений ей занимает в регионе второе место после Мойнака.

Камни с рисунками разделены на 13 условных групп, имеющих естественные границы в виде лощины.

По насыщенности камней с изображениями группы не равнозначны: ие малочисленные из них — I, II, XIII — насчитывают по четыре иня, самые крупные — VII и X — 54 и 99. На отдельных камнях выено до ста изображений. Видовой состав петроглифов Окей типичен и подобных памятников Казахстана.

Своеобразие комплекса состоит в преобладании многофигурных позиций, запечатлевших сцены охоты и преследования собаками да горных козлов (рис. 136—139). Сцены охоты с помощью собак

Рис. 139. Петроглифы урочища Окей

Рис. 142. Петроглифы урочища Окей

Копия с оригинала, хранящегося в музее...

Рис. 143. Петроглифы урочища Окей

являются, как и для петроглифов Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 175), канонизированным сюжетом, повторяющимся неоднократно. Преследуемые горные козлы, как правило, показаны вереницами. Таковы, например, изображения на камнях 90, 123, 261 и др. (рис. 39, 140, 141). Характерно, что изображения козлов в большинстве многофигурных композиций выполнены в одинаковой манере: с высоко поднятой головой, короткой мордой и в стремительном беге. Несмотря на лаконичность передачи, фигуры животных очень выразительны и динамичны.

Особую стилистическую группу составляют изображения козлов, уловища которых трактованы в виде прямоугольных фигур. В основном они выполнены контурно, а внутриконтурное пространство заполнено редкими выбоинами или же прошлифовано (рис. 142—148). К этой категории рисунков относится фигура пешего лучника, выполненная в треугольнике.

В ур. Окей встречаются традиционные сцены, изображающие животных в момент конгуса (рис. 16, 2, 5, 9, 10; 149, 150).

Любопытная композиция имеется на камне 235 (рис. 151). Основным содержанием ее является какое-то ритуально-обрядовое действие двух пар людей. Одна пара людей показана с «хвостами» и в головных «борах»; к поясу подвешены неопределенные предметы. Один человек изображен с поднятыми руками и растопыренными пальцами. Другая пара противостоящих «танцующих» мужчин иконографически и семантически напоминает некоторые южно-казахстанские и среднеазиатские сюжеты. В композицию входят крупная фигура жеребца и несколько

Рис. 148. Петроглифы урочища Окей

Рис. 149. Петроглифы урочища Окей

мелких изображений горных козлов. В нижней части камня, за трещиной помещены изображения лошади, козлов и неясная фигура.

Из предметов вооружения в петроглифах урочища Окей помимо традиционных луков имеются копьё и палица.

Солярных знаков здесь мало: на камне 137 высечены рядом три концентрических круга (см. рис. 89, 13—15), а на соседнем камне 137А — круг с шестью спицами, исходящими из одной точки.

Среди наскальных изображений урочища обнаружена джунгарская надпись, передающая ламаистскую молитву «Ом мани пад ме хум».

ЗЕВАКИНО (рис. 152—164) зафиксировано на правом берегу Иртыша, в 3 км к З от с. Зевакино Шемонаихинского района. Камни с рисунками расположены на южном склоне сопки, на ЮЗ окраине Зевакинского могильника. Здесь изучено около 300 изображений, сделанных главным образом на наклонных (25), вертикальных (18), реже — на горизонтальных плоскостях, обращенных чаще всего на юг (23). Почти все рисунки выполнены техникой выбивки, единичные экземпляры — граффити. Явных следов шлифовки не обнаружено. Максимальная глубина выбоин 1 см, но значительная часть их выполнена неглубокой выбивкой, фиксирующейся иногда только при благоприятном боковом освещении утром или на закате солнца.

По видовому составу зевакинские петроглифы не отличаются от других местонахождений данного региона, но здесь преобладают антропоморфные фигуры. Их в комплексе 72, а с учетом изображений луч-

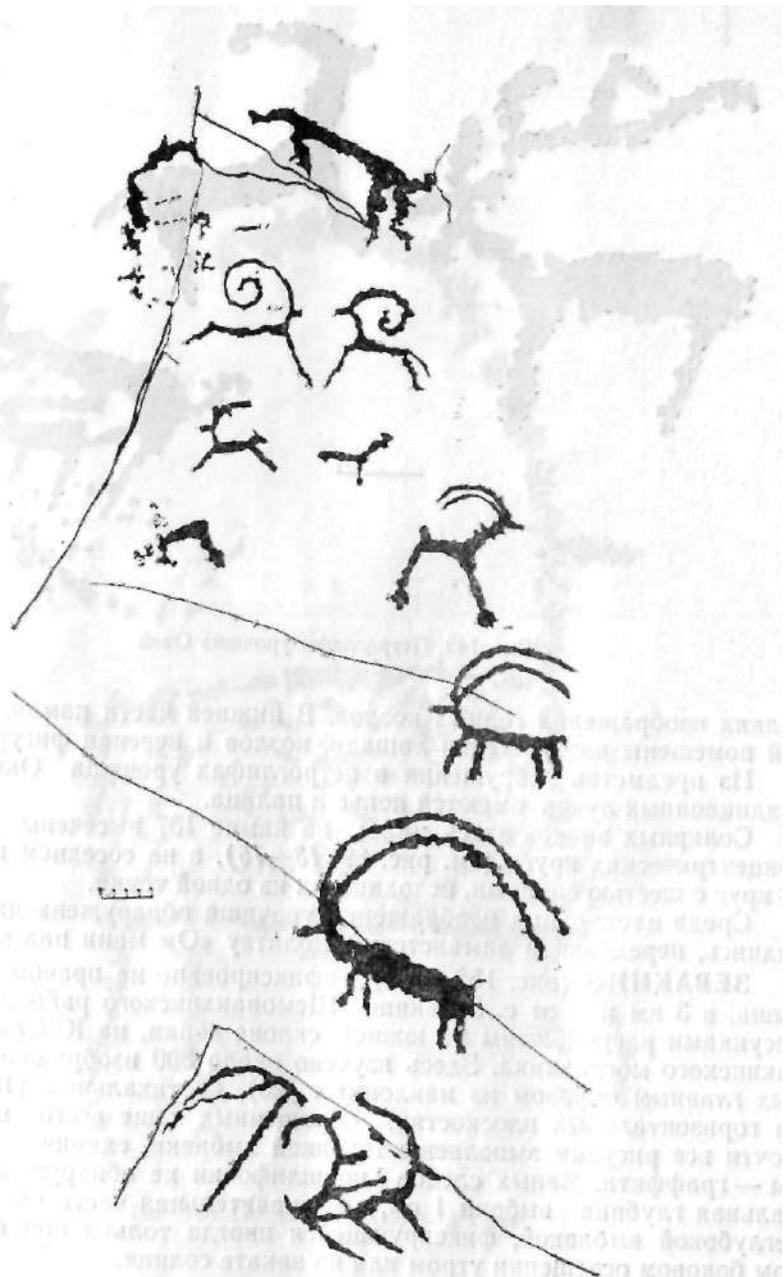

Рис. 150. Петроглифы урочища Окей

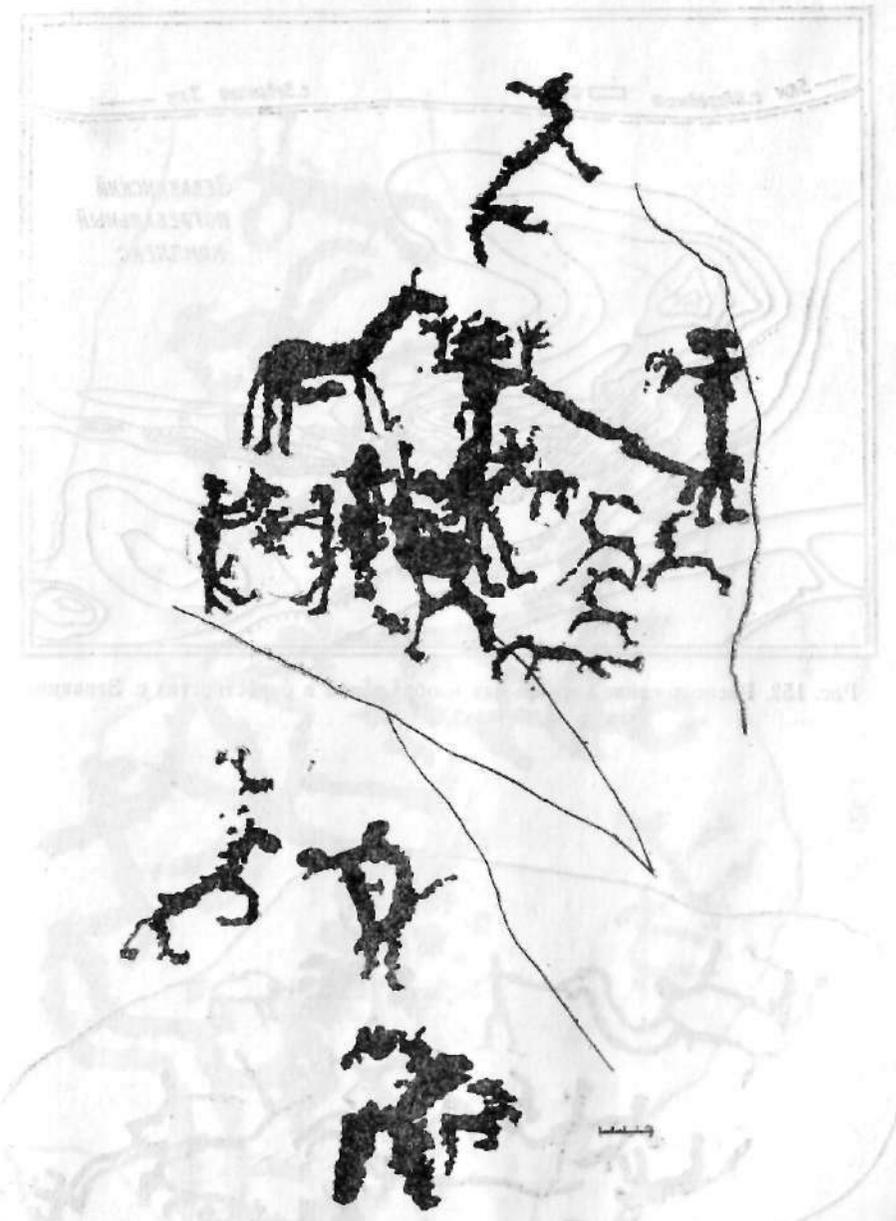

Рис. 151. Петроглифы урочища Окей

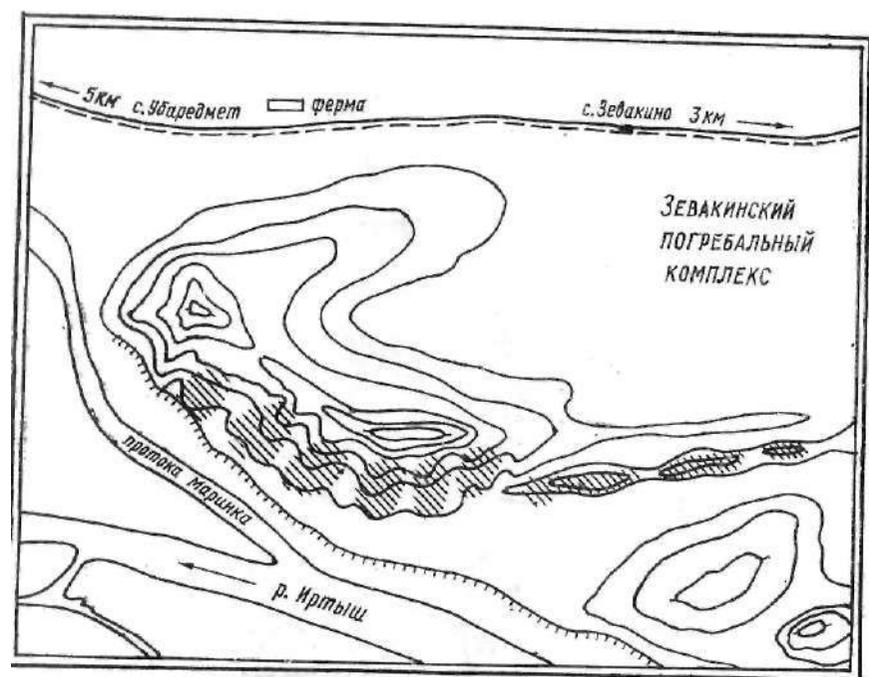

Рис. 152. Расположение наскальных изображений в окрестностях с. Зевакино

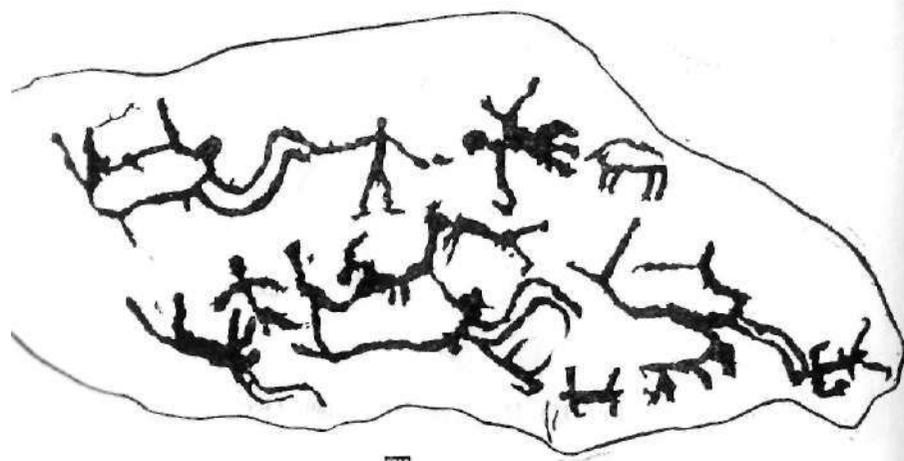

Рис. 153. Петроглифы Зевакино

Рис. 154. Петроглифы Зевакино

Рис. 158. Петроглифы Зевакино

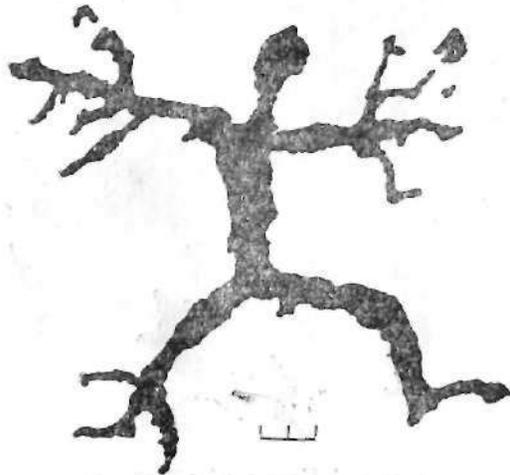

Рис. 159. Петроглифы Зевакино

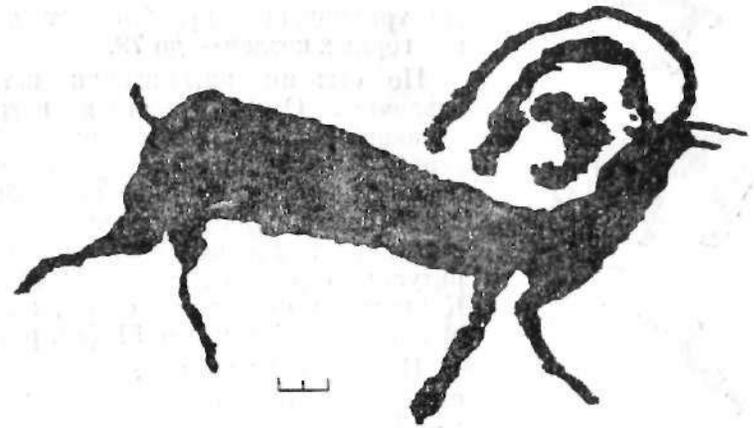

Рис. 160. Петроглифы Зевакино

Рис. 161. Петроглифы Зевакино

ников — около 80, тогда как во всех пунктах традиционно преобладают изображения горных козлов — до 79.

По степени патинизации петроглифы различны. Особое место в петроглифах Зевакино занимают 15 изображений быков-туров, выполненных главным образом выбивкой по контуру. Чаще всего быки входят в состав многофигурных композиций, отразивших весьма сложные, обряды и ритуалы, связанные с этими животными. К числу их относятся сцены, запечатленные на плите 5 и камне 51 (см. рис. 153).

На камне 12 имеется изображение хвостатого мужчины с воздетыми руками (см. рис. 158).

Среди петроглифов Зевакино имеется группа рисунков раннесакского периода. К ним, в первую очередь, относится фигура кабана, стоящего на кончиках копыт с опущенной вниз головой и оригинально трактованным загривком (см. рис. 161).

Редко встречаются предметы вооружения. Исключительный интерес представляет сцена «военного танца» на вертикальной плоскости, обращенной на запад. К поясу человека подвешен кинжал (или меч) с брусковидным навершием, бабочковидным перекрестием и горит со сложносоставным луком. Комплекс вооружения явно свидетельствует о раннесакском периоде (см. рис. 164).

Излюбленным мотивом петроглифов Зевакино является двугорбый верблюд. Изображения верблюда здесь занимают третье место в количественном отношении. Великолепно исполнены изображения бактриана — паряду с упомянутой фигурой кабана они тоже относятся к раннесакскому времени (см. рис. 164).

Здесь зафиксировано одно изображение змеи. Крайне редки также фигуры конных всадников и охотников. Обнаружены лишь три чрезмерно упрощенные фигуры конных всадников, причем в одной композиции (рис. 163).

Петроглифы, относящиеся к раннему средневековью, здесь четко выделяются — ни по стилю, ни по технике исполнения, ни по степени

Рис. 163. Петроглифы Зевакино

162. Петроглифы Зевакино

атинизации. С большой долей вероятности к древнетюркскому времени можно отнести одно изображение козла или барана на четырех ногах в позе стремительного бега (см. рис. 160). Именно эта поза, прием передачи ног сопоставимы с петроглифами эпохи средневековья.

Наблюдение над топографией рисунков приводит к выводу, что наиболее древние петроглифы выбиты на удобных широких и гладких южноточных выходах, образующих вытянутую в широтном направлении жилу. Причем здесь сделаны наиболее интересные по содержанию и композиционному построению рисунки. Вероятно, самые древние петроглифы Зевакинского комплекса относятся к неолиту, в каком случае, они появились не позже эпохи бронзы. Петроглифы по-

Рис. 164. Петроглифы Зевакино

зующих периодов, хотя и отличаются более совершенной техникой исполнения и динамичностью, располагаются на менее удобных площадках — на торцах коренных блоков, упавших плитах и отдельных глыбах.

В некоторых случаях заметны палимпсесты. Вероятно, между мною перекрывающимися изображениями не существует большого хронологического разрыва. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что по технике выбивки и плотности загара они не отличаются друг от друга.

Таким образом, наскальные изображения Зевакино, хотя и немногочисленны, в плане хронологической атрибуции и семантической интерпретации оказались весьма ценными.

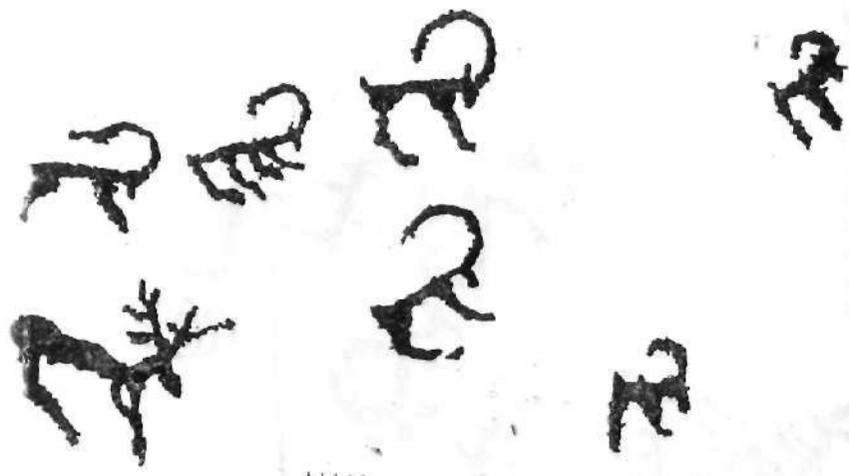

Рис. 166. Петроглифы у с. Меновное

МЕНОВНОЕ. На левом берегу р. Иртыша, в 5 км к югу от г. Устьенорогска отмечено небольшое скопление петроглифов, объединенных в многофигурные композиции (рис. 165, 166). Основная часть петроглифов здесь относится к раннему железному веку, хотя отмечены и изображения более раннего времени — эпохи поздней бронзы. Они выделены как по технике исполнения, так и по стилю (см. рис. 165, изображения лошадей и антропоморфной фигуры). В верхней части композиции выбиты две крупные фигуры животных (олень и кабан) в стиле древнейших оленных камней Центральной Азии. В количественном отношении на скалах местонахождения Меновное преобладают петроглифы более поздних периодов вплоть до средневековья. Точная дифференциация их в настоящее время затруднена ввиду стилистического и сюжетного однообразия.

Глава III

ХРОНОЛОГИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

Первая и исходная задача исследователя в изучении наскальных изображений заключается, как известно, в установлении их возраста и распределении рисунков по определенным хронологическим группам, т. е., говоря иными словами, в разработке своего рода хронологической шкалы писаниц. «Имея такую шкалу, можно приступить и к решению дальнейшей задачи, к использованию наскальных изображений как исторического источника, позволяющего восстановить историю и культуру этого древнего населения, которым они оставлены», — писал А. П. Окладников (1966, с. 107).

В результате целенаправленных исследований наскальных изображений в нашей стране к началу 80-х гг. сложились основные методические принципы их периодизации и хронологической атрибуции. Они изложены в обобщающих трудах А. П. Окладникова, А. А. Формозова, В. И. Чернецова, Ю. А. Савватеева, Я. А. Шера, А. И. Мартынова, М. К. Кадырбаева и А. Н. Марьяшева, М. А. Дэвлет, А. Д. Грача, Е. А. Окладниковой, а также многих других исследователей, занимающихся проблемами изучения наскальных изображений. Это такие принципы: этнокультурный, сюжетный, стилевой, стратиграфический, историко-технический, сравнительно-исторический, регионально-топографический (Кожин, 1982, с. 100—103; Подольский, 1973, с. 265—275). При датировке используют все эти принципы в совокупности.

В зависимости от конкретных условий и задач учитывается и степень плотности пустынного загара, особенно при определении относительной хронологии петроглифов, расположенных на одной плоскости¹.

Анализ наскальных изображений Восточного Казахстана, а также всех имеющихся на сегодняшний день материалов по Казахстану в целом показывает, что мы не располагаем еще достаточно четким критерием выделения наиболее древних пластов рисунков, относящихся к каменному веку. Палеолитический возраст наскальных рисунков из Караунгура и Тесиктаса (Медоев, 1979, с. 156) сомнителен, и об этом справедливо писали специалисты (Формозов, 1969, с. 14; 1983, с. 11;

¹ Еще в 30-е гг. на этот фактор обратил внимание А. М. Ливневский (1939, с. 11).

ного искусства следует понимать в основном анализ плана выражения. Суть такого анализа состоит в том, что образ расчленяется на составляющие его элементы плана выражения, которые затем сравниваются с элементами плана выражения других изобразительных памятников» (Шер, 1980, с. 42). Сходное понимание стиля обнаружил Е. Е. Кузьмина (1983, с. 95—96; см. также: Лосев, 1973, с. 6—15). При анализе и классификации наскальных изображений очерченной нами территории мы также придерживались данного методического принципа.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Анализ стилистических элементов группы изображений **быков** выявил, что из 34 фигур быков, зафиксированных в разных районах Восточного Казахстана, наиболее архаичными выглядят 4 (см. рис. 58, 2, 3, 4). У трех фигур слабоизогнутые и направленные вверх рога сочетаются с треугольной мордой (см. рис. 58, 2, 3). У четвертой фигуры рога сколоты, по трактовке морды, как у предыдущих (см. рис. 58, 4). По трактовке корпуса они различаются: у первого быка он укороченный, массивный, у четвертого — массивный и геометризованный, но в обоих случаях передняя часть значительно шире, чем задняя. Вторая и третья фигуры (см. рис. 58, 3) высечены на одной плоскости. Туловища трактованы в виде вытянутых прямоугольников, но резко отличных от формы туловища предыдущих: они менее грузны и без расширения. Морды всех четырех быков непосредственно примыкают к корпусу, не выделены шею. Поза трех животных статичная: у каждого показано по две прямые ноги. Четвертый бык запечатлен в момент движения: задние ноги сдублированы, слегка согнуты в суставах и непропорционально тонкие (см. рис. 58, 4). Передняя нога прямая, выброшена вперед. По манере изображения ног и хвоста последняя фигура значительно отличается от предыдущих трех, у которых эти элементы обнаруживают полное сходство. Первый из анализируемых быков имеет высокую треугольную холку. У остальных ровная или почти ровная линия спины. Таким образом, рассмотренные изображения быков имеют больше стилистических совпадений, нежели различий.

Все четыре фигуры быков выполнены техникой сплошной выбивки. У первой фигуры выбоины глубокие (до 3 мм), края неровные, рваные, заметны следы инструмента с острой граненой рабочей площадкой (см. рис. 58, 2). Вторая и третья фигуры (см. рис. 58, 3) воспроизведены более аккуратно, глубина выбивки до 4—5 мм, края также неровные (техника — крушоточечная). Четвертая фигура выполнена путем снятия скальной корки с последующей шлифовкой, глубина практически едва улавливается по более светлому в сравнении с фоном плоскости оттенку (см. рис. 58, 4). Таким образом, по технике исполнения первые три рисунка близки друг другу. Изображение первого быка покрыто темно-коричневым загаром и лишайником, высечено на наклонной плоскости, обращенной на юг; второе и третье изображения находятся на горизонтальной плоскости и были покрыты слоем земли, поэтому лишены пустынного загара, а фигура четвертого быка выбита

кальной плоскости, загар — светло-коричневый, т. е. светлее. Наблюдения над плотностью загара в данном случае показывают, так как солнечный свет на камни падает под разным углом, камни находятся на расстоянии сотен километров друг от друга, следовательно, пребывают в разных природно-климатических

условиях. Одной из фигур сопутствуют различные изображения. Рядом с ней высечена зооморфная фигура, одновременность их не вызывает сомнения (см. рис. 156, 157). Возле двух следующих — незаконченное изображение (см. рис. 18). Блок, где был изображен человек, отвалился от коренного массива и упал вниз. Вполне вероятно, что рисунки выбивали до того, как камень упал вниз, в рамках образовавшихся трещин, поэтому 16 фигур, изображенных быком, четко делятся на группы (см. рис. 136), объединенные общей темой — преследуемые хищниками парнокопытные животные. Изображения, кроме быка, выполнены в одинаковой манере. Фигуры загара быка не выделяются среди других рисунков на блоке. Судя по размещению на плоскости и манере исполнения, бык появилась здесь раньше, чем остальные. На это указывает то обстоятельство, что она слабо вписывается в общую сюжетную композицию своим стилистическим особенностям. Данная фигура близка к изображениям различных животных из этого же урочища, выполненным в геометрическом стиле. Она несомненно древнее, чем остальные

изображения, предполагаемый допалеометаллический возраст изображения быка отвергается анализом техники исполнения, степени сложности загара, сопутствующих фигур и в какой-то степени стилистических элементов и топографической раскладки.

В урочище Сагыр уникальны изображения быков из ур. Сагыр; абсолютной датировки им нет. Изображению быка из Зевакино, особенно фигуре быка (рис. 237), найдены любопытные иконографические параллели с палеолитическими изображениями ур. Сагыр. Это зооморфные фигурки, высеченные из массивных корпусов и гривами (см. рис. 28), принадлежащие к одному типу. По технике исполнения близки друг другу, но у зооморфных фигур она идентична с техникой рассмотренных выше изображений быков из того же урочища (расстояние между ними — 200—300 м).

Сходство отдельных элементов изображения быка из Зевакино (см. рис. 58, 9; 106) с фигурой из Зевакино и общее иконографическое сходство также не дает полного основания для их синхронизации, так как на одной плоскости с ней изображены сакские олени со сложным «скифским» луком. Единственность последней подчеркивается чрезвычайной компактностью рисунков, лаконичностью (в прямом смысле и сюжетном), техникой выбивки плотностью загара. На этом же камне изображен еще один бык, стоящий на кончиках копыт. Рога его трактованы в виде замкнутого кольца, направленного вперед (см. рис. 58, 6; 106). Оно одинаковое с ним по стилю и иконографии изображение бы-

ка находится в окрестностях с. Болгар-Табаты (см. рис. 58, 5, 7; 134). Рядом с ним изображены олени в характерном сакском стиле, с раскрытой пастью, с оскаленными зубами и глазами. Судя по технике исполнения и плотности загара, они несомненно одновременны.

При учете сопутствующих изображений (всадники на лошадях, олени с древовидными рогами, колесницы, фигуры в стиле оленных камней и др.) большая группа изображений быков оказывается не древнее эпохи поздней бронзы или раннесакского времени. Несколько отличается от всех предыдущих изображений быка из окрестностей с. Никитинка. У него прямоугольная морда, овальное ухо; два параллельных рога изогнуты и направлены вверх, несколько сужаются к концу. Холка подчеркнута плавным выступом, спина вогнута и соответственно выгнута линия живота. Хвост опущен под углом, его кисточка подчеркнута утолщением. Ноги прямые, слегка сужаются к кончикам. Справа в быка стреляет левый лучник с хвостом (или колчаном?). Лук большой, сегментовидный, вместе со стрелой выполнен резной техникой. Ниже изображены козлы, верблюд, лошади, одинаковые по технике исполнения, глубине выбивки и плотности скального загара (см. рис. 43) с фигурой быка. Изображения этих животных, особенно лошадей, стилистически сходны с аналогичными фигурами, встречающимися в совокупности с выполненными в манере оленных камней и сопутствующих им рисунков изображениями. Следовательно, и данная фигура быка не может датироваться древнее эпохи поздней бронзы.

На камне 11 имеются еще две силуэтные фигуры этого животного (см. рис. 157). Они композиционно не связаны с предыдущей и отличаются от нее по технике выбивки. Если рассмотренное выше изображение быка высечено крупноточечной техникой, то последние — средне-точечной. Судя по трактовке рогов, морд и туловищ, это, вероятно, изображения диких туров. В данном случае степень плотности загара не играет никакой роли для определения относительной древности изображений, потому что наклонная плоскость этого камня в силу шероховатости густо покрыта лишайником, под которым лежит плотный слой пыли.

Еще девять изображений быка из Зевакино одновременны с другими двумя фигурами этого же местонахождения (см. рис. 157), хотя они выполнены выбивкой по контуру (см. рис. 59, 2—8, 11, 13). У всех быков изогнутые рога направлены вперед, их концы загнуты вверх, морды под определенным углом опущены вниз, ноги в зависимости от композиционного замысла прямые или прогнуты в суставах и широко расставлены. Лишь одно животное показано с копытами. Хотя все девять фигур выполнены в одно время, в изображении рогов и туловищ древний художник проявил мастерство. Например, рога одного из быков (см. рис. 59, 11) направлены вперед, а кончики их — слегка вверх. Зеркально повторенный, этот же контур рогов придал другому быку (см. рис. 59, 13) совершенно иной вид. Туловища всех быков из Зевакино более или менее геометризированы — есть овальные, прямоугольные и трапециевидные.

Некоторое стилистическое сходство обнаруживается при сопостав-

онтурных изображений быков из Зевакино с фигурами на окуплитах, использованных в качестве строительного материала, в Минусинской котловине известно более 30 контурных и силуэзных изображений этих животных (Рыгдылов, 1959, с. 186—202; Грязнов, с. 85—89; Леонтьев, 1970, с. 265—270; 1980б, с. 27—34; Поляков, 1973, с. 265—275; Пшеницына, Завьялов, Пяткин, 1975, с. 230; Шер, 1980, с. 216—229 и др.). Сходство с зевакинскими фигурами наблюдается в трактовке рогов: изогнутые, направленные вперед, закрученные вверх. Корпус животного в большинстве случаев выделен контурно. Позы динамичные (хотя это не может относиться к ведущим признакам вообще), подчеркивание иногда изгибов шеи, препуций. Ряд сходных стилистических элементов изображений зевакинских и окуневских позволяет предположить их связь. Пути и направления контактов, а также механизмы взаимодействия между носителями окуневской традиции Минусинской котловины и верхнеприволжскими племенами могут быть выяснены в буду-

щее первое впечатление при осмотре изображений быков в окрестности с. Васильевка — их глубокая архаичность (см. рис. 33; 58, 1). Быки с едва намеченными ушами животные выполнены выбивкой грубо. Туловища слегка геометризированы, передняя часть расширяясь к основанию шеи, она образует своего рода треугольную массивную, чрезмерно короткая, можно сказать, специализированную шею. У всех трех фигур круп показан вертикальной линией, задняя часть, за исключением одной. Вполне возможно, что хвост наметился только позже. Справа от быков размещены незаконченная антропоморфная фигура, олень и козел. По манере передачи задней части тела, крупы фигура оленя близка изображениям животных, относящихся к раннесакскому, сакскому периодам (см. рис. 33). Совершенно очевидно, что быки и остальные изображения выполнены в разных стилистических манерах, но если судить по технике выбивки, то различия между ними нет. Плотность загара, глубина выбоин, следы инструмента отсутствуют. Поэтому они, скорее всего, синхронны им или даже моложе. Конечно, заманчиво сопоставлять их с древнейшими изображениями Сибири, Забайкалья (Мазин, 1985, с. 17—24) и в частности с некоторыми рисунками грота Куяво на средней Каме. Территориально самыми близкими памятниками подобного рода являются рисунки в окрестностях с. Васильевка (Мазин, 1984, с. 73—75), а также с росписями пещеры Хойтун в Монголии (Окладников, 1972). Однако в настоящее время нет оснований относить фигуры быков с. Васильевка к периодам, относящимся к эпохе бронзы. Если же признать синхронность фигур быков, находящихся рядом, то они могут быть датированы эпохой бронзы или раннесакским временем.

Из изображений быков из Восточного Казахстана показалось, что большинство из них относится к разным этапам эпохи бронзы. Среди них, возможно, можно датировать предсакско-раннесакским периодом. Лишь три фигуры быка — одна из Зевакино (см. рис. 58, 2) и две из с. Васильевка (см. рис. 58, 3) — на фоне остальных выглядят более

архаичными (по общему облику, технике выбивки и другим признакам). При этом наиболее архаичным кажется зевакинский бык, ассоциирующийся с фигурами бизонов или зубров и высеченный, судя по «рваности» и неровности, а также по глубине выбоин, каменным орудием. Сагырские изображения быков, по нашим наблюдениям, не имеют точных аналогов среди петроглифов Казахстана и сопредельных территорий. Только по трактовке отдельных деталей они похожи на зевакинского быка. Признаком архаичности данных изображений быков является, пожалуй, их «изолированность», отсутствие композиционности. Рядом с зевакинским быком находятся еще фигуры этого животного, но, как показано выше, они выполнены в иной манере и другой техникой и значительно моложе. Возле сагырских быков вовсе отсутствуют какие-либо изображения, если не считать непонятную незаконченную фигуру. Косвенным свидетельством архаичности, возможно, является статичность позы животных.

Таким образом, изображения трех быков производят впечатление древнейших среди подобных сюжетов и, вероятно, могут быть отнесены ко времени, предшествующему эпохе бронзы. Сейчас трудно сказать, к какой именно эпохе они относятся: к палеолиту, неолиту или энеолиту. Для конкретизации даты в настоящее время нет веских оснований и четких критериев. Более предпочтительной представляется датировка их неолитом или энеолитом.

На фоне многочисленных археологических памятников каменного века, представленных материалами из окрестностей аула Канай (мустьерская эпоха), стоянок Шульбинка (начало верхнего палеолита), Усть-Нарым, Малокрасноярка (неолит) и др., наскальные изображения, предположительно отнесенные к этим эпохам, выглядят более чем скромно. В непосредственной близости с зевакинскими рисунками найдены отдельные изделия неолитического облика, а в 35—40 км к западу — двухслойная палеолитическая стоянка Шульбинка. Кремневые изделия неолитического облика известны и в урочище Сагыр. Эти находки служат ориентиром для дальнейших поисков древних рисунков.

Повозки и колесницы. Существует две концепции о происхождении и распространении колесного транспорта: моноцентрическая и полицентрическая. Наиболее популярной является моноцентрическая концепция В. Гордона Чайлда, согласно которой древнейшим центром возникновения колесного транспорта является Шумер (Childe, 1951, р. 177—194; Чайлд, 1956). Стюарт Пиггот считал таким центром кавказский регион, включая некоторые прилегающие к нему районы (Piggott, 1969, р. 226—318; 1983).

В отличие от сторонников моноцентрической концепции Е. Е. Кузьмина выделила четыре зоны распространения колесного транспорта: Древний Восток, Юго-Восточная Европа, Кавказ и Юго-Восточный Прикаспий (1974, с. 76). Последние три, по ее мнению, относятся к зонам цивилизации второго порядка, где, как и в Месопотамии, в III тыс. до н. э. существовали одинаковые экономические предпосылки для изобретения колесного транспорта (Кузьмина, 1974, с. 72). Для нас же важно, что в III тыс. до н. э., особенно во второй его половине, двух-

лесные повозки с парной бычьей упряжкой получают широкое распространение в «зонах цивилизации второго порядка» и в высших степях.

Неземледельческие культуры юго-восточной Европы содержат ценные находки моделей колес и повозок, относящихся ко второй половине III — началу II тыс. до н. э. (Гудкова, Черняков, 1981,). Наибольшее количество их зафиксировано в погребениях катакомбного типа, датированных концом III — началом II тыс. Большая часть их опубликована (Кузьмина, 1974, с. 68—74; Черняков, 1981, с. 38—50; Романовская, 1982, с. 102—108; Гудкова, 1980, с. 132—146; Шилов, 1978, с. 13—14; Anati, 1960, ; Potratz, 1966; Littauer, Crowel, 1979; Cordier, 1975, p. 451—

462). В прилегающих к нему районах повозки и их модели начинаются с неолитической куро-аракской культуры (Куфичев, с. 7, 81, 95, 97, 98, табл. CVII; Козенкова, 1973, с. 61—62; Иваница, Котович, Магомедов, 1980, с. 139, 142—151; Мпачакания, 3, 46, 47, 50, 54), в Южной Туркмении — с первой половины II н. э. (четырёх- и двухколесные открытого типа).

Многочисленные наскальные изображения колесного транспорта северо-восточных склонах Ферганского хребта (Саймалы-Таш) повозки на сплошных колесах малого диаметра, которым со- гласно изображениям животных (быки и козлы), выполненные в бичном стиле и в профиль (Шер, 1980, с. 200—210).

Сопоставив изображения животных с битреугольными туловниками Саймалы-Таша, Сармыша, Намагута и других местонахождений с такими росписями на керамике из Переднего Востока (Сузы, Сивалк и т. д.) и юга Средней Азии (Карадепе, Гиссар, Намаз-Г), Шер предположил, «что битреугольный стиль изображения животных на древнеиранской керамике проник в Фергану и Централь-Шань не намного позже того времени, когда в конце IV — начале II н. э. произошла диффузия племенных групп из юго-запада Ирана в предгорья Копетдага и, возможно, несколько севернее» (1980, с. 205—207). По всей вероятности, саймалы-Ташские племена задолго до II тыс. до н. э. через южно-средне-азиатские народы поддерживали тесные культурно-экономические контакты с Передней Азией. Оттуда через предгорья и оазисы колесный транспорт проник сначала в Фергану, Северное Приитышье и далее, через предгорья Завалийского и Джунгарского Алатау в Ташкент и Минусинскую котловину.

Наскальные изображения животных в битреугольном стиле в Ферганском хребте встречаются только в Чу-Илийских горах (). Быть может, они еще будут найдены в горах Джунгарского Алатау. Численные экземпляры подобных изображений на Тарбагатае, видимо, значительно моложе, чем саймалы-Ташские и там- же. Тем не менее не исключены контакты горно-степных племен Приитышья и Тарбагатая через Семиречье и юг Казахстана и поселенцами северо-восточной окраины Средней Азии (Шер,

1980, с. 121—122). Не исключаются, конечно, и другие пути контактов приитышских и других степных племен (в конце III — начале II тыс. до н. э.) с земледельческими и скотоводческими народами Средней Азии. В любом случае надо исходить из того, что распространение колесного транспорта в этом регионе шло с юга (Иванов, 1983, с. 36; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 950—951).

Конструктивно отличается акбаурская повозка (см. рис. 6), показанная в плане, на двух дисковидных колесах. Грузовая платформа смещена назад по отношению к оси, на конце дышла имеется ярмо с вертикальными притыками (занозами).

Аксиомой является то, что дисковидные колеса предшествуют колесам на спицах, но этот факт сам по себе еще не указывает на древность первых. Дело в том, что повозки на дисковидных колесах тысячелетиями сосуществовали с колесами на спицах, вплоть до этнографической современности. Более изменчивым во времени и пространстве элементом колесного транспорта, видимо, является ярмо со всевозможными приспособлениями. Конструктивное его решение позволяет ответить на некоторые вопросы о хронологической и этнической атрибуции.

Сочетание сплошных дисковидных колес и ярма с вертикальными притыками для бычьей упряжки подтверждает предположение о древности этой повозки. Расположение платформы позади оси также подтверждает эту догадку. Существует мнение, что грузовые повозки с отодвинутым назад кузовом древнее, чем остальные (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 164).

Саймалы-Ташские повозки на сплошных колесах малого диаметра выглядят даже более усовершенствованными, чем акбаурская: в большинстве случаев они показаны с треугольными рамами, выдвинутыми перед осью; от морды животных к руке погонщика идут линии, обозначающие средство управления; на ярмах четко не обозначены притыки (Шер, 1980, с. 195—196, рис. 107—108).

Южно-среднеазиатские модели в основном двух-четырёхколесные, открытого типа, но судить о деталях ярма трудно из-за чрезмерной общности в трактовке или их полного отсутствия.

Дата акбаурской повозки определяется не только по общему сходству основных конструктивных элементов со среднеазиатскими, переднеазиатскими, кавказскими и ямно-катакомбными повозками и их моделями, но и на основании анализа символических знаков, сосредоточенных вокруг нее и имеющих близкие соответствия в изображениях на керамике, на терракотовых статуэтках и других материалах вышеупомянутых регионов (см.: Энеолит СССР, 1982; Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 86—88, 240—255; Кирчо, 1976, с. 48—55; Зайберт, Мартынюк, 1984, с. 81—90; Массон, Сарияниди, 1973, рис. 14; Массон, 1981; Станкевич, 1978, с. 17—31; Антонова, 1981, с. 5—21, рис. 1—7; Стоколос, 1984, с. 22—42; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 52—77, рис. 9, 11 и др.). Исходя из этих данных акбаурская повозка (и сопутствующие им знаки) может быть датирована концом III — началом II тыс. до н. э., хотя не исключен и несколько более ранний возраст (вторая половина III тыс. до н. э.).

бая изученность памятников энеолита и ранней бронзы в Казахстане препятствует выявлению направлений этнокультурных контактов верхнеприиртышских племен в рассматриваемую историческую эпоху. Однако можно допустить, что благодаря удобному географическому расположению этот регион был зоной интенсивных связей с Южной Сибирью и Средней Азией. Такие контакты археологически прослеживаются достаточно четко в андроновскую и последующие; они имели место, вероятно, и в энеолите, и в эпоху ранней бронзы, т. е. во время существования афанасьевской и окуневской Южной Сибири.

В Минусинской котловине изображения повозок, помимо стел из синего и красного камня обнаружены на плитах с личиной из Усть-Кызласов, Кызласов, 1973, с. 223) могильника Разлив X (Пшевцов, 1980а, с. 68). Все они отнесены исследователями к окуневскому времени (первая половина II тыс. до н. э.). Факт вторичного назначения знаменской стелы в качестве перекрытия окуневского неолита допускает и более ранний ее возраст (Шер, 1980, с. 226). Хакасия недавно зарегистрировала еще несколько изображений эпохи бронзы (Севастьянова, 1980, с. 103—107).

Определить пути распространения колесного транспорта в Южной Сибири не так просто, ибо связи афанасьевских и окуневских племен с синими памятниками юга Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии более отделенными западными (ямными, катакомбными) стоянками близкими культурами изучены недостаточно (Грязнов, Вадеев, 1968, с. 159—165; Максименков, 1968, с. 165—172 и др.). Сейчас с помощью и другими методами нижняя дата афанасьевских памятников соседнего Горного Алтая устанавливается в пределах конца III тыс. до н. э., а верхняя еще не уточнена. Ю. Ф. Кириков предположил, что эта культура существовала вплоть до бронзового времени (1985, с. 47), согласно С. В. Цыбу — до первой половины II тыс. до н. э. (1984, с. 13, 18), а по данным Э. Б. Вадеева — середины четвертой четверти III тыс. до н. э. (1979, с. 100).

В последнее время С. В. Цыб обосновывает гипотезу, согласно которой так называемый алтайский вариант афанасьевской культуры Южной Сибири, образующий самостоятельную культурно-археологическую единицу раннего бронзового века, возник в результате переселения раннескотоводческих племен восточно-европейских степей — в синхронной древнеямной культуре (1980, с. 38—51; 1984, с. 13). Им выделены две хронологические группы афанасьевских памятников Алтая (конец IV — первая и вторая четверть III — первая четверть II тыс. до н. э.), которые стадийно близки культурам других регионов: Восточной Европы, Средней Азии, Казахстана, Верхнего Прибайкалья. Некоторые исследователи не отрицают наличие культурных контактов племен Западно-Сибирского региона с населением Средней Азии через племена населявшие в конце III — начале II тыс. до н. э. степи Казахстана (Матющенко, 1977, с. 92—95),

и

Энеолитические памятники Казахстана стали интенсивно изучаться только в последние годы. В северных районах открыты и исследованы целые поселения этого времени (Ботай) и комплексы эпохи ранней бронзы, сопоставимые с энеолитическими памятниками Алтая и Западной Сибири в целом (Зайберт, Мартынюк, 1984, с. 81—90; Зайберт, 1983, с. 88—90). В Восточном Казахстане памятники энеолита и ранней бронзы изучены недостаточно; по сути дела, здесь не проводились поиски памятников типа афанасьевских. На возможные контакты позднэнеолитических усть-буконских племен Восточного Казахстана с афанасьевцами Енисей указывал С. С. Черников (1957, с. 28—33), правда, эта точка зрения пересмотрена им и другими исследователями (Максименков, 1978, с. 78—79). Афанасьевские черты имеют парные погребения из камня и случайные находки бронзовых изделий из Восточного Казахстана (Черников, 1960, с. 32—34, 94—97). Отмечая раннее появление металлических изделий у афанасьевских племен Горного Алтая, С. В. Цыб объясняет этот факт «расселением афанасьевцев в непосредственной близости от медных и полиметаллических месторождений Рудного Алтая» (1984, с. 15).

Таким образом, можно предполагать, что в конце III — начале II тыс. до н. э. племена Верхнего Прииртышья имели контакты с населением Горного Алтая, Енисей и других северных и восточных регионов. Связи восточноказахстанских племен с населением Средней Азии, видимо, осуществлялись по различным направлениям, судя по петроглифам, через Тарбагатай, предгорья Джунгарского Алатау и При Тяньшане.

Поскольку самым близким к нашему региону, где колесный транспорт получил широкое распространение задолго до начала II тыс. до н. э., являлась Средняя Азия, логичнее было бы предположить проникновение средств передвижения в Минусинскую котловину из Средней Азии через Верхнее Прииртышье — Горный Алтай в конце III — начале II тыс. до н. э. К сожалению, еще нет достаточно полных археологических данных, подтверждающих это предположение.

Совершенно иной тип колесного транспорта изображен на камне из Курчума (см. рис. 102). Повозка показана в плане. Кузов прямоугольный, четыре силовых колеса без спиц расположены как бы плашмя по его углам и соединены попарно линиями, пересекающими кузов и обозначающими оси. Особенно интересны две линии, обозначающие, по всей вероятности, стержни двусоставного дышла. О том, что в данном случае показаны не оглобли — они появились не ранее начала второй половины I тыс. до н. э. (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 144—145), а архаичский дышловый способ управления бычьей упряжкой, свидетельствует ряд фактов. На концах стержней показана перекидывающаяся с двумя парами вертикальных «заноз», а это означает, что тут изображено ядро для бычьей упряжки, но, судя по этнографическим данным (Шрамко, 1984, с. 251—255), без подшеек, т. е. без нижней перекидывающей. Последняя была изобретена позже и просуществовала без значительных изменений вплоть до этнографической современности. Двухстержневые дышла характерны для повозок лчашенского погребального комплекса в Армении, датируемого серединой II тыс. до н. э. (Мар-

и, 1964, с. 98—101; Мнацакavian, 1960, с. 139—152). Аналогичные функции дышел, относящихся к различным периодам эпохи бронзы, сированы и в Минусинской котловине. Они так же, как закарские и верхнеприиртышские, имеют на концах ярма с занозами (Севастьянова, 1980а, с. 78, рис. 5; с. 80, рис. 6; Севастьянова, 1980, с. 104, рис. 3), но в отличие от первых колеса у них не дисковидные, а па-

как, двухстержневые дышла и крепящиеся к ним разными способами тарелки ярма характерны для грузовых повозок в бычьих дышлах. Вполне возможно, что они появились задолго до II тыс. до н. э. по археологически фиксируются с первой половины — середины II тыс. до н. э. вплоть до начала I тыс. до н. э. Появление таких дышлов объясняют необходимостью безопасного передвижения в лесистой местности.

Наиболее вероятная дата курчумской повозки — первая половина II тыс. до н. э. Конструктивно и территориально к ней наиболее близки и из окуневских памятников Енисея. Несколько более ранним датированы модели повозок в Средней Азии (середины III — II тыс. до н. э.), а часть саймалыташских повозок типа «проезжая» — концом III — первой половиной II тыс. до н. э., т. е. еще раньше с нашей (Шер, Голендухин, 1982, с. 21—23). По конструкции такая повозка сопоставима также с восточноевропейскими образцами, упомянутыми выше.

Впервые изображение повозки в Восточном Казахстане обнаружено в Мойнакском (см. рис. 91). Она также показана в плане. Колеса и платформа одинаковые по размеру, трактованы в виде кругов с точкой в центре и расположены на одной линии. На конце дышла — ярмо с четырьмя парными занозами для пары упряжных животных, скорее быков. От ярма к платформе по краям дышла идут две линии, являющиеся вожжами. Сочетание сплошных дисковидных колес, дышла с занозами придает повозке в целом архаичный облик, сближающий ее в определенной степени с вышеописанными. Это позволяет датировать мойнакскую повозку первой половиной II тыс. до н. э.

В казахстанских петроглифах. Приблизительно в середине II тыс. до н. э. в петроглифах Казахстана появляются изображения легкой конной колесницы, основанной на базе повозок со сплошными дисковидными колесами. Известны сотни изображений колесниц, исходящих из Семиречья, Южного Казахстана, Средней Азии, Горного Алтая, Южной Сибири, Монголии и других территорий. Зафиксированы погребения эпохи бронзы с колесницами (Зданович, 1983, с. 54—56), изображение на керамике срубной культуры (Галкин, 1977, с. 189—196). В Восточном Казахстане пока известно всего восемь изображений повозок и колесниц, три — с лошадиной упряжкой. В двух случаях упряжные животные показаны в профиль, в одном — ногами друг к другу (см. рис. 54, 55, 100) (Самашев, 1977, с. 520).

В казахстанских петроглифах и их изображений посвящено огромное количество (библиографию см.: Кожин, 1966в, с. 176—178; 1966б, с. 92—93; 1966а, с. 76—81; 1929, с. 29—40; 1977, с. 178—187; 1985, с. 169—182;

Жуков, Ранов, 1974, с. 62—68; Кузьмина, 1974, с. 68—87; Куцера, 1977; Евсюков, Комиссаров, 1984, с. 52—66; Комиссаров, 1985, с. 86—111; Кожанов, 1984, с. 67—75; Кадырбаев, Марьяшев, 1977; Массон, 1973, с. 102—112; Новгородова, 1978, с. 192—206; Novgorodova, 1980; Шер, 1980; Дэвлет, 1982а, с. 22—31; Чередниченко, 1976, с. 135—150; Littauer, Clowel, 1979; Cordier, 1975, р. 451—482; Apati, 1960, р. 50—63; Балон, 1980, с. 69—85; Горелик, 1985, с. 183—202 и др.).

По существующей классификации на скальных изображениях конных колесниц датируются серединой — концом II тыс. до н. э. Изображения колесниц с упряжными животными, показанными в профиль, считаются в указанном отрезке времени наиболее ранними (Шер, 1980, с. 202—205). Изображения колесниц с лошадиной упряжкой, где животные показаны обращенными друг к другу спинами, судя по нашим наблюдениям над петроглифами Жалтырак Таша (Таласский Алатау, ущ. Урмагал), могут быть датированы раннесакским временем. Здесь они сопутствуют изображениям пантер, копытных животных, выполненным в раннесакском зверином стиле. Несмотря на обилие публикаций по колесницам, до сих пор актуальной остается проблема их относительной хронологии.

ПЕТРОГЛИФЫ ПРЕДСАКСКОГО И РАНЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ

Особый интерес для синхронизации некоторых стилистических особенностей петроглифов предсакского времени представляет большая композиция на скале в ур. Мойнак (см. рис. 46, 50—53). По плотности загара и единообразию технических приемов одновременность этой композиции не вызывает сомнений. Здесь в одном комплексе сосредоточены изображения, встречающиеся поодиночке в других районах Казахстана, Центральной и Средней Азии. Это позволяет использовать традиционный археологический способ хронологических привязок одних изображений к другим по их взаимовстречаемости.

Центральным является небольшое изображение оленя, за которым гонятся два хищника (см. рис. 51). Его трактовка полностью совпадает с изобразительной манерой поздних вариантов оленей с клювовидными мордами и является промежуточным звеном между изображениями оленей типа иволгинского и Ушкийн-Увера, с одной стороны, и Аржана — с другой. Таким образом, если датой Иволги и Ушкийн-Увера принять XII—IX вв. до н. э. или самое начало I тыс. до н. э. (Грязнов, Маннай-оол, 1974, с. 195; Волков, Новгородова, 1975, с. 84), а Аржана — VIII в. до н. э. (Грязнов, 1980, с. 53—54; Марсадол, 1985, с. 10), то мойнакская композиция по изображению оленя может быть датирована в промежутке между X и VIII вв. до н. э. Анализ других сопутствующих ему изображений, как представляется, может уточнить эту датировку.

В мойнакской композиции есть еще по крайней мере пять типов изображений, заслуживающих специального рассмотрения.

В левой части композиции помещены две фигуры лошадей с сильно прогнутыми спинами и отвислым животом (см. рис. 51; 167, 16). Близ-

по стилю изображения лошадей видны в правой части композиции, также внизу центральной части. Причем здесь за тремя расположенными одна за другой лошадьми запечатлена колесница с парной упряжкой (см. рис. 46). Сам факт наличия колесницы с пароконной упряжкой является достаточным, чтобы в указанном выше интервале времени брать его более раннюю часть, т. е. примыкающую к X в. до н. э., а не дата Ушкйип-Увера немного завышена, то, возможно, и к еще более раннему времени. Данная манера изображения лошадей не является

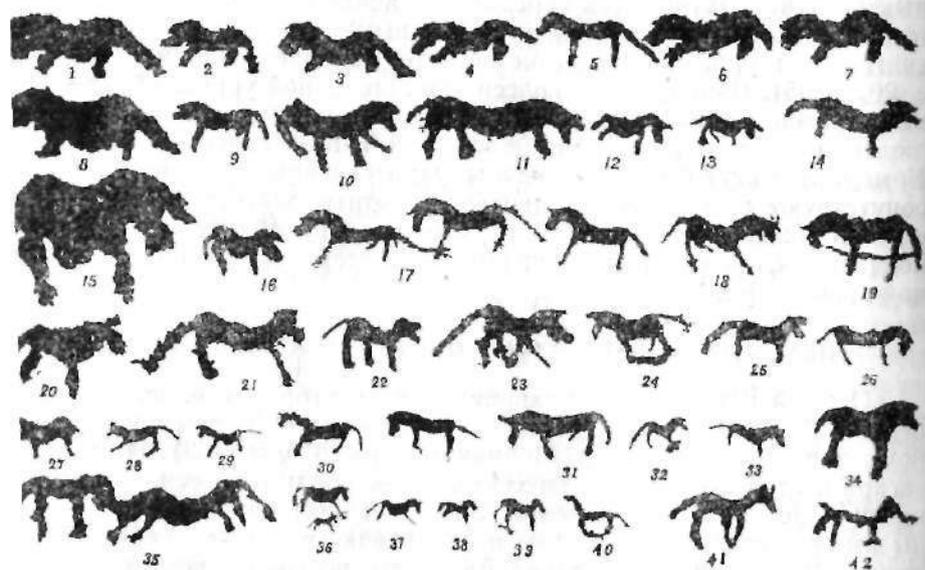

Рис. 167. Изображения лошади: 1—8, 21 — Каратыобе; 9—11, 14, 20, 22, 25, 27, 34 — Сагыр II; 13, 15—18, 19, 24, 28, 29, 32, 33, 36—40 — Мойнак; 12, 35, 41, 42 — Зевакино

ем-то уникальным. Эта устойчивая традиция прослеживается и в тех местах Восточного Казахстана (рис. 167, 168) и Средней Азии. Только нам известно, самое южное изображение такого типа зафиксировано в Саймалы-Таше (Шер, 1980, с. 106, рис. 34), причем тогда было достаточно оснований для его датировки. Также в левой части композиции достаточно четко прослеживается лезвиеобразное изображение кинжала с зооморфным навершием (см. рис. 6, 1). Датировка таких кинжалов сейчас не вызывает трудностей. Ответствующим параллелем на оленных камнях его можно отнести к завершающему этапу эпохи бронзы. Анализируя изображения кинжалов на оленных камнях Монголии, В. В. Волков обратил внимание на отсутствие среди них классических форм скифо-сибирских акинов. «Несомненно карасукский облик изображенных кинжалов» (1981, ?). По его классификации, разработанной для подобного оружия на оленных камнях, наш экземпляр может быть отнесен к группе древних, для которых характерны короткие подтреугольной формы лез-

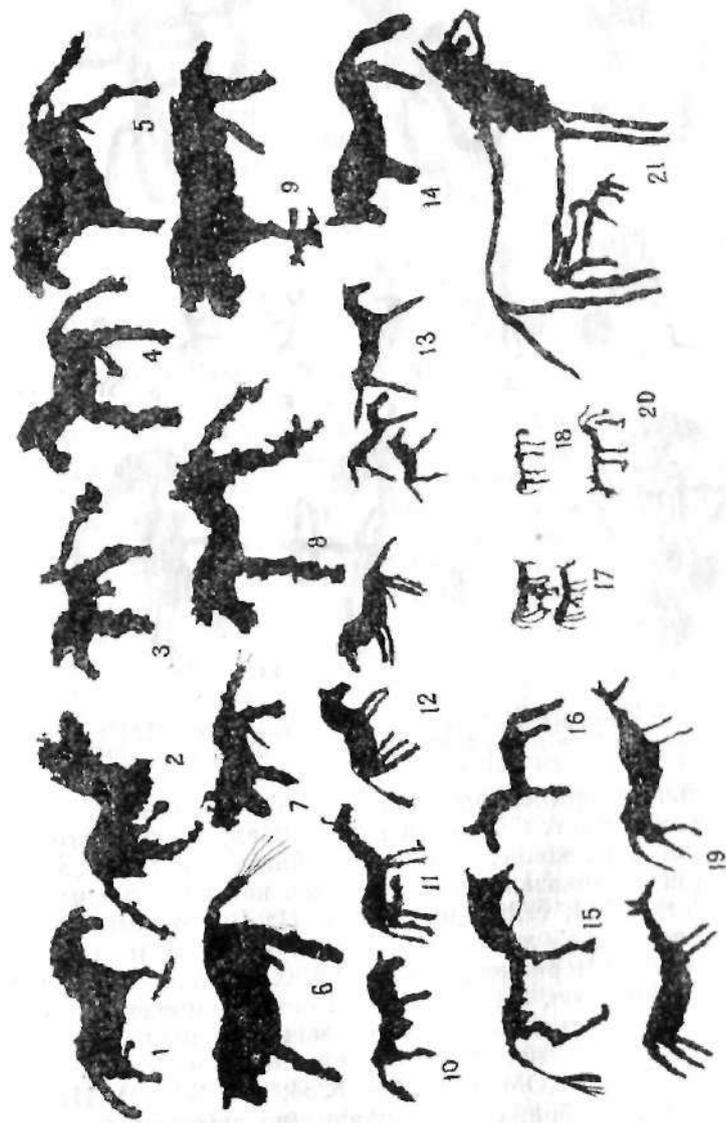

Рис. 168. Изображения лошади: 1, 3—9 — Сагыр I; 2, 12, 14 — Мойнак; 10, 13 — Тулькуне; 15 — Куррум; 11, 16 — Окей; 17, 18, 20 — Меновог; 19 — Долапала; 21 — Зевакино

169. Изображения ряженых: 1—3 — Монголия (Окладников, 1981); 4—8 — Елат-
гаш (Окладников и др., 1981); Ортаа-Саргол (Дэвлет, 1982)

без специально оформленного выступом перекрестия (Волков, 1981, 04). С ними сближается мойнакский кивжал, у которого пожны же расширяются на конце. Только у мойнакского изображения зор- рфное навершие показано не так четко, как на оленных камнях Монголии (Волков, 1981, с. 230, рис. 1—12). Из Восточного Казахстана исходит значительное количество карасукоидных и предсакских изовых кивжалов (Черников, 1960, табл. XIV, XV, XX, XXXVI; Чле- ва, 1976, с. 45—50, табл. 8), но все они без зооморфных наверший. Известен только один экземпляр бронзового кивжала с навершием в виде барана или козла, поступивший недавно в Восточно-Казахстан- ской областной музей (ВКОМ, КПО 26—8284; рис. 32, 21). Итак, мож- но считать, что дата изображения кивжала не противоречит предло- нной выше датировке оленей с клювовидной мордой, а также оле- ей.

Антропоморфные фигуры в мойнакской композиции подразделяют- ся на два типа. Лучник в грибовидном головном уборе с согнутыми

коленями имеет довольно точные параллели в петроглифах Тувы и Монголии. Здесь они широко датируются эпохой бронзы (Дэвлет, 1976а, с. 22—23; 1980, с. 233; 1982б, с. 19—20; Новгородова, 1984, с. 83, рис. 28; Васильевский, Волков, 1985, с. 9, рис. 2). По нашим исследованиям изображений Мойнака, Курчума (рис. 78; 169), Тамгалы и Джунгар- ского Алатау, эту датировку можно сузить.

Одновременность всей мойнакской композиции позволяет отнести к той же эпохе и изображение людей в «рогатых» головных уборах или в зооморфных масках (см. рис. 49, 51).

Изображения **волков**, которые как бы гонятся за оленем, находят четкие параллели на оленных камнях Монголии и Восточного Алтая (Волков, 1981, с. 240; Кубарев, 1979а, с. 79, рис. 26). Это служит дополни- тельным аргументом в пользу предложенной датировки всей ком- позиции.

Чаще всего в наскальных рисунках всего евразийского пояса степей независимо от хронологической принадлежности встречается горный козел. Изображения горного козла относятся к числу так называемых сквозных сюжетов. Тем не менее во многих случаях по стилистическим особенностям можно определить их хронологию. Это касается рисунков, выполненных в типично скифо-сакском зверином стиле. Здесь выделя- ются две группы горных козлов: с закрученными рогами и выполнен- ные схематично. По технике исполнения и плотности загара обе группы одновременно с остальными рисунками скалы. Фигуры козлов второй группы стилистически в некоторой степени напоминают изображе- ния этих животных, относящиеся к древнетюркскому времени. Это еще раз свидетельствует о более раннем формировании данного стиля, но одновременно требует более осторожного подхода к датировке таких изображений.

Аналогичные изображения зафиксированы на других камнях из урочища Мойнак и других местонахождений данного региона.

На камне 120 (см. рис. 65) изображены два оленя, имеющие те же стилистические элементы, что и животные на оленных камнях: узкое длинное туловище, длинную, плавно изогнутую шею, подчеркнута ост- рый горб над лопатками, чрезмерно вытянутую морду (Самашев, 1981, с. 71—72). У одного показан огромный круглый глаз, характерный для гравюр на оленных камнях. В трактовке ног также наблюдаются сход- ные черты: они либо короткие, как бы обрублены, либо слегка согнуты в суставе. В отличие от изображений на оленных камнях, имеющих длинные идущие вдоль спины рога, в Мойнаке (камни 120, 171, 174А) ствол рога, лишенный пышных отростков, посажен на голову животно- го строго вертикально либо рогов вовсе нет (см. рис. 62, 63). Эти раз- личия в деталях скорее всего хронологического порядка, но в пределах одной исторической эпохи.

Относительно хронологии оленных камней существуют различные точки зрения (Волков, Новгородова, 1975, с. 78—84; Диков, 1958, с. 43—44, 80; Дэвлет, 1976а, с. 33; 1980, с. 240—241, 1982а, с. 47—53; 1982б, с. 23—25; Гришин, 1975, с. 73—75; Кызласов, 1978, с. 25—30; Грязнов, Маннай-оол, 1974, с. 195; Грязнов, 1978а, с. 15—18; 1978б, с.

230; Членова, 1962, с. 277—35; Кубарев, 1979а, с. 91; Савинов, 1979, —124; Окладников, 1954, с. 210—220; 1980, с. 91; 1984, с. 55; Окков, Запорожская, 1970, с. 86—88; Вайнштейн, 1974; Килуновская, с. 60—62 и др.). Если абсолютная хронология оленных камней является большинством исследователей в пределах конца эпохи и первых веков I тыс. до н. э., то относительная хронология их еще разработана, хотя по стилистическим особенностям изображений в первую очередь оленей, выделяется несколько разновре- мейных групп. Более ранними считаются изображения оленей с клюво- выми мордами и треугольными выступами на спине (Савинов, 1979, с. 123), но они характерны в основном для Монголии и Забайкалья, южной степи для Тувы и Горного Алтая. В Восточном Казахстане известны несколько изваяний типа Ушкийн-Увера с изображениями оленей рассматриваемого типа. Что касается мойнакских и других экзотических фигур (аналогичные фигуры известны в петроглифах ущелья Доны) (см. рис. 128), то они стилистически близки изображениям оленей третьего варианта (Грязнов, 1978б, с. 226—231) и поэтому могут датированы самым концом бронзы — началом I тыс. до н. э. Помимо оленных камней подобные изображения встречаются также в Монголии (Волков, 1967, с. 69—87; Окладников, 1980, с. 239—241, табл. 139—141; 1981, табл. 5, 6, 7, 11, 13—144; Новгородова, 1984, с. 5—36, 39—41, 46), Тувы (Дэвлет, 1976а, 1982а), Горного Алтая (Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорышница, 1979, 1980; 1981; Кадиков, Скрипня, 1980, с. 148—152; Кубарев, 1979а, с. 109, табл. 1). Жестовые фигуры на оленных камнях изображения оленей известны автором на юге Казахстана — в районах хребта Каратау, южного Алатау (Самашев, 1984, с. 464). Однако западнее и южнее Горного Алтая они встречаются крайне редко.

К предсакскому периоду относятся еще две антропоморфные фигуры и сопутствующие им изображения различных животных на камне (см. рис. 49), образующие сложную многофигурную композицию. В данном случае одновременность всей композиции не вызывает сомнения. По форме головного убора (или «рогатой» маски), а также по иконографии в целом антропоморфные фигуры на камне почти тождественны изображениям людей в «рогатых» головных уборах на камне 171. Многофигурные композиции на этих расположенных близко друг от друга камнях выполнены представителями одной этнокультурной группы в одно время. Особую ценность представляют три фигуры косуль с поджатыми под брюхо ногами (рис. 49; 170, 1, 2). Передние ноги животных положены на задние. Этот признак характерен для иконографии раннескифского времени (Савинов, 1979, с. 122). Фигуры горных козлов в данной композиции стилистически сходны с изображениями этих животных на камне 171. Это козлы с закрученными рогами.

Многочисленные аналогии из других регионов позволяют датировать ряд сопутствующих лошадям сюжетов концом эпохи бронзы. Это «татые» антропоморфные существа (рис. 78, 79, 169, 171, 172). Часть изображений, вероятно, относится к более древнему времени и

Рис. 170. Изображения животных с подогнутыми ногами: 1, 2, 8, 12, 13 — Мойнак; 3, 6 — Зеленино; 4, 5, 15, 15 — Окей; 7 — Далайлы; 9, 10 — Пикитинка; 11, 14 — Мегновое

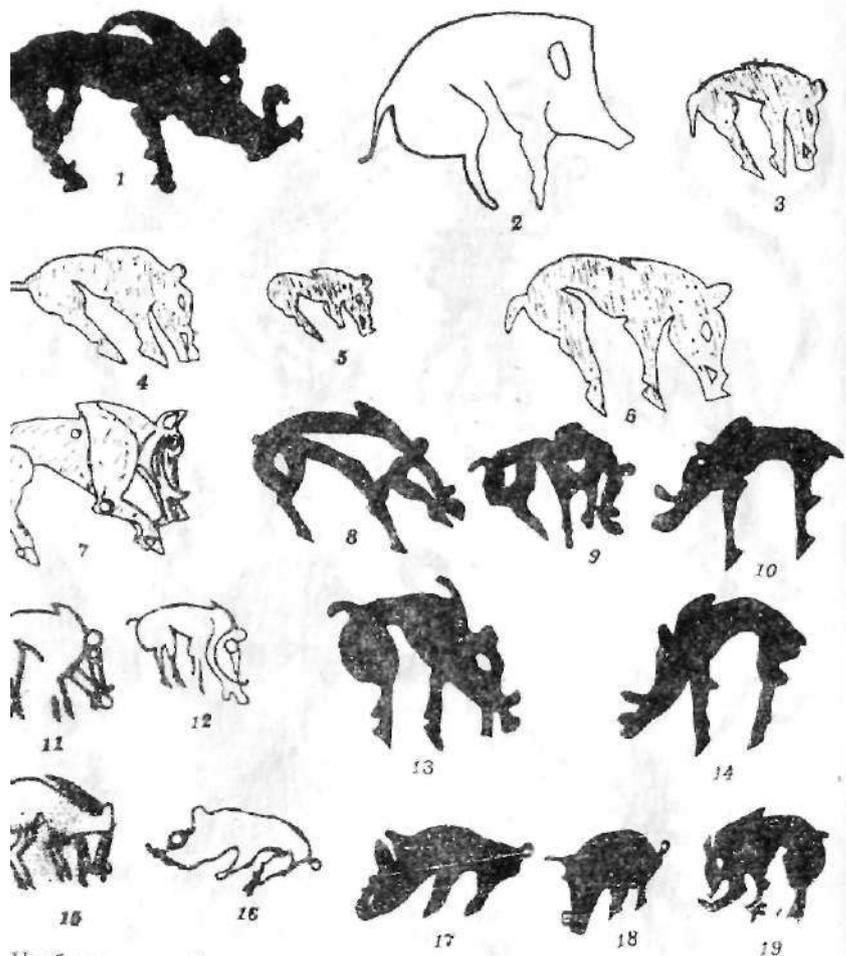
Изображения ряженных: 1, 4—6 — Тамгалы (Максимова, 1958; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985); 2, 3, 7, 8 — Саймалы-Таш (Шер, 1980)

синхронна древнейшим повозкам и зооантропоморфным изображениям, выполненным в битреугольном (или прямоугольном) стиле. «Хвостатых» лучника на камне 44 из уш. Доланалы (см. рис. 171) имеют композиционные связи с изображениями лошадей, выгравированными в том же стиле, что и на камне 171 из Мойнака. Судя по внешнему виду и технике исполнения «хвостатые» лучники и лошади, как и все остальные изображения этой плоскости, являются зооморфными фигурами (всего на камне насчитывается 12 таких фигур, включая круглые и прямоугольные, как и на рогах).

В то же время, вероятно, относятся и изображения «хвостатых» лучников из Елангаша, вблизи которых высечены фигуры дедушек, выполненные в иконографически очень близких рисункам двух камней 80 ур. Мойнак (Окладников, Окладникова, Запорожнина, 1979, с. 125, табл. 84, 1, 2; табл. 92, рис. 2). В дальнейшем, несколько позже возник еще ряд изображений. Выделим из них силуэтный рисунок кабана из Зевакино (рис. 173,

Рис. 172. Изображения ряженных людей с жезлами: 1 — ур. Карасай, Киргизский хребет; 2—6 — Тамгалы (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985); 7 — Валкамоника (Хлобыстина, 1967, с. 249, рис. 2)

Изображения кабана раннесакского времени: 1 — Зевакино; 2 — Тамураши (Завитухина, 1947); 3—6 — Чиликтинский курган (Черников, 1965); 7—14 — Тува (Дэвлет, 1976а, с. 36, рис. 19, 1); 15 — Ур-Марал (Гапоненко, 1963); 16—18 — Джунгарский Алатау (Марьяшев, 1980); 19 — Монголия (Волков, 1981)

принадлежит к раннему этапу скифо-сибирского звериного стиля. указывает общую компоновку изображения, характерная для раннесакского искусства, особенно трактовка ног, глаза, загривка,

логии «позднекарасукскому» и скифо-сибирскому звериному стилю. Изображения кабана раннесакского времени: 1 — Зевакино; 2 — Тамураши (Завитухина, 1947); 3—6 — Чиликтинский курган (Черников, 1965); 7—14 — Тува (Дэвлет, 1976а, с. 36, рис. 19, 1); 15 — Ур-Марал (Гапоненко, 1963); 16—18 — Джунгарский Алатау (Марьяшев, 1980); 19 — Монголия (Волков, 1981)

Южного Казахстана (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 208, рис. 107; Медоев, 1979, табл. 20, 22, 28). Известны они и в произведениях прикладного искусства соседних регионов (Кадырбаев, 1966, с. 397, рис. 1; 1974, с. 43, рис. 11; Членова, 1967, с. 273, табл. 23; с. 282; Савинов, Членова, 1978, с. 88, рис. 4, 3; Завитухина, 1983, рис. 50—88). Изображения кабанов, выполненные в аналогичной манере, встречаются и в петроглифах Мойнака. Так, на центральном блоке камня 171, рядом с изображениями лошадей и козлов запечатлена фигура кабана со слегка опущенной мордой, мощным корпусом (см. рис. 53). На камне 138 (см. рис. 77) корпус кабана выполнен выбивкой по корпусу, затем внутри контурное пространство заполнено выбивкой. Показан круглый глаз, ноги слегка направлены вперед. Животное зафиксировано в позе внезапной остановки. Наконец, еще на одном камне изображены пять фигур кабана, принадлежность которых к ранним образцам звериного стиля не вызывает сомнений, хотя техническое исполнение несколько небрежно (см. рис. 76).

Благодаря изображению зевакинского кабана мы имеем возможность датировать и некоторые другие, сопутствующие ему, а также рисунки на других камнях. Ниже фигуры кабана на этом же камне (см. рис. 161) изображено животное, у которого мышца предплечья и круп показаны в виде округлого просвета, не тронутого выбивкой. Аналогичная зооморфная фигура (верблюд?) изображена на камне 8. Мышцы передних ног трактованы, как в предыдущем случае. Туловище, переданное контуром, декорировано вертикальными и горизонтальными полосами. Обычно на фигурах животных и зверей, сделанных из металла, кости и других материалов в раннесакском стиле, такие элементы подчеркиваются выемками, дополнительными линиями и другими доступными приемами. На плоскости скалы такие приемы исключаются (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 190—192). Художник же стремился оттенить эти существенные с точки зрения изобразительного канона элементы. Такой прием характерен и для некоторых изображений кабанов на оленных камнях Тувы (Кызласов, 1979, с. 48, рис. 29, 1; Дэвлет, 1976а, с. 36, рис. 19, 1).

Изображение горного козла на камне 8 имеет самостоятельный датировочный признак. Морда животного моделирована, как у многих раннесакских бронзовых скульптур, в виде круглой ямки, шея круто поднята (см. Мартынов, 1979, с. 197—198, табл. 44—45; Завитухина, 1983, рис. 1—39).

Судя по приведенным аналогиям, изображения кабанов зевакинского типа характерны как для предсакского, так и для раннесакского времени. В раннесакское время они сосуществовали с другими вариантами изображений этого зверя (Гапоненко, 1963, с. 102—109; Грязнов, Маннай-оол, 1974, с. 194). Вероятно, в этот период появляются изображения кабанов с четырьмя ногами при сохранении общей моделировки головы и других элементов, характерных для «позднекарасукского» этапа скифо-сибирского звериного стиля.

Зевакинские петроглифы интересны и в аспекте установления связи между наскальными изображениями и погребальными памятниками

сположенными рядом с ними. Иными словами, можно ли говорить в случаях об их синхронности и принадлежности какой-то одной группы. Предсакский или раннесакский возраст рассмотренной фигуры кабана и сопутствующих изображений не вызывает сомнения на северном склоне сопки с рисунками находится погребальный комплекс, состоящий из овальных и прямоугольных в плане оград, к которым примыкают от 2 до 12 пристроек. Они содержали одиночные неглубокие захоронения, совершенные в грунтовых ямах. Погребенные лежали в скорченном положении, преимущественно на правом оловом на юго-запад и юг.

Если сопровождающего инвентаря имеется глиняный сосуд бабальной формы, украшенный по шейке косыми линиями и «жемчужками». Аналогичные по форме сосуды есть в памятниках могильника в Южной Сибири, и датируются они IX в. до н. э. (Арсланова, 1974, с. 51).

Хронологические же рамки погребального комплекса определяются по 17 бронзовых ножей. По классификации Ф. Х. Арслановой, проведенной на анализе форм наверший и очертаний лезвия, эти ножи относятся к числу карасукско-тагарских, т. е. к VIII—VII вв. до н. э. (Арсланова, 1974, с. 60). Анализ другого инвентаря — украшений, орудий — подтверждает предложенную датировку (Арсланова, с. 58—59). Соглашаясь с такой датой, Н. Л. Членова относит весь комплекс к андроновским памятникам федоровского типа (1983, с. 10). Однако с учетом современного представления о сложении сакской культуры комплекс может быть удревнен. Во всяком случае, верхняя граница может быть определена VIII или, скорее всего, IX в.

Таким образом, между определенной группой петроглифов и погребальным комплексом существуют конкретные хронологические и топические связи, позволяющие говорить о принадлежности этих петроглифических памятников представителям одной этнической группы, живавшей в тесные этнокультурные контакты с соседними племенами.

Предметы вооружения как один из важнейших компонентов материальной культуры народа служат в большинстве случаев хронологическим индикатором для целого ряда петроглифических комплексов. Благодаря относительно лучшей разработанности типологии их реальных прототипов. Кроме того, «они могут привлекаться для реконструкции комплексов вооружения, определения родов войск и тактики ведения боя, для общей характеристики уровня развития военного искусства» (Худяков, 1981, с. 22).

Изображенный в окрестностях с. Курчум воин в грибовидном головном уборе и с «хвостом» держит в руках копье с четко выделенным треугольным наконечником, что является редкостью в памятниках этого круга (рис. 105; 174, 7). Предсакско-раннесакской датировке изображения, на первый взгляд, не противоречит анализ сопутствующих изображений оленя и сайги (?). Оба животных показаны в момент остановки: задние ноги согнуты и направлены вперед.

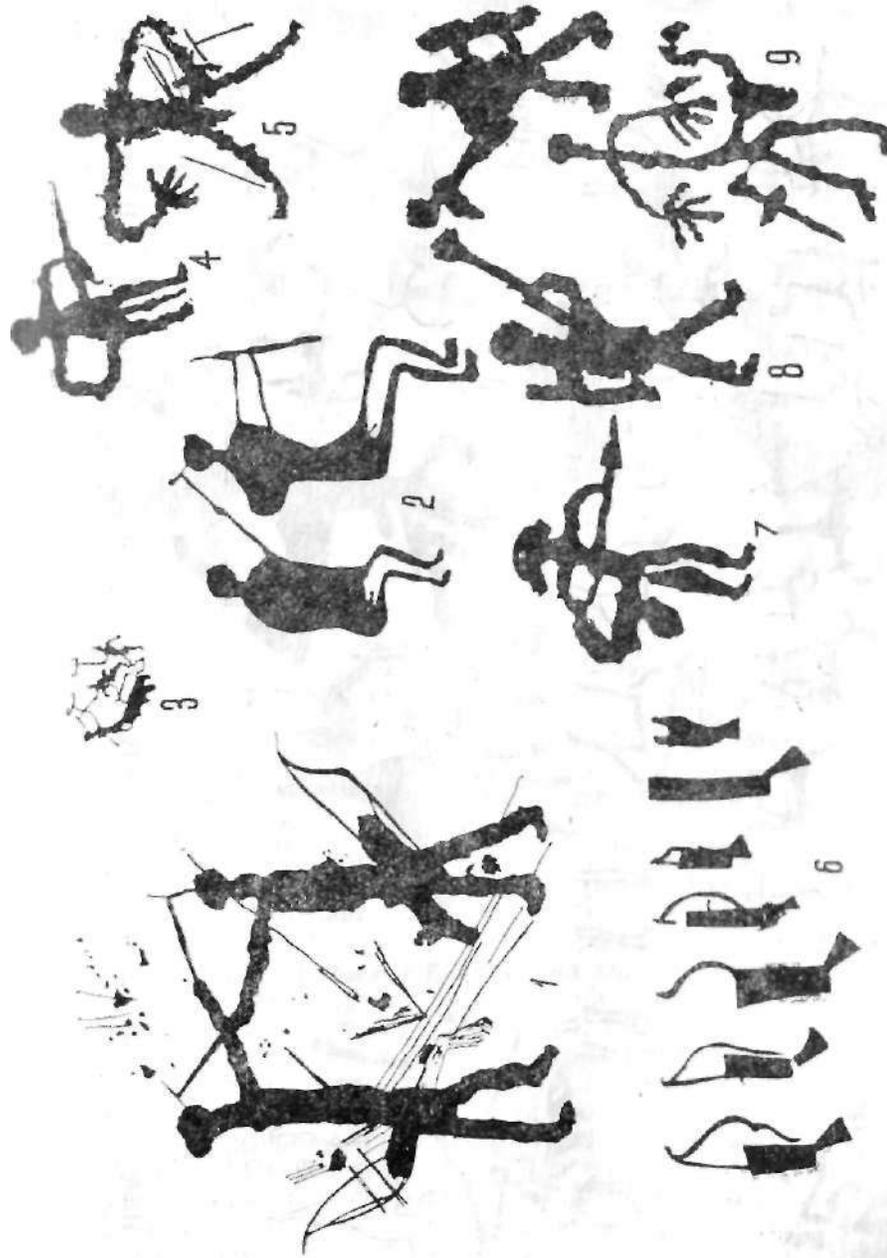

Рис. 174. Изображения людей и оружия: 1, 5, 8 — Сагыр I, II; 2 — Монголия (Новгородова, 1978); 3 — Арсланов V (Кадирбаев, Марьяшев, 1977); 4 — Олей; 6 — оленные камни Монголии (Волков, 1981); 7 — Курчум; 9 — Зевачино

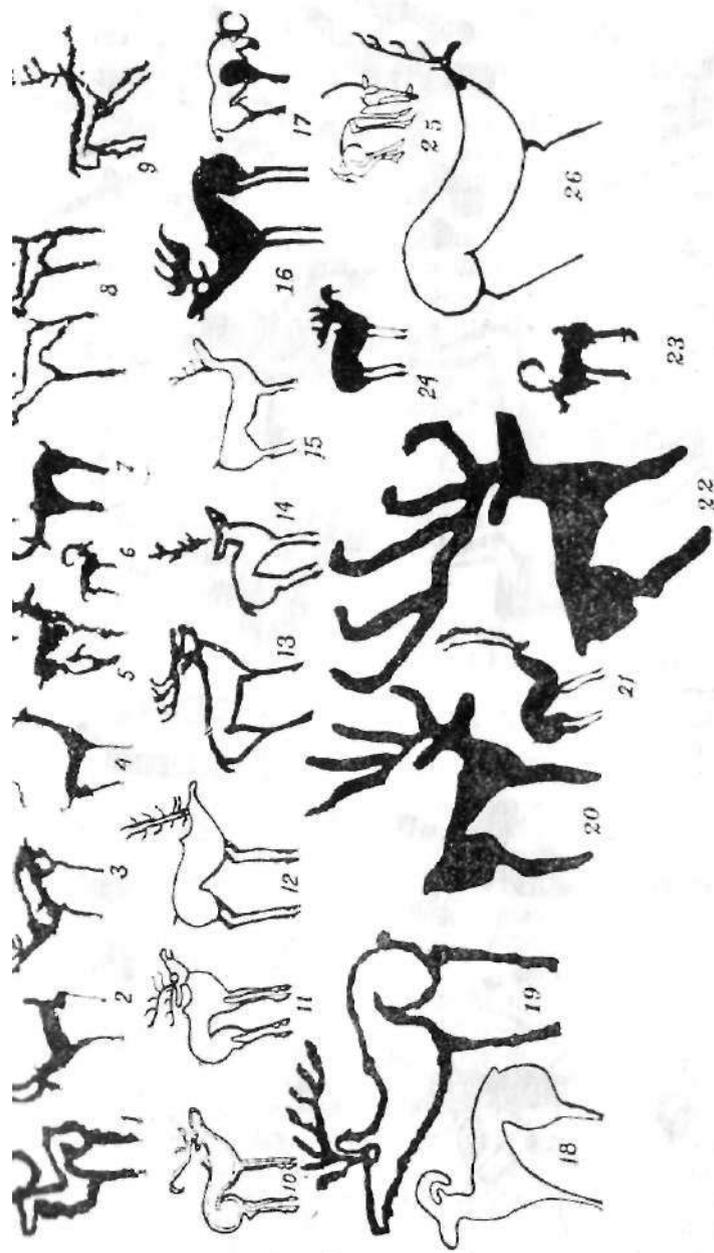

Рис. 175. Изображения раннесакского времени: 1 — Тулькун; 2, 23 — Мойнак; 3 — Долааналы; 4 — Нарбота; 5, 9 — Окёй; 6 — Меновое; 7, 8 — Зевакино; 10 — Маймир; 11 — Аржан; 12, 17 — Ур-Марал; 13 — Верхний Енисей (Давлет, 1982); 16 — Монголия (Волков, 1981); 18 — Тамураши II (Черников, 1947); 19, 20, 22 — р. Терс, Малый Каратау; 21 — Елангаш (Окладников и др., 1979); 24 — Бураты (Елелькин, 1974); 25 — Сакар-Чага III, Северная Туркмения (Яблонский, 1984); 26 — Арпаузен V (Кадырбаев, Марьяшев, 1977)

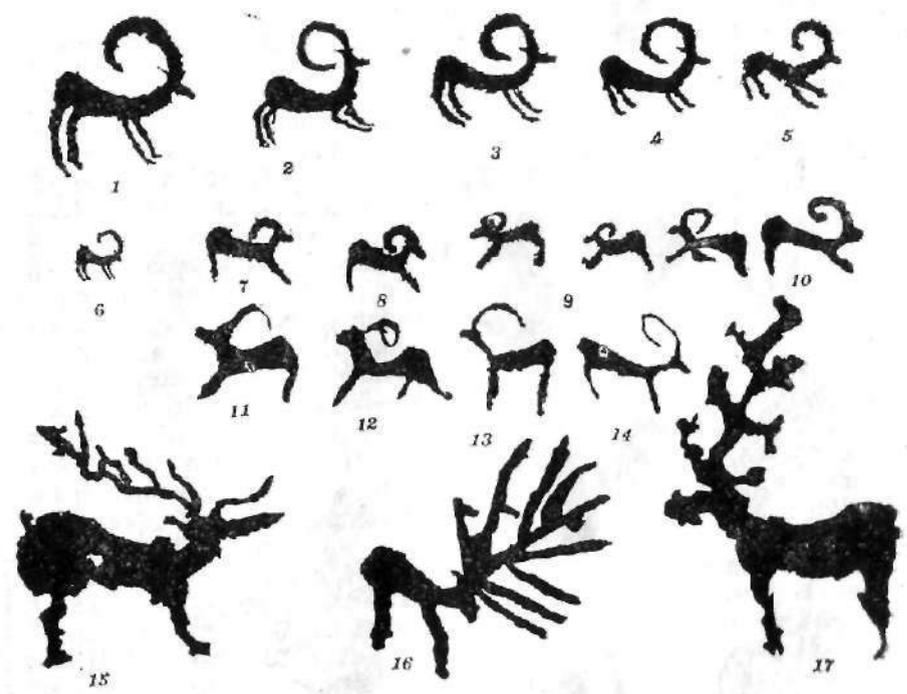

Рис. 176. Изображения животных сакского времени с приподнятым крупом: 1—8, 15 — Курчум; 9 — Мойнак; 10, 16 — Долааналы; 11—14 — Сагыр II

Рога оленя траптовкой напоминают некоторые раннесакские образцы (рис. 64, 170, 175—177).

Чеканы как наступательное оружие ближнего боя были распространены в Сибири и Центральной Азии еще в эпоху бронзы, особенно в карасукское время (Членова, 1972; Волков, 1981 и др.). Изображения чеканов и боевых топоров имеются на оленных камнях (Кубарев, 1979а, табл. XVI) Тувы (Маннай-оол, 1970, с. 25, рис. 2; Кызласов, 1978, с. 28, рис. 2, 3; Грач, 1980, с. 253, рис. 115) и Монголии (Волков, 1981, с. 106—107, 231). На территории Казахстана аналогичное оружие зафиксировано в петроглифах Тамгалы, относящихся к эпохе бронзы (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 34, рис. 8), но по некоторым деталям оно отличается от типичных чеканов, представленных в петроглифах хр. Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 131, рис. 80, с. 182) и особенно Восточного Казахстана (см. рис. 26; 174, 1, 3, 5).

Наскальное изображение сражения пеших воинов из Сагыра (Самьяшев, 1976, с. 523) интересно прежде всего тем, что иллюстрирует способ применения этого боевого оружия в пешем бою. Судя по этой и другим известным наскальным сценам поединков из других регионов (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, рис. 80; Новгородова, 1978, с. 192—206), удары чеканами в пешем бою наносили главным образом по голове.

Рис. 177. Фигуры оледа с подогнутыми ногами: 1 — Сагыр 1; 2—5 — Чилдизинский курган (Черников, 1965); 6 — скала на р. Терс, хребет Малый Каратау; 7 — Елаиши (Окладников и др., 1979); 8 — Монголия (Волков, 1981); 9 — Мойнак; 10 — Коостромский курган; 11 — Полтавская обл.; 12 — Мезыуновский курган; 13 — Зивне (С. С. Черников, 1965, рис. 10—13); 14 — Южная Сибирь (Мартынов, 1979)

Об этом свидетельствуют и находки в горно-алтайских погребениях скифского времени черепов со следами ударов чеканами (Кубарев, 1979а, с. 65).

Н. Л. Членова считает, что «кинжалы и чеканы — оружие рукопашного боя, использовавшееся пешими воинами; стрелы — оружие дальнего боя и в скифское время употреблялись главным образом всадниками» (1967, с. 39). По ее мнению, «в погребениях, где оружием служили кинжалы и чеканы, не бывает бронзовых накопечников стрел, и наоборот» (Членова, 1967, с. 39). Однако наличие в ур. Сагыр луков, подвешенных к поясам сражающихся, свидетельствует, что и чекан, и сложный лук входили в комплект вооружения пеших воинов в раннесакский период. Вероятно, на всем протяжении скифо-сакского времени чеканы как боевое оружие использовались не только в пешем, но и в конном сражении. Они часто встречаются в погребениях всадников Горного Алтая (Кубарев, 1979а, с. 65—66). Из ур. Сагыр происходит и композиция, изображающая двух людей, держащих на поводу по одному коню. К поясу одного из них подвешены сложный лук и чекан, по формам идентичные описанным выше (см. рис. 9). Судя по этому рисунку и находкам в курганах соседних регионов (Грач, 1980, с. 33), чеканы носили рукоятью вниз.

Наскальные изображения чеканов не позволяют в полной мере судить о их деталях и разработать типологическую классификацию, как это делается при изучении военного дела того или иного региона (Мартынов, 1979, с. 49—52; Худяков, 1980б, с. 135—144). Невозможно определить, например, проушные они или с выступающей втулкой. У всех известных на территории Казахстана изображений чеканов соотношение бойка и обуха почти равно (см. рис. 174, 1, 3, 5). Вполне возможно, что они демонстрируют двухбойковые чеканы.

Изображения луков предсакского и раннесакского времени известны в бассейне Верхнего Иртыша по оленьим камням (Адрианов, 1916, с. 72—79; Арсланова, 1984, с. 449). Все они, как на восточно-алтайских оленьих камнях, в основном показаны на поясе (Кубарев, 1979а, с. 69). Это сложный лук, широко распространенный в Скифии и в восточных частях евразийских степей (Черненко, 1979, с. 70—71; 1981, с. 7—21; Хазанов, 1971, с. 28—35; Литвинский, 1972, с. 83—89 и др.).

В петроглифах Восточного Казахстана, как, впрочем, и соседних регионов, чрезвычайно широко распространены простые и сложные луки. К раннесакскому времени несомненно относится лишь несколько изображений луков: в сцене сражения пеших воинов с подвешенными к поясам луками; в рисунке воина с конем на поводу (см. рис. 174, 1, 5), а также пешего воина из Зевакино (см. рис. 164). Здесь, несомненно, изображены сложные луки скифского типа, с сильно изогнутыми концами и крутыми плечами. В двух случаях они встречаются в совокупности с чеканами, в одном — с кинжалом, что служит основанием для отнесения анализируемых изображений к раннесакскому времени.

Колчаны, гориты для луков подвешены к поясам сагырских воинов (см. рис. 174, 1). Достоверного изображения колчана (со стрелами) как воинского снаряжения, предназначенного для хранения и ношения

нет на оленных камнях во всем ареале их распространения. Нет реди наскальных изображений, хотя, как полагает В. Д. Кубарев, возможно, и подразумевались, поскольку изображения налучья на но-алтайских оленных камнях аналогичны по форме и способу ния к поясу изображениям колчанов на этих же камнях. Он так- тускает, что вместе со стрелами в колчаны вкладывали луки (Ку- 1981, с. 72). Ссылаясь на опубликованный нами рисунок, В. В. з поддержал В. Д. Кубарева, отождествлявшего «изображения в ытянутых прямоугольничков с выступами в нижней части на олен- ниях с колчанами уландрьского могильника», но с оговоркой, ки могли быть привязаны к колчанам, как это, например, иногда ковалось у скифов (Волков, 1981, с. 89).

Истинительно, изображения двух «колчанов» из ур. Сагыр, распо- ые как бы наискось на концах, имеют геометрической формы ы и перехват. Аналогичные детали прослеживаются и на северо- зких оленных камнях (Савинов, Членова, 1980, с. 4—5, рис. 1—2; а, 1984, с. 6—17), но особенно часто — на оленных камнях За- ья, Монголии, Тувы и Горного Алтая. В. Д. Кубарев считает, г предназначены для свободного и компактного размещения ников стрел (1979а, с. 68). Возможно, это так. Но в нашем слу- си изображены наполовину выглядывающими из футляра. Этот озволяет предположить, что в сцене сражения пешеходов из ур. запечатлен горит — универсальное и во многом рациональное ение для ношения и лука, и стрел.

Более близкие иконографические параллели сагырским горитам т на оленных камнях Горного Алтая и Северо-Западной Монго- е. в памятниках тех регионов, которые непосредственно примы- исследуемой территории. В. Д. Кубарев считает, что кочевники Алтая в скифо-сакское время пользовались и колчанами, и и (1981, с. 72). На оленных же камнях Монголии, по утвержде- В. Волкова, изображались преимущественно гориты (1981, с. . 33, 6). Проанализировав большое число предметов скифской си и монументальной скульптуры, Е. В. Черненко высказал мне- реимущественном распространении горитов в скифской среде ко, 1981, с. 51).

В. Волков обратил внимание, что у одного из воинов в наскаль- е из Сагыра лук выбит рядом с корпусом горита, и только тетив- ю входит в него, как на некоторых стелах Монгольского Алтая , 1981, с. 88—89). Если впечатление В. В. Волкова относитель- изанных к горитам луков верно, то в данном случае можно гово- зобом способе ношения лука в раннесакское время.

«Колчана» из Зевакино (см. рис. 174, 9) существенно отли- г сагырских. В нижней его части нет геометрической формы Он классической «скифской» формы: правая сторона прямая, за счет закругленного нижнего и резко расширенного верхнего обретает сильно изогнутый абрис. Верх горита имеет два как бы образующие вырез, типичный для скифских. Лук изо- без тетивы (может быть, она стерлась со временем, а может

быть, он запечатлен в положении без натянутой тетивы). Многочислен- ные изображения приемов натягивания на лук тетивы (например, на сосуде из Куль-Обы, на реверсах античных монет, на рельефе Ашшур- банипала), а также письменные источники (Черненко, 1981, с. 115, рис. 77—80) косвенно свидетельствуют о ношении этого оружия если не всег- да, то в некоторых случаях без тетивы.

Находки колчанов, пригодных для реконструкции, в погребениях редки. Остатки колчана найдены в кургане 5 чиликтинского могильни- ка, датированного раннесакским, т. е. рубежом VII—VI вв. до н. э., а воз- можно, еще более ранним временем (Черников, 1965, с. 27, 65; Марса- долов, 1985, с. 11). Аналогичные находки скифо-сакского времени сде- ланы в Горном Алтае (Кубарев, 1981 с. 65—74), в Монголии (Волков, 1978, с. 103) и в Туве (Грач, 1980, с. 34).

В ур. Сагыр рядом с изображениями людей, сражающихся чекана- ми, высечены два пешеходных воина с палицами (см. рис. 25). Палицы-ду- бинки появляются в петроглифах Казахстана, но-видимому, примерно с середины II тыс. до н. э. Как оружие ближнего боя палица и ее раз- новидности применялись на протяжении тысячелетий, вплоть до конца XIX — начала XX в. Изображения птиц из ур. Сагыр иллюстрируют способы применения их в пешем бою.

Поскольку классификация палиц как боевого оружия еще не раз- работана и они не претерпели существенных модификаций вплоть до этнографической современности, дата изображений из ур. Сагыр опре- делялась по косвенным данным. По технике выбивки и интенсивности пустынного загара они идентичны изображениям воинов с чеканами и луками в горитах, высеченным на соседнем камне и относящимся к раннесакскому времени. Кроме того, рядом с воинами, вооруженными палицами, показаны две фигуры лошадей, стилистически полностью соответствующие изображениям этих животных на камне 171 из ур. Мойнак и датированные нами предсакско-раннесакским временем (см. рис. 167). Этим временем, видимо, следует датировать изображения людей с палицами.

На спинах воинов с палицами изображены вертикальные полосы, соединенные короткими линиями (очевидно, обозначающими перекид- ные ремни для ношения) с линиями спины и квалифицируемые нами как защитное вооружение — щит (см. рис. 25). Профильное изображе- ние щита не позволяет судить о его форме. Пятиугольные предметы, изображенные на оленных камнях Монголии, вызывают противоречи- вые мнения. Одни считают, что они символизируют грудную клетку, подобно шаманским костюмам (Вайнштейн, 1974, с. 30), другие — что это изображения щитов (Дэвлет, 1976б, с. 232—236; Волков, 1981, с. 89—90). Они могут означать какую-то деталь декора одежды человека, в честь которого воздвигнут этот монумент. Если все-таки это щиты, то можно говорить о применении в конце эпохи бронзы и в раннесакское время прямоугольных щитов с треугольными выступами в верхней части. В нашем случае, возможно, представлены прямоугольные щиты. Судя по изображениям на предметах торевтики, они наряду с другими формами применялись у европейских скифов. Разные формы щитов

заны на скульптурной композиции гребня из кургана Солохи, от-
чейся к несколько более позднему периоду (конец V — начало
до н. э.).

К поясу воина, изображенного на скале из Зевакино, кроме горита
еще кинжал (рис. 174, 9). Он имеет брусковидное навершие, ба-
видное перекрытие, узкий клинок и округлый кончик. По своим
ологическим признакам он больше напоминает меч.

Типологически эти кинжалы отличаются от образцов, изображен-
та оленных камнях Монголии и на камне 171 из Мойнака (см. рис.
6, датирующихся предсакским или раннесакским временем. По мнe-
исследователей, именно «карасукоидные» образцы служили прототи
для бронзовых кинжалов-акинаков раннесакского периода. На
тории Восточного Казахстана, включая Семипалатинское и Пав-
ское Прииртышье, найдены различные варианты бронзовых кин-
в, относящихся к раннему этапу сакской культуры (Акишев, 1973,
табл. 1; Акишев, Акишев, 1978, с. 59—62; Членова, 1982, с. 34—40;
рбаев, 1966, с. 344, рис. 38). Кинжалы и мечи раннесакского вре-
различных вариаций известны и в соседних регионах. В этой связи
тавляется убедительной идея А. И. Тереножкина о форми-
ни раннесакских и раннескифских кинжалов на карасукской
е в глубинах Азии и о том, что «смена доскифских кинжалов и
скифскими происходила приблизительно в середине VII в. до н. э.
ножкин, 1975, с. 30, табл. 21—22). Таким образом, изображение
ала на скале из Зевакино в абсолютных рамках может быть отне-
к первой половине I тыс. до н. э., точнее, к VIII—VII в. до н. э.
ажения кинжалов раннескифского времени известны на оленных
х Восточного Алтая, датируемых VII—V вв. до н. э. (Кубарев,
с. 114, табл. XVI), в петроглифах Елангаша (Окладников, Оклад-
а, Запорожская, Скорыгина, 1979, с. 68, табл. 27, 1), а также в
Оглахты в Милусинской котловине (Пяткин, 1985, с. 116—127)
де других регионов Сибири.

Представляет интерес бронзовый кинжал из Текели (Восточное
тече), датированный второй половиной VIII — началом VII в. до
когда в Семиречье уже сложилась сакская культура (Акишев,
ев, 1978, с. 59—63, рис. 9). Существует мнение, что данный обра-
мляется местной вариацией карасукской линии развития (Акишев,
с. 60). Вероятно, есть основание отнести текелинский кинжал к
«карасукоидных» изображенных на оленных камнях Монголии,
овать предсакским временем (X—IX вв. до н. э.?) и сопоставить
бражением кинжала на камне 171 из ур. Мойнак (см. рис. 56, 1).
естея, при этом нельзя отрицать функционирование таких форм
лов в несколько более позднее время, но в пределах VII в. до

аким образом, в предсакское и раннесакское время у племен вер-
Иртыша, судя по наскальным изображениям, имелось наступа-
вооружение как ближнего (кинжалы, чеканы, палицы, копыя),
дистанционного (лук и стрелы) боя, воинское снаряжение (горит
занения и ношения лука и стрел), а также защитное вооружение

(щит). Археологические данные свидетельствуют о наличии у саков
бронзовых шлемов (Галанина, 1985, с. 169—183), хотя в петроглифах
они не прослеживаются достаточно ясно.

ИЗОБРАЖЕНИЯ РАЗВИТОГО САКСКОГО ВРЕМЕНИ

По существующей хронологии памятников эпохи раннего железа
Восточного Казахстана, развитое сакское время совпадает с так назы-
ваемым берельским этапом (V—IV вв. до н. э.), следующим за майэмир-
ским (История Казахской ССР, с. 255—264). Майэмирский этап сейчас
ограничивается VIII—VII — первой четвертью VI в. до н. э. (Марсадо-
лов, 1985, с. 11), а завершающий кулажургинский — IV в. до н. э. —
первыми веками н. э. При учете указанных поправок в дальнейшем воз-
можны корректировки хронологических рамок периода развитого сак-
ского времени. Вначале наиболее существенные элементы реалисти-
ческой традиции раннесакского стиля в петроглифах сохраняются. К
этому времени могут быть отнесены изображения оленей, козлов и дру-
гих животных (рис. 64, 170, 178, 179). Затем рисунки становятся менее
реалистичными, упрощенными и схематичными. Исчезает, например,
непременный для раннесакского времени элемент — треугольный вы-
ступ на спине. Начиная преобладать орнаментально-стилизованное
изображения животных, со спиральными завитками, вертикальными и
горизонтальными полосками на теле. К такому относится изображение
олени из Сагыра II, корпус которого украшен несколькими вертикаль-
ными полосками (см. рис. 31). Уже в раннем средневековье к этой фи-
гуре подрисованы конный лучник и стрелы с оперениями. В ур. Долана-
лы зафиксировано изображение козла, корпус которого украшен спи-
ралевидным завитком (см. рис. 122). Такими же декоративными эле-
ментами наделен корпус оленя с подогнутыми ногами, зафиксирован-
ный на сопке Тулькуне (см. рис. 95). Аналогичные изображения живот-
ных из Катона С. С. Сорокин датирует пазарыкским временем (1967,
с. 55).

Рисунков развитого сакского времени мало. Судя по многочислен-
ным ярким открытиям (Пазарык, курган Иссык, амударынский клад
и др.), в это время в кочевнических обществах акцент переносится на
мобильные формы изобразительного искусства, воплощаемые в метал-
ле, кости и дереве, а наскальное изобразительное творчество несколько
затухает.

Невозможно пока с достаточной уверенностью выделить пласт
рисунков гуно-сарматского времени. Этот период в Восточном Казах-
стане представлен памятниками кулажургинского типа. Инвентарь и
обряд погребения кулажургинцев отражают сложную этнополитическую
ситуацию на Алтае, в Восточном Казахстане и в Семиречье, сложив-
шуюся в результате перемещений различных племен и народов, в том
числе гунов. Вполне возможно, что в такой обстановке выразитель-
ные памятники наскального искусства не создавались или же часть на-
селения верховий Иртыша мигрировала.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

одни из наиболее распространенных сюжетов в петроглифах эпохи раннего и развитого средневековья — всадник на коне с различными воинскими атрибутами. Этот образ встречается на огромном пространстве от Дальнего Востока до Придунайских степей и включает в себя наиболее достоверные элементы для хронологической атрибуции средневековых петроглифов.

Поскольку образ воина-всадника в изобразительном искусстве средневековых кочевников Евразии является канонизированным сюжетно-оформительного характера и в известной степени отражает волеизъявление характер степных государственных образований на различных стадиях развития, представляется целесообразным рассмотреть байкальские, казахстанские и восточно-европейские изображения всадников в совокупности (рис. 180, 181).

Основным диагностическим элементом, позволяющим выделить тюркский пласт наскальных изображений пояса степей, является туг — прямоугольное полотнище, прикрепленное к шесту, — важный символ родоплеменных объединений, воинских подразделений, полководческого ранга, т. е. официальная инсигния (Вилинзон, 1985, с. 188). Названия туг, ту, байрак сохранились в лексике современных тюркоязычных народов.

В петроглифах знамя изображено в виде прямоугольника на верхнем конце шеста, иногда с двумя, тремя и более кистями на широком основании. Классические образцы таких знамен представлены в Прибайкалье среди курыканских петроглифов (Окладников, Запорожская, 1971, рис. 57). Знамена, похожие на ленские, имеются среди петроглифов Семиречья эпохи средневековья (Марьяшев, Ермолаева, 1985, рис. 4; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 23). Байкальские знамена изображены в вертикальном, реже слегка наклонном положении, а семиреченские — опущенными. По-видимому, петроглифы иллюстрируют «правила» ношения знамени при «парадных выездах» и в походном положении.

Знамя по размерам меньше, чем знамена, по форме прямоугольное, иногда (иногда в виде треугольных вырезов), реже треугольное. Оно также характерно для байкальских и семиреченских петроглифов Панджикенда и Афрасиаба (Belonizki, 1980, abb. 23, 24; Умаров, 1975, с. 52—77).

Помимо знамен и флагов в петроглифах встречаются бунчуки — конского волоса, прикрепленный к древку копыя (Альбаум, 1975, Рерих 1962, с. 440—441). Основным критерием определения бунчука является прикрепление его не к специальному шесту, подобно знаменному флагу, обладающему особым семантическим статусом (Байрамов, 1981, с. 215—226), а к древку копыя. Следовательно, сакральная функция бунчука подчинена прагматической функции копыя как боевого оружия.

Категории «бунчук» можно отнести не только изображения пучка

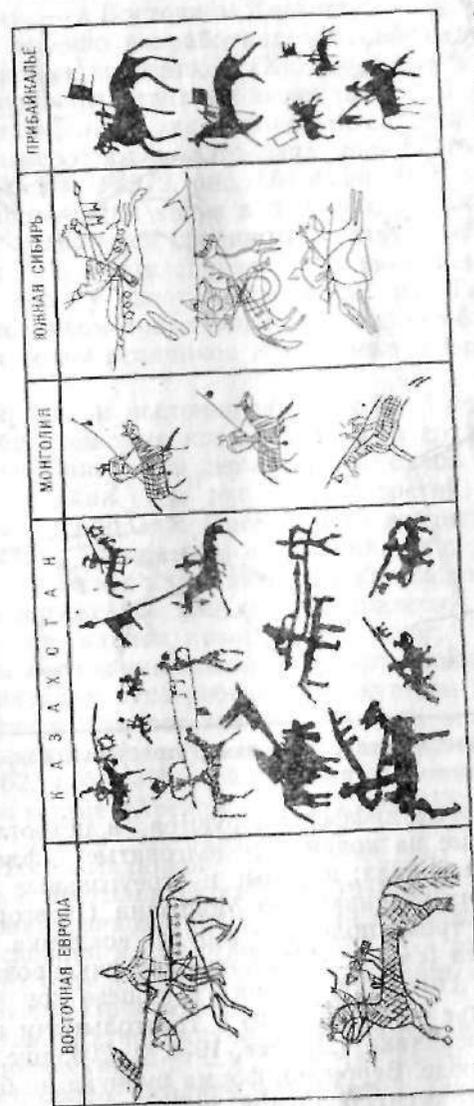
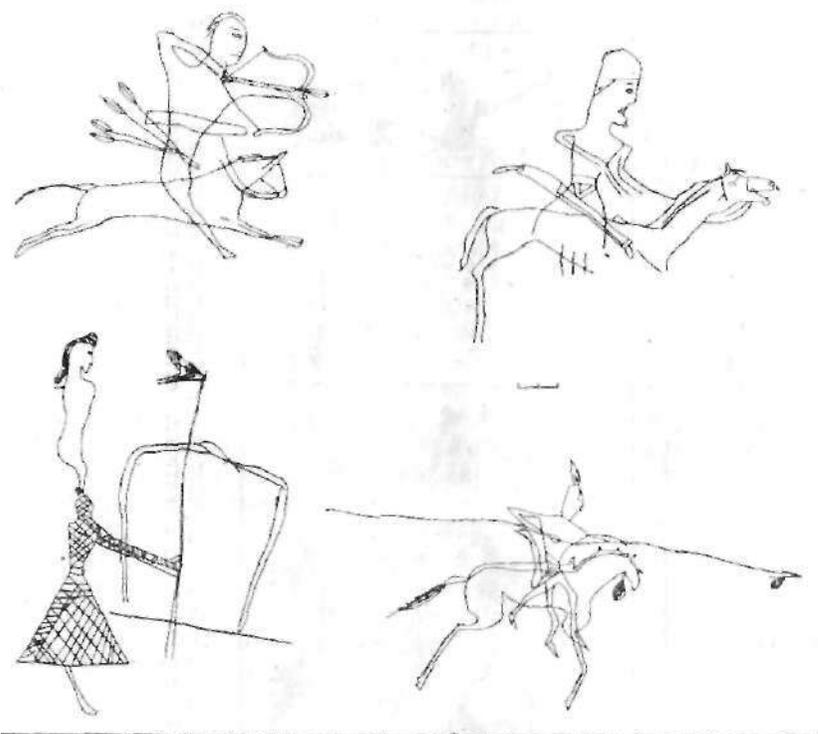

Рис. 180. Изображения конных воинов с символами, атрибутами и предметами вооружения (в графе «Казахстан» три рисунка в нижнем ряду — из Никитинки, остальные — из Семиречья)

81. Изображения конных воинов с символами, атрибутами и предметами вооружения

онских волос, которые дифференцируются в петроглифах очень, но и закрепленные на коньях продолговатые «флажки» с тремя вырезами на концах; круглые и треугольные предметы на х копий хархадских всадников из Монголии (Новгородова, 1984, рис. 60); копьё с тремя полосами в руке всадника на верблюде сточного Казахстана (см. рис. 44); копьё в зафиксированной в Южном Прибалхашье сцене боя конного и пешего копейщиков (Медоев, 1979, рис. 59); копьё с «флажками» с треугольными клиньями на х у преславского всадника (Доичев, 1978, с. 204, рис. 1); изобра- на аниковском блюде. Вероятно, форма бунчука не была в эпоху евековья строго регламентированной, поэтому наскальные изобра- в ареале обитания древнетюркских народов самые разнообраз- Emel Esin, 1972, p. 14—36). Такое разнообразие можно объяснить чинами этнического или социального порядка. акральными символами воинских подразделений или знаками

полковнического ранга были **штандрты**. К их числу можно отнести две подвешенные к шести рамчатые фигуры по периметру, обнаруженные в Семиречье (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 107, рис. 82). Серия изображений штандартов обнаружена в последние годы в районе р. Коксу в Семиречье, еще два в виде трезубца, подвешенного к шестам, — в Восточном Казахстане (см. рис. 40).

Достаточно хорошо разработана классификация **предметов вооружения** средневековых кочевников (Худяков, 1986 и др.) В петроглифах изучаемого периода представлены основные виды как наступательного, так и защитного оружия, а также воинское снаряжение.

Две батальные сцены из Юго-Западного Прибалхашья и Джунгарского Алатау (Медоев, 1979, рис. 59; Акишев, 1981, с. 429), иллюстрируют способы применения копья в ближнем бою. В обоих случаях конные копейщики сражаются с пешими воинами. Треугольный наконечник показан лишь в одном случае — в баян-журекской сцене из Семиречья. Кроме того, у одного знаменосца из Тамгалы древко флага увенчано наконечником треугольной формы. Ромбовидными наконечниками снабжены копьё всадников из Сулека и Восточной Европы (см. рис. 180).

Южно-сибирские и восточно-европейские изображения позволяют судить о способах действия копьем в конном сражении. Так, два всадника из Сулекской писанины держат копьё одной рукой на уровне пояса в боевом положении (см. рис. 180), а третий — обеими руками на уровне шеи или подбородка. Преславский всадник демонстрирует другой способ действия копьем обеими руками: он держит копьё на уровне груди. Обращает на себя внимание посадка всадника в конном бою как против тяжеловооруженной или легкой кавалерии, так и против пехоты, положение корпуса (наклон, поворот), рук и ног.

О широком бытовании копий у прииртышских кочевников свидетельствуют и находки в погребениях. В кургане 97 Зевакинского могильника, где погребены остатки обожженных костей лошади и человека, найден железный втульчатый наконечник копья (Арсланова, 1972а, с. 58—62, табл. III). Наконечники копий известны в Северо-Восточном Казахстане (Арсланова, 1963, рис. 33), в киргизских памятниках Южной Сибири (Худяков, 1980б, с. 50—62), Алтая (Худяков, 1981, с. 119—120; Окладникова, 1985, с. 85—88), а также в средневековых памятниках Монголии (Евтюхова, 1948, рис. 1). Бытование найденных в погребениях наконечников копий не выходит за пределы VI—XII вв. н. э. Основная масса относится к IX—X вв. н. э. Этим временем, видимо, следует датировать изображения конных копейщиков в петроглифах Северного Прииртышья и Семиречья. Что касается сулекских, то они единодушно датируются киргизским временем (VI—XII вв. н. э.), а восточно-европейские — IX—X вв. н. э. (Плетнева, 1982, с. 110). Этим или же немного более поздним временем, а не VI—VII вв. н. э., как предложила Э. А. Новгородова (1984, с. 134), очевидно, можно датировать и изображения всадников из Монголии.

В средневековых петроглифах Казахстана достоверное изображение сабли известно только в одном случае: в ур. Тамгалы зафиксирова-

фигура конного воина, перекрывающая изображение быка эпохи изы. О форме сабли можно судить только по находкам в курганах. По существующей классификации, рубящее оружие прииртышских средневековых кочевников, как и тюркских племен Алтая, Сибири и Семиречья, включает мечи, палаши и сабли (Плотников, 1981, с. 163). Пер- два вида имеют прямые клинки (мечи двулезвийные, палаши одно- и рукоятки. Они близки и по форме перекрестья. В верховьях тыша известны оба типа (Арсланова, 1963, с. 77; 1969, с. 46, табл. 1), где же найдено наибольшее количество сабель (Арсланова, 1972а, б; Плотников, 1981, рис. 1, 2; Самашев, 1983, с. 444—445). Все они отинные: слабоизогнутый клинок, скошенная в сторону лезвия ру- ть, паукное ромбовидное перекрестие. Судя по изогнутости рукоя- и видимой части клинка, семиреченский петроглиф иллюстрирует то кимакский тип сабли, широко распространенный на указанной ритории в IX—X вв. н. э.

Лук — наиболее распространенное наступательное оружие дистан- нного боя эпохи средневековья (Савинов, 1981, с. 146—162; 1984), ки рассматриваемого исторического периода сложносоставные, с тьяными накладками. Многочисленны находки накладок на лук в такских погребениях Верхнего Прииртышья (Арсланова, 1969, с. 46, л. 1). Деревянная кибыть лука плохо сохраняется, поэтому в погре- ниях встречаются лишь ее фрагменты (Арсланова, 1963, с. 77), по ним и многочисленным изобразительным памятникам можно судить юрмах этого оружия. Наскальные изображения лука эпохи средне- овья часто трудно отличить от скифо-сакских. Поэтому достоверны- следует считать изображения лучников в сочетании с бесспорно жскими реалиями и сюжетами, например, конными знаменос- ми.

В этом плане бесспорно тюркскими можно считать пеших и конных личков, изображенных на камне в окрестностях с. Никитинка (см. . 40, 41). У пеших лучников более четко показаны сложные м-образ- : луки с загнутыми концами (Самашев, 1981, с. 75, рис. 3, 1, 2). ьсь, по-видимому, запечатлена батальная сцена: изображены две про- остоящие группы пеших лучников в сопровождении конных воинов штандартами. В левой части камня, среди фигур всадников на вер- оде и лошадях, а также козлов изображена аналогичная фигура лего лучника. В верхней части камня воспроизведены два всадника, оторых луки выглядят несколько иначе, чем у пеших лучников (см. . 41), но по трактовке они чрезвычайно близки изображениям луков уках конных знаменосцев в ур. Тамгалы (Марьяшев, Ермолаева, 1, с. 143, рис. 9) в Семиречье. Такими же луками вооружены кыр- екие пешие и конные воины на Сулекской писанице, всадники на ытырак-Таше (Таласский Алатау) (см. рис. 181).

Стрелы и наконечники крайне редки среди петроглифов и из-за рфности по большей части не могут служить датирующим материа- л. Тем не менее сцену охоты из ур. Сагыр (см. рис. 31), где тело ля пронзено несколькими оперешными стрелами, можно отнести к вьетюркскому времени на основании сопоставления с подобными

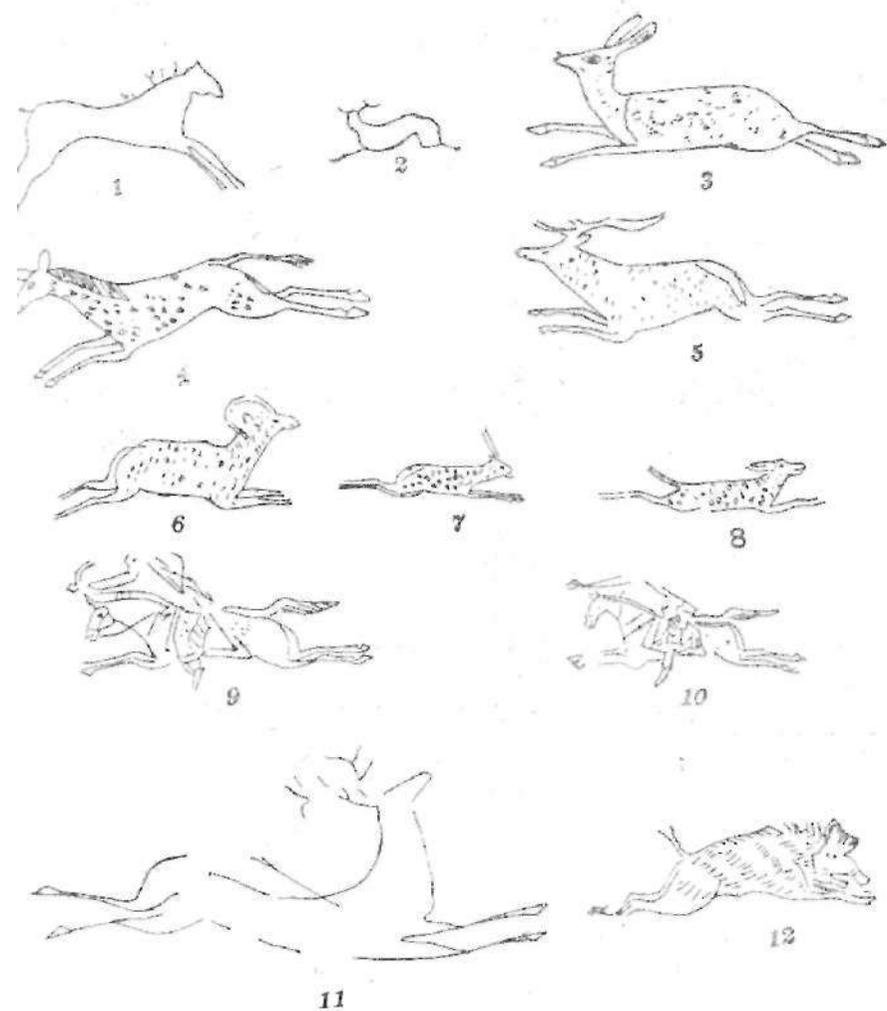
изображениями Сулекской писаницы, которая датируется VII—IX вв. н. э. (Евтюхова, 1948, с. 86—90, рис. 177; Самашев, 1981, с. 75, рис. 3, 3).

Значительно реже встречаются изображения наконечников стрел. В петроглифах Верхнего Прииртышья они пока не обнаружены. В ур. Тамгалы их известно несколько: в изображениях конного знаменосца (Марьяшев, Ермолаева, 1981, с. 143, рис. 9), двух лучников и в сцене поединка конного и пешего лучников (Максимова, Ермолаева, Марь- яшев, 1985, с. 15, 21, 115, рис. 90). Изображение наконечника стрелы иместся в композиции из Ой-Джайляу в Семиречье (Медоев, 1979, рис. 62). Они плоские треугольные, овально-вытянутые, некоторые, как то- мары, имеют прямоугольной формы перо, широкое острие и пологие плечики (Худяков, 1980а, с. 95). Отметим, что плоские наконечники стрел известны с IX в. н. э. и наибольшее распространение получили в XI—XII вв. н. э. Наконечники стрел — массовая находка в погребаль- ных памятниках Верхнего Прииртышья.

Прямоугольные предметы, примыкающие к поясам четырех пеших лучников, изображенных на камне из окрестностей с. Никитинка, по- видимому, следует рассматривать как колчаны (см. рис. 40, 41). Пред- ставление о форме колчана эпохи средневековья и способе его ношения дают изображения на Сулекской писанице и маяцкий всадник в сово- купности с находками в курганах. В двух погребениях кимакского вре- мени зафиксированы остатки колчанов со стрелами (Самашев, 1983, с. 444; Самашев, Арсланова, 1984, с. 465) и портунейскими принадлеж- ностями. Хорошо сохранился экземпляр из кургана 6 Бобровского мо- гильника (Арсланова, 1963, с. 78). Такие колчаны характерны и для кыргызских памятников (Худяков, 1980а, с. 112—117). Остатки колча- нов, найденные в погребениях, датируются в пределах VIII—X вв. н. э. Этим временем, видимо, датируются и изображения пеших лучников с колчанами из окрестностей с. Никитинка.

Изображения наступательного оружия зафиксированы практически во всем ареале обитания древнетюркских народов, что хорошо согла- суется с находками в курганах этого времени.

Экипировка средневекового конного и пешего воина включает бое- вое наголовье и доспех (Худяков, 1980а, с. 181—130; Кириичников, 1976, с. 29—43). Изображения шлемов, представленные в основном в Тамгалы, Ой-Джайляу, Теректы и Сарыбулак (Медоев, 1979, рис. 55, 59), несмотря на аморфность, дают возможность в совокупности с дру- гими данными судить об их формах. Шлемы всадников в петроглифах Семиречья и Таласского Алатау сфероконические, в ряде случаев увен- чаны плюмажем (см. рис. 181). Как плюмаж можно, наверное, трактов- вать наверхия в виде развилки на шлемах пеших воинов из долины Теректы Юго-Западного Прибалхашья (Медоев, 1979, рис. 55), сулек- ских и прибайкальских всадников (Асеев, 1980, с. 103). Шлемы некото- рых конных воинов из долины р. Теректы и ур. Тамгалы имеют по бо- кам «рога». Рогатые шлемы известны с древнейших времен и, видимо, на всем протяжении бытования «рога» совмещали защитные и иные (возможно, семантические) функции. К типу рогатых шлемов относятся и хархадские (Новгородова, 1984, с. 132) из Монголии. Шлем конного

182. Средневековый звериный стиль: 1 — Тулькуне (Черников, 1947); 2 — Кызыл-У, Алтай (Кадиков, Скрипкин, 1980); 3 — Узунтал; Горный Алтай (Савинов, 1982); 4 — Кудыргэ Алтай (Гаврилова, 1965); 5 — окрестности с. Улаган, Алтай (Кубарев, 1984); 12 — Верхнечирюртовский могильник (Магомедов, 1975)

гообразные изображения горных козлов на стелах выделяются специфической трактовкой рога, головы, шеи, корпуса, хвоста и ног. С ним может быть сопоставлено лишь изображение козла из ур. Сагыр (рис. 32). Схематически выполненные фигуры горных козлов из местностей с. Никитинка, датируемые, по другим данным, эпохой раннего средневековья, отличаются многими стилистическими элементами каганских тамг» на поминальных стелах. Такие рисунки встречаются на обычных тюркских стелах (не только каганских), на предметах

из Тувы и Алтая (Грач, 1968, с. 209, рис. 3; Кубарев, 1979, с. 143, рис. 9, с. 160). Вероятно, к «чуруктук-кырланским» нужно отнести именно схематические изображения, которые часто встречаются на рядовых поминальных стелах, сосудах, на скалах, отделив их от «каганских», имеющих специфические стилистические особенности.

К раннему средневековью, по-видимому, относится изображение коня из Тулькуне (Черников, 1947, с. 255, рис. 3), выполненное резной техникой. Он показан с раскинутыми в стремительном беге ногами (рис. 182, 1). Такая манера передачи позы животных и резная техника характерны для искусства эпохи раннего средневековья (Савинов, 1982, с. 110, рис. 7). Данный стиль зародился, вероятно, на завершающем этапе эпохи ранних кочевников, в гунно-сарматское время, и получил широкое распространение в раннем средневековье. В указанные периоды в таком стиле гравировались в основном изделия прикладного характера, выполненные в металле, кости и дереве, с ограниченным для рисования пространством. Великолепные образцы животных, изображенных в стремительном беге, известны по Сулекской и другим писаницам.

Таким образом, наскальные изображения Восточного Казахстана охватывают огромный хронологический диапазон — от неолита-энеолита до раннего средневековья. Рисунки эпох неолита-энеолита и бронзы в Восточном Казахстане выделены впервые. Неолитический возраст отдельных изображений отнюдь не бесспорен и не имеет широкой источниковой базы. Петроглифы эпохи бронзы разделены нами на ранние и поздние. В конце II — начале I тыс. до н. э., судя по материалам, происходил бурный расцвет наскального изобразительного творчества. В это время складывались наиболее существенные элементы сакского звериного стиля в Восточном Казахстане и на прилегающих к нему территориях. Этот период можно условно назвать «простосакским».

Гравюры эпохи раннего средневековья легко распознаются благодаря изображениям конных воинов с различными реалиями и атрибутами.

Наскальные изображения, рассмотренные нами, иллюстрируют наиболее кульминационные эпохи многовековой истории племен Верхнего Прииртышья.

Ф

Глава IV

СЕМАНТИКА. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Интерпретация наскальных изображений является заключительным и наиболее ответственным этапом в изучении этого вида исторического источника. Сложность проблемы главным образом обусловлена недостаточностью наших знаний о духовной жизни древних людей (Шер, 1980, с. 258), а также тем, что попытка реконструировать иные стороны мировоззрения и идеологии древних народов по их изображениям предполагает в первую очередь «перевод с языка зрительных образов на язык словесных сообщений» (Шер, 1980, с. 258), что не всегда может быть адекватным. При такой «перекодировке» (безусловно, происходит «разночтение» между исходными понятиями — образами, метафорами), заложенными в «изобразительном тексте», индивидуальным пониманием (восприятием) этого текста различными исследователями независимо от их интеллектуального уровня. Это объясняется также семиотической неоднородностью самого древнего искусства (будь то изобразительный, письменный, реальный, акциональный или вербальный)¹. Тем не менее достигнуты большие успехи в изучении семантических аспектов наскальных изображений (Равдоникас, Ливневский, 1939; Окладников, 1951; Окладников, Мартынов, 1972; Шер, 1971; Савватеев, 1970; Дэвлет, 1976а, б, 1980; Шер, 1980 и др.).

В этой связи Ю. М. Лотман пишет: «Как можно предположить исторически, вначале на естественном языке было первичным, затем следовало превращение в ритуализованную формулу, закодированную каким-либо вторичным языком, т. е. в формулу. Следующим этапом явилось соединение каких-либо формул в текст второго уровня. Особый структурный смысл получали такие случаи, когда соединялись тексты принципиально различных языков, например, словесная формула и ритуальный жест. В результате текст второго порядка включал в себя расположенные на иерархическом уровне подтексты на разных и взаимно не выводимых друг из друга языках. Возникновение текстов типа «ритуал», «обряд», «действие» приводило к возникновению принципиально различных типов семиозиса и в результате к возникновению проблем перекодировки, эквивалентности, сдвигов в точках зрения, соамещенности «голосов» в едином текстовом целом» (Лотман, 1981а, с. 4, 7).
В свете сказанного текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, информационно-генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности (Лотман, 1981б, с. 7).

Резкое увеличение объема фактического материала по наскальным изображениям ряда регионов нашей страны позволяет сейчас решительно перейти к его осмыслению и разработке теоретико-методологических и методических проблем петроглифики.

С учетом опыта своих предшественников и в соответствии с хронологической последовательностью мы выделили несколько групп основных проблем, своего рода семантических блоков и, используя данные мифологии, этнографии, этноса и шаманства индоевропейских и тюрко-монгольских народов, попытались раскрыть их смысл и назначение.

Представления о пространстве и времени. Проблема представлений о пространстве и времени в мифологическом мышлении древних людей чрезвычайно сложна, ибо разрабатывается на стыке гуманитарных и естественных наук (см., например; Лосев, 1957; Стеблин-Каменский, 1976; с. 31—57; Рожанский, 1979, с. 115—264; Ахундов, 1982; Топоров, 1983, с. 227—284, 298—300; Акишев, 1984; Антонова, 1984, с. 59—82; Жуковская, 1986, с. 118—134). Мы же попытаемся составить некоторое представление о структуре мировоззрения древних жителей, оставивших эти памятники, на основе анализа писаниц грота Акбаур и сюжетов наскальных изображений.

Думается, что сама сопка Акбаур, имеющая пирамидальную форму с прямоугольной основой, ориентированная углами по сторонам и возвышающаяся среди относительно ровной поверхности (рис. 183),

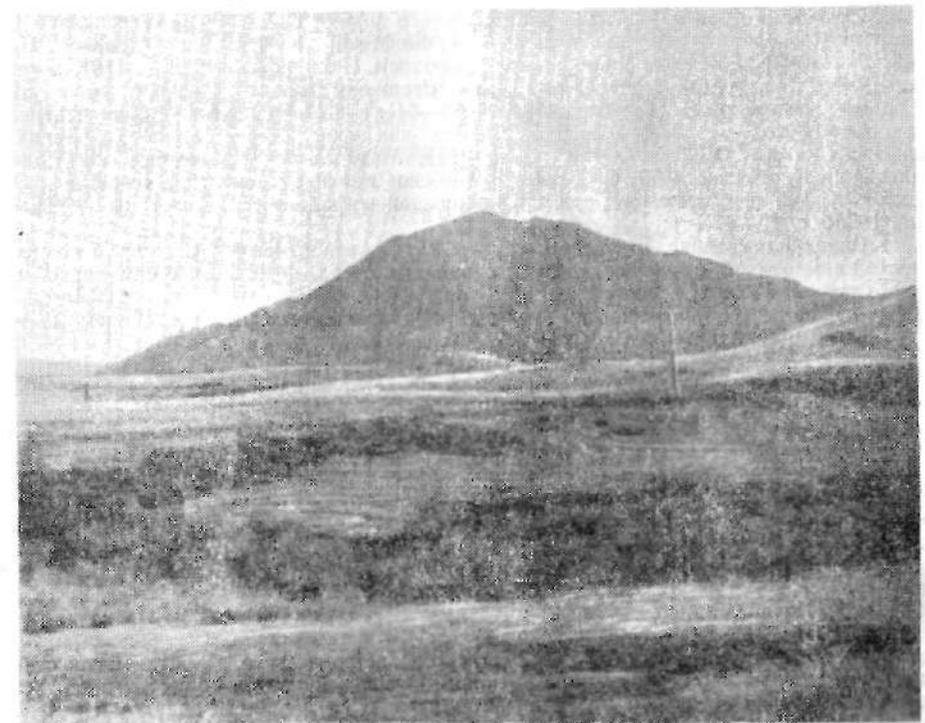

Рис. 183. Сопка Акбаур

могла ассоциироваться в мифологическом мышлении древнего человека с центром упорядоченного мира², изначальным космическим холмом (Кёйпер, 1986, с. 122), мировой горой (Акишев, 1984, с. 22 и др.) и в соответствии с принципами бинарной символической классификации (Ревзин, 1971, с. 334; Золотарев, 1964; Леви-Стросс, 1983; Алексеев, 1976, с. 40—46), характерной для архаических обществ, противопоставляться «периферии», остальному, «чужому», миру (Иванов, Топоров, 1965, с. 63—184; Иванов, 1978, с. 84—101)³.

Грот расположен у подножия сонки, с ее южной стороны (см. рис. 4). Чтобы войти в него, нужно подняться на 5—6 м по ступенчатым кладкам гранита⁴. Самой природой грот как бы предназначался для своеобразного храма-святилища, где люди могли совершать обрядовые⁵ действия, связанные с какими-то празднествами⁶. Древнего человека несомненно привлекала юртообразная (ближе к конусовидной форма

² Согласно В. П. Топорову, «для мифопоэтического взгляда характерно признание гомогенности пространства и времени. Высшей ценностью (максимум сакральности) обладает та точка в пространстве и времени, где и когда совершился акт творения, т. е. центр мира, место, где проходит *axis mundi*, кратчайшим образом связывающая землю и человека с небом и творцом, и «в начале, время творения... «Центр мира» совпадает с центром ряда вписанных друг в друга сакральных объектов — космоса, земца, города, храма, алтаря и т. п. В этом смысле все эти объекты изоморфны друг другу и изофункциональны» (1973, с. 114—115).

³ Представления древнего человека о пространстве расширялись по мере хозяйственного освоения мира и развития рационального знания о нем, но первоначально как центр мира мыслились жилища, поселения (Тимофеева, 1980, с. 89; Антонова, 1984, с. 66). Например, в античной Греции города-полисы (Рожанский, 1979, с. 116), в средневековой Европе усадьба, двор, поселение отражали представление о замкнутом, локализованном космосе (Гуревич, 1972, с. 43—44), а в Иране той же эпохи центральная площадь города (базар) воспринималась как «символ космического порядка и живалет мира» (Шукуров, 1983, с. 94—97). Мандала представлялась как модель вселенной (Жуковская, 1977, с. 56). Семантическое противопоставление «своего» и «чужого» характерно, в частности, для скандинавской мифологической системы (Мелетинский, 19756, с. 40—41).

⁴ Складки-ступеньки, ведущие к гроту, также, вероятно, связывались с космологической символикой, с «представлением о подъеме вверх, на небо, и с символикой мирового дерева» (Акишев, Акишев, 1981, с. 148). В частности, изображения лестницы на бубнах сибирских шаманов интерпретируются как «приспособление», по которому шаман поднимается в верхний мир во время камлания. Роль лестницы в верхний мир выполняло дерево — туру у эвенкийских шаманов (Анисимов, 1952, с. 202). Ступеньки буддийских ступ также связаны с аналогичными представлениями (Литвинский, Зеймаль, 1982, с. 164—186).

В китайском космогоническом мифе один из первопредков Фу-Си поднимался на небо и спускался на землю по лестнице в виде гор и деревьев (Юань-Кэ, 1972, с. 53). З качестве типологического примера можно привести также обряд посвящения шаманок у аруканцев Южной Америки, во время которого одна из шаманок поднимается по лестнице длиной в 3 м, специально подготовленной для этого (Иванов, 1974, с. 85—87. См. также: Штернберг, 1936, с. 122—123).

⁵ Термин «обряд» используется нами в том же смысле, что и в работах С. М. Толстой (1982, с. 73), Н. И. Толстова (1982, с. 57—58), Е. М. Мелетинского (1976а, с. 26), Б. В. Иванова (1979, с. 60—63) и К. С. Сарингуляна (1981, с. 24).

⁶ М. М. Бахтин писал, что «в основе его лежит определенная и конкретная концепция. При этом празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении» (1965, с. 11—12. См. также: Топоров, 1973, с. 115).

грота с круглым отверстием на сводчатом потолке (см. рис. 5). Естественное углубление в скале ассоциировалось с организованным пространством юртообразного жилища (шалаша, чума) и, соответственно, воспринималось как «модель мира», макро- и микрокосм. Это «святилище», похожее по форме на реальное жилище стационарного (или мобильного) типа и организованное в пространстве в соответствии с представлениями о космическом порядке (с вертикальной и горизонтальной структурами), осмысливалось как центр, на периферии которого располагалась остальная мир⁷, и при таком допущении могло играть роль сакрального⁸. Особенно почиталась, наверно, его северная стена, напротив входа, являющаяся своеобразным иконостасом, где красной охрой были нанесены символы-идеограммы. Правая и левая части грота, вероятно, соотносились со сторонами света и играли существенную роль в системе противопоставлений⁹ как «характеристики, приуроченные к пространственным отношениям» (Иванов, Топоров, 1965, с. 64). Круглое отверстие в своде могло ассоциироваться с мировой Горой-Небом и, надо полагать, также имело сакральное значение. Через него проникали солнечные лучи и плавное скользили по поверхности камня с рисунками, «полям изображения» (Шаширо, 1972, с. 136—163). Вполне вероятно, что символические знаки на северной стене (и частично под потолком) нанесены с учетом эффекта, иллюзии оживления», создающейся при попадании концентрированных лучей солнца через верхнее отверстие. Лучи попадали сначала на заднюю стенку и в течение светового дня постепенно перемещались с запада на восток. При закате солнца освещались рисунки, расположенные справа под потолком. Таким образом, можно допустить, что знаки «читались» подобно бустрофедону слева направо и наоборот по мере попадания на них лучей солнца. Не исключено, что проникновение ярких лучей солнца через отверстие ассоциировалось с космическим актом творения.

Интересно, что стационарные и мобильные жилища и некоторые культовые сооружения народов Азии с аналогичным уровнем организации пространства несут одинаковую семантическую нагрузку, т. е. в основе имеют отчетливо выраженную космологическую символику (Жуковская, 1977, с. 55—56; Лелеков, 1976, с. 7—16; Пюрвеев, 1979, с. 27—30; 1980, с. 174—177; Фатиков, 1980, с. 178—180; Викторова, 1980, с. 48—60; Ибраев, 1980, с. 40—44; Басаева, 1984, с. 115—116 и др.). Юрты тюркских и монгольских народов, снаружи представляя собой купольный или конический монолит, по вертикали членились на купол (кровля), цилиндр основного объема (Уразбаева, Лв, 1980, с. 45) и верхний круг, укрепленный крестообразно расположенными дугами, т. е.

⁷ В мифологическом сознании «любые сооружения имели черты космологического «символизма» (Лелеков, 1976, с. 15).

⁸ Для мифопоэтического мировоззрения «существенно, реально лишь то, что сакрализовано, а сакрализовано лишь то, что составляет часть космоса, выводимого из него, причастно к нему. Только в сакрализованном мире известны правила его организации, относящиеся к структуре пространства и времени» (Топоров, 1973, с. 114).

⁹ Противопоставления правый — левый, например, отражены в структуре святилищ у балтийских славян. Они семантически связаны также с другими бинарными оппозициями (Иванов, Топоров, 1965, с. 95; 1974, с. 259—305).

носились с вертикально организованной трехчастной структурой а, мировым деревом, соединяющим три сферы мифологической плоской.

В структуре свода (круга с вписанным крестом) юрты усматривают как вертикальная, так и горизонтальная (тетрадная) модель космоса. Внутренняя планировка юрты помимо функционального имеет волевое деление на правую (женскую), левую (мужскую) части и центральное место напротив входа, где ставили предметы ритуального назначения (Шюрвев, 1980, с. 176). Геометрический центр юрты раньше занимал очаг, жизненно необходимая функция которого отождествлялась с ритуально-магической функцией священного огня.

Конические чумы сибирских народов имеют также в своей основе мифологическую символику и четкое деление на мужскую и женскую части, а также очаг в центре, символизовавший единство, душу общины, ее благополучие, жизнь и рождение (Анисимов, 1952, с. 212—213). Юрта грота Акбаур в мифопоэтическом сознании древнего человека могла восприниматься как космическая модель с совмещенными вертикальной и горизонтальной структурами.

Мы допускаем, что непосредственно в гроте и на подковообразной площадке около него совершались обрядовые действия, связанные с каким-то сезонными или другими праздниками. Эти действия и их мотивы, разумеется, могут быть реконструированы пока чисто гипотетически, но ключом к пониманию содержания этих обрядов является, на мое мнение, анализ формы грота с космогонических позиций и расшифровка смысла самих писаниц. Кроме того, методически и методологически оправданным можно считать использование для этих целей материалов по евразийскому, в частности сибирскому, шаманству. В этом отношении особый интерес представляют комплексы сооружений танского чума у эвенков и обряд, совершаемый в нем (Анисимов, 2, с. 199—238).

Конусовидный шаманский чум (со светодымовым отверстием, с тем на полу) аналогичен жилищам, изображенным в акбаурском гроте. С восточной и западной сторон к нему примыкает галерея из пиленцев (дэрпэ и онанг) и изображения духов-помощников — стражей. К дэрпэ сторон приставлены деревья корнями вверх (нэлгэм)¹⁰, а онанг — корнями вниз. Весь комплекс символизировал три сферы мироздания в горизонтальной проекции: дэрпэ — верхний, чум — средний, онанг — нижний миры. В вертикальном срезе чум также символизировал средний мир «как шаманский остров на середине мифической реки, верховье которой находится будто бы в верхнем мире (ту, среднее течение проходит по земле — дулю (среднему миру), а ее — в нижнем мире — хэргу» (Анисимов, 1952, с. 204). Через верхнее отверстие чума ставили лиственницу — туру, нижний конец которой уходил возле очага. Туру символизировал шаманскую лестницу в

¹⁰ В религиозно-культурной практике многих сибирских и других народов, а также в различных мифологических системах древних эпох встречаются образцы мирового дерева с корнями вверх (Штернберг, 1936, с. 124, рис. 5; Семяка, 1971, с. 98). Они упоминаются и в Упанишадах.

верхний мир, одновременно шаманское мировое дерево и своеобразный медиатор между верхом и низом (Анисимов, 1952, с. 202—203; Штернберг, 1936, с. 122—124). В комплексе сооружений шаманского чума помимо дэрпэ и онанг, включены зооантропоморфные изображения — марыля — стражи миров, вселенной. Они охраняли территорию рода от зловредных чужих духов как основные помощники шамана, выступающего в данном случае в роли идеолога, вождя и покровителя данного человеческого коллектива (соцнума), живущего здесь и противопоставившего «себя» «чужому».

Представления о стражах мира, его четырех сторон, характерны для индоиранской и других мифологических систем (Акишев, 1984, с. 18—23, 47—50). В частности, по текстам брахман четыре стража мира локапала являются и хозяевами — хранителями стран света: Востока — Агни, Запада — Варуна, Юга — Яма, Севера — Сома и т. д. (Семяка, 1968, с. 137—147; 1971, с. 93—119; Посова, 1985, с. 140)¹¹. С такими представлениями в семантической связи находятся, видимо, оппозиции «свое — чужое», восток (дэрпэ) — запад (онанг), верх — низ, мужское — женское и т. д. в эвенкийском шаманизме, причем, по данным А. Ф. Анисимова, восток символизировал верховья мифической «мировой» реки, жизнь, верхний мир, мужское, а запад — наоборот. Сакральное значение востока в семантических оппозициях характерно и для индоиранской мифологии (Акишев, 1984, с. 90).

Таким образом, комплекс шаманского чума у эвенков функционально, структурно и по своей «космологической» символике сопоставим с акбаурским гротом. Возможно, вокруг грота Акбаур во время мистерийных церемоний сооружались дополнительные приспособления типа эвенкийских.

Шаманские обрядовые действия, происходившие в этом комплексе, довольно сложные и делятся на несколько самостоятельных этапов, начиная с постройки сооружений, изготовления фигур духов-стражей, других подготовительных мероприятий и кончая всеобщим пиршеством. Сама мистерия происходила возле чума и в нем, где горел в очаге священный огонь, в присутствии членов общины, при их активном участии в этих действиях.

Хотя действия шамана направлены только на изгнание из тела больного вредоносного духа, он здесь выступает в качестве единственного «властелина» (кстати, облаченного короной с оленьими рогами), в распоряжении которого находились души не только всех его соратников, их благополучие и процветание, жизнь, но и всех зверей и птиц, обитающих в пределах «шаманской ойкумены», локуса. В данной ситуации он выступает в роли антропоморфного подобия космоса (его экипировка также воспроизводит мифологическую вселенную), центра мира.

¹¹ Е. С. Семяка пишет, что в «мифологических системах всех основных мировых центров цивилизации существует соотношение каждой из сторон света (четыре или восемь, т. е. четырех основных и четырех промежуточных) с особыми существами — сторожами света, которые могут быть либо богами в антропоморфном образе, либо обожествленными животными, либо комбинациями тех и других: богами на животных» (1971, с. 92).

едиатора, культурного героя и организатора (восстановителя) космоса путем преодоления хаоса (возникшего в результате происков «чужих», враждебных духов) во время ритуала, т. е. совершает своего рода космогонический акт, обеспечивающий сакральную безопасность.

Интерес представляют кровавая жертва в честь верховных божеств, имволическое посядание сердца жертвенного животного, и особенно различные манипуляции его кровью, а также «плавающие» шамана по физической реке, являющейся медиатором трех сфер мироздания. Вероятно, нечто подобное происходило (время от времени) и в акбаурском роте (и около него) с участием шамана или жреца. Несомненно, что идеология шаманизма и шаманская обрядность в трансформированном виде впитали многие черты, характерные для более архаических эпох.

Жертвоприношение быка. В наскальных изображениях Казахстана широко распространен мотив дикого быка — тура. Многочисленные находки костных остатков в культурных слоях поселений и погребениях совокупности с наскальными изображениями позволяют судить о существовании некогда развитого культа быка и связанных с ним различных обрядов. Известно, что у многих скотоводческих народов бык считался одним из священных жертвенных животных (Снесарев, 1969, с. 310; Грязнов, 1977, с. 80—88; Беленицкий, 1979, с. 88—94; Иванов, 1979, с. 11—21; Хлопин, 1981, с. 26—30; Антонова, 1984, с. 82—97; Ассон, 1981, с. 75—80, и др.).

Уникальной является композиция, в которой, по-видимому, запечатлен один из этапов сложного обряда жертвоприношения быка (см. рис. 3). На плоскости показаны четыре быка с длинными, вытянутыми вперед волнистыми рогами. Два из них передними ногами «топчут» поверженных людей (известно, что перевернутая поза означает смерть, а горизонтальное положение, возможно, в ряде случаев рапение), третий к поднял человека на рога, а четвертый уже опустил свою жертву на землю. В нижней части композиции показаны перевернутая фигура жителя и «рапеный» мужчина. Обращает на себя внимание такая деталь: области лопатки и крупа одного из быков художником показаны короткими вертикальными полосками. Вероятнее всего они означают обломки костей. По свидетельству М. П. Грязнова, охотники на быков со времен раннего палеолита почти до этнографической современности применяли не удачный прием, заключающийся в том, чтобы, пробив копытом лопку зверя, лишить его возможности бежать и обороняться (Грязнов, 1977, с. 81; Абрамова, 1979, с. 26, 30). В нашем случае, возможно, древним художником схвачен один из трагических эпизодов во время поимки жертвенных быков. Поразительно близкие в плане иконографии и стилистики линии аналогичны нашим рисункам имеются в памятниках криквенской культуры (II тыс. до н. э.), в настенных росписях Кносского дворца, тосканской и т. д. Особенно близки росписи на одном из помещений из Агис Триада, где запечатлен аналогичный эпизод неудачной охоты с быком (Грязнов, 1977, с. 86). Подобные сюжеты известны в наскальных изображениях Индии (Wanke, 1979/80, авт. 223—227).

Образ ряженого человека. Среди наскальных рисунков эпохи бронзы Восточного Казахстана встречаются фигуры ряженных антропоморф-

ных существ (см. рис. 78, 79, 169, 171, 172). Они во многом еще загадочны и вместе с тем чрезвычайно интересны. Ареал наскальных изображений ряженных (иногда зооантропоморфных и антропо-орнитоморфных) существ охватывает значительную территорию — от Центральных Кызылкумов (Оськин, 1976, с. 83—89) до Внутренней Монголии (Кашина, 1983, с. 77—85) и Байкала (Окладников, 1974, табл. 5—7); от Ферганского хребта (Шер, 1980, с. 105—113) до Горного Алтая (Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина, 1980, с. 129—130). Однако самые выдающиеся образцы, наиболее ярко отразившие религиозно-мифологическую концепцию их создателей, сосредоточены в таких святилищах, как Саймалы-Таш (Бернштам, 1952, с. 50—68; Помаскина, 1976; Шер, 1980) и Тамгалы (Максимова, 1958, с. 108—110; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985). Отсюда, видимо, распространяется на соседние зоны эта своеобразная «саймалыташско-тамгалинская» изобразительная традиция с определенным кругом образов и сюжетов, но на «периферии» она представлена в несколько ином, переработанном виде: чувствуется значительное отступление от сложившихся иконографических канонов.

Наиболее древние изображения людей в звериных масках и шкурах зафиксированы в верхнепалеолитических пещерах франко-кантабрийской области. Позже образ ряженных появляется в глиптике, литературе и других памятниках древнего Двуречья (Афанасьева, 1979). Среднеазиатские племена могли заимствовать этот сюжет и связанные с ним мифы из Передней Азии в конце III — первой половине II тыс. до н. э., хотя вполне возможно и независимое возникновение подобных образов на общей праиндоевропейской основе. Не исключается и конвергентное возникновение образов полиморфных существ в мифологии и искусстве древней Сибири и Центральной Азии на палеоазиатском субстрате.

Рассматриваемые изображения людей из обширного региона показаны, за редким исключением, с хвостами, часто в звериных или птичьих масках, иногда одетыми в костюмы из шкуры животных с зубчато-стриженной шерстью, реже — в особых прическах, в грибовидных и рогатых головных уборах. Изображения ряженных, находящиеся в композиционной и семантической связи с другими зооантропоморфными фигурами, знаками и предметами, образуют сюжеты, отображающие различные представления, ритуальные действия и т. д., которые можно объединить в единую «ритуально-мифологическую моделирующую систему» (Шер, 1980, с. 259—261), связанную с космогоническими представлениями, идеей жертвоприношения, культом плодородия, а также военной сферой, охотничье-промысловой деятельностью и т. д.

Большинство наскальных изображений ряженных людей наделено символами (солнечные знаки, колесницы) и вещественными (предметными) атрибутами — колесницей, жезлом, стрелом, оружием (лук, копьё, палица и палка?) (рис. 184). Иногда рядом с ряжеными изображены животные. Среди изображений ряженных встречаются образцы в козлиных масках и двурогих головных уборах.

Рассматривая проблему происхождения древнегреческой трагедии,

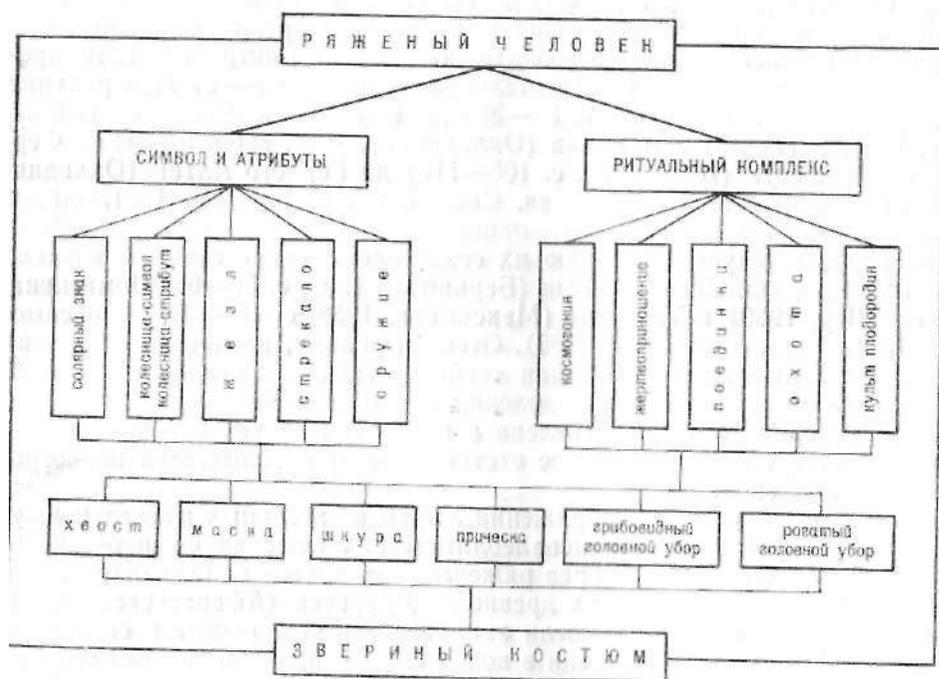

рис. 184. Схема изображений ряженого человека с символами, атрибутами и ритуальным комплексом

Н. Топоров подчеркивает особую роль образа козла в становлении ревногреческой драмы (1983, с. 95—118) и обосновывает мнение о ритуально-игровых истоках греческой трагедии, уходящих корнями к периоду индоевропейской общности. Для нас важно то, что в древнегреческих ритуалах, приуроченных к дionисийским празднествам, т. е. к сакрально отмеченному моменту, ряжеными в козла людьми (жрецами) совершались ритуальные действия, связанные с жертвоприношением козла в трагедии — это кульминация), расчленением, раздиранием его шкуры, подражанием ходьбе, его голосу (козление), подчеркиванием ушной сексуальной силы козла и т. д. Отчасти эти действия реконструируются данными лингвистики, а также мифологии и этнографии индоевропейских (в частности, славянских) и других народов¹².

Анализируемые нами сюжеты, несомненно, полисемантны. Но

¹² Судя по этнографическим данным, праздничные ритуалы ряжения в козлиные шкуры и рога практиковались и у народов Средней Азии. Так, в начале XX в. один из представителей оппозиционной ортодоксальному исламу секты в Хорезме, проповедовавший доисламские верования и обычаи, Абдукарим Сари «в дни праздников сайль санйль» ходил, накинув на себя козлиную шкуру и укрепив на голове козлиные рога); таком виде он бродил среди толпы, обличая мусульманское духовенство (Снесарев, 1969, с. 33).

все они связаны, видимо, с такими общечеловеческими универсалиями, как ритуал жертвоприношения, приуроченный к каким-то календарно-вегетативным циклам, культ плодородия, смерть и возрождение (как бинарные противоположности).

В окрестностях с. Курчум нами обнаружен камень с изображением эротической сцены. Фигуры людей на плоскости расположены по отношению друг к другу перпендикулярно — женщина сидит на корточках, руки покоятся на коленях, а хвостатый мужчина — лежит горизонтально. Головные уборы обоих трактованы в виде «звериной маски» (см. рис. 111, 3). В этом же комплексе выявлена вторая такая сцена, взаимосвязанная с фигурами двух козлов и мужчины, выбитыми рядом (см. рис. 104; 114, 1).

Наиболее близкие семантические и иконографические параллели рассматриваемым рисункам имеются в петроглифах Тамгалы (см. рис. 171, 172), Хавцгайт (см. рис. 110, 5, 7; 169, 1—3), Саган-Забы (см. рис. 169, 6, 7) и т. д. Сходная по тематике композиция с участием козлиноголовых антропоморфных существ зафиксирована и в петроглифах Саймалы-Таша (см. рис. 110, 6). Любопытно, что изображения мужчин в звериных масках иконографически ассоциируются с известной фигурой колдуна из верхнепалеолитической пещеры Труа Фрер, а также с полиморфными существами Комбарелля, Ля Марша, Луда и Тейжи.

В петроглифах Азии наиболее популярны изображения хвостатых воинов, вооруженных луками, палицами, копьями и другими видами оружия. Набор оружия демонстрирует паскальская сцена «военного танца» из ур. Арнаузен, где между двумя группами вооруженных палицами, чеканами и луками воинов помещена крупная фигура «жреца» (?) в маске и с «жезлом» в руке (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 127). Еще одна фигура ряженого воина, вооруженного копьем, происходит из Восточного Казахстана (см. рис. 79, 9). Близкие по трактовке изображения воинов известны во Внутренней Монголии (Кашина, 1983, с. 81), в Туве (Ортаа-Саргол). У этих антропоморфных фигур однотипные головные уборы, туловища переданы в фас, ноги согнуты в коленях и показаны сбоку. У ортаасаргольских фигур изображен, возможно, не хвост и не сумка или круглый кожаный сосуд для дурманящего настоя из мухоморов, как предполагает автор этих находок М. А. Дэвлет, (1980, с. 179—180), а палица (см. рис. 163, 9, 10).

Особенностью некоторых хвостатых фигур является передача кончиков хвоста в виде углублений-лунок с кисточкой. Большое количество глубоких лунок иногда окружают изображения хвостатых людей в сочетании с соляными символами. В этом отношении интересна композиция из ущелья Доланалы (Восточный Казахстан), в левой части которой изображено колесо с десятью спицами. В центре композиции находятся два хвостатых лучника с согнутыми в коленях ногами. Такая поза характерна для большинства изображений анализируемых сюжетов. Луками-углублениями (вероятно, являющимися символами небесных светил) заканчиваются хвосты лучников и жертвенных «лунорогих» быков в петроглифах Елангаша (Окладников, Окладникова, Запорожская,

Скорыгина, 1979, с. 125). В подобных композиционных ситуациях можно видеть отражение наиболее древних космогонических представлений и связанного с ними культа небесного быка (или коня), широко распространенных в мифологии раннеземледельческих племен и древних скотоводов Евразии. Из этнографических параллелей, иллюстрирующих сущность таких явлений, отметим ритуал заклания быка светлой масти в дни календарных праздников (например, праздник отрезания хвоста и раздирания быка) у некоторых народов Восточной и Юго-Восточной Азии и праздник пляски Солнца у североамериканских индейцев, где участники мистерии надевают накидки из шкуры бизона с хвостами (Стратанович, 1970, с. 189—205; Соколова, 1972, с. 57).

Фигуры хвостатых людей размещаются обычно парами и группами. Парные фигуры всегда показаны в профиль, лицом к лицу, с поднятыми руками, согнутыми в коленях ногами. Такая канонизированная поза ряженных характерна в основном для петроглифов Саймалы-Таша и Тамгама. Существенно, что почти во всех случаях руки у них постепенно расширяются от локтя к кисти, напоминая дубинкообразный предмет (см. рис. 171). Возможно, что это деталь ритуально-обрядового костюма или же какой-то астральный символ. Второе предположение подкрепляется тем, что парные, групповые фигуры ряженных часто сопутствуют изображениям «солнцеликих божеств».

Загадочными представляются изображения ряженных с предметом, один конец которого заканчивается дугой (см. рис. 172). Ответы на простейшие вопросы: кого и зачем изображали? что за предмет в руках ряженных? — вряд ли могут быть однозначными. Можно предположить, что здесь изображен жезл — сакрально-магический атрибут жреца (или шамана), наделенного, возможно, особыми религиозными полномочиями. Жезл, символизирующий небесное светило (его движение?), мог использоваться в исключительно важных религиозно-магических обрядах, приуроченных к календарным событиям солярного цикла, связанным с культом плодородия. На это будто бы указывает наличие рядом с ряженными существами изображений различных солярных символов, «солнцеликих божеств» и эротических сцен. В то же время синкретический образ человека-животного (в ряде случаев с орнитоморфными чертами) с символом солнца в руках мог представлять собой своеобразную модель мироздания.

Любопытно, что аналогичной формы жезлы как символы царской власти были в Древнем Египте, Месопотамии (Дьяконов, 1983б, с. 57, рис. 84), Анатолии (Ардзинба, 1982, с. 50—51, рис. 3, 4; Маккуин, 1983, с. 132, рис. 41) и в Этрурии (Немировский, 1983, с. 192). С таким жезлом древние египтяне изображали мифического Осириса, соединившего в себе культы царя, умирающего и воскресающего бога природы, плодородия и небесных светил (Матье, 1956в с. 52—63, табл. XXI—XXIII, 27, 28)

Изображения хвостатых людей в грибовидных головных уборах широко распространены во времени и в пространстве. Н. Н. Диков считает их изображениями антропоморфных мухоморов. По его мнению, антропоморфно-грибовидные изображения отражают культ мухомора

как галлюциногенного средства, широко распространенного в мифологии и практике камлания шаманства у многих народов. Он допускает, что наскальные изображения мухоморов в Пегтымели могли выбивать с магической целью, чтобы вызвать обильный урожай в тундре (Диков, 1971, с. 60). Сходной точки зрения придерживается М. А. Дэвлет (1982б, с. 35). Как показали исследования В. Н. Топорова, гриб играет большую роль в ритуально-мифологических системах как универсальный классификатор различных оппозиций (Топоров, 1979, с. 236—237). Вслед за Р. Г. Уоссолом он отмечает имеющиеся связи между грибом и Сомой в различных мифологемах (Топоров, 1979, с. 280—297). Например, Сома — дитя Парджаньи, бога дождя, носителя грома и молнии. Сома связан с Громовержцем — Индрой, изофункционален мировому дереву. Как и грибы, Сома символизирует плодородие, процветание (Топоров, 1979, с. 290).

Несомненно, изображения людей в грибовидных головных уборах заслуживают в дальнейшем детального анализа с точки зрения особой роли грибов как универсальных классификаторов в различных ритуально-мифологических системах. Что касается анализируемых нами изображений, то они рассматриваются как антропоморфные фигуры в особых головных уборах. Грибовидные головные уборы — элемент ритуально-обрядового костюма. Трудно сейчас сказать: уподобляются ли они грибу, фаллосу или луне?

«Чудесная» упряжка. Так назвал Я. А. Шер сюжеты некоторых петроглифов Саймалы-Таша с разными животными, впряженными в одну повозку (Шер, 1978, с. 163—171; 1980, с. 281—287), и сравнил их с древними языковыми и изобразительными текстами, которые содержат сходные сюжеты. К кругу подобных мы относим композицию из Мойнака, где показаны во взаимосвязи два козла, впряженные в повозку (или колесницу), или момент, когда человек запрягает козлов, два знака в виде круглых пятен, соединенных прямыми линиями («гантели»), человек, лошадь (собака?), два козла (см. рис. 92). Ситуация, запечатленная здесь, позволяет обратиться к материалам ведийской мифологии и сравнить ее, в частности, с образом Пушана. Важнейшими атрибутами ведийского Пушана являются запряженная козлами колесница и козел. Тесная связь Пушана с образом козла подчеркивается и его внешним видом — волосатость, взлохмаченные волосы. В ритуалах ему отводится в качестве жертвенной доли козлов. Все эти особенности Пушана сближают его с литовским Перкунасом, германо-скандинавским Тором, древнегреческим Паном, славянским Перуном, образы которых имеют общендоевропейские истоки.

Пушан — покровитель пути, связывающий две точки пространства — небо и землю (верх и низ); он первоначально рожден на небе (на высоте), вторично — на земле (в глубине). В ведийской космологии небо и земля обозначены в виде двух колес — на разных концах оси (Топоров, 1964, с. 107). Возможно, два знака в виде «гантелей» из Мойнака обозначают две точки мифологического пространства — верх и низ, между которыми лежит путь Пушана на колеснице, везомой двумя козлами (Огибенин, 1968, с. 70—76). Две фигуры горных козлов

на в перевернутом положении) в композиции могут быть трактованы атрибут и жертвенная доля Пушана, а лошадь (собака?) — как двоиприношение богу солнца. Некоторые иконографические (и семантические) параллели нашей упряжке трактуются как мифологические сеты (Макимова, 1956, с. 233—234; Шер, 1980, с. 281—287; Евсюков, Комиссаров, 1985, с. 93—94).

С описанными представлениями, видимо, связаны изображения тиков на козлах. Одна такая сцена зафиксирована в окрестностях Ленинка Уланского района (см. рис. 17, 5). Аналогичные мотивы известны и в других регионах (Куликова, 1981, с. 107). Типологические аллели подобным сюжетам можно найти в мифологии евразийского гайства. В частности, шаман туркмен текленов во время камлания евал на козла седло и ездил на нем по юрте. Некоторые казахские таны во время сеанса вскакивали на коня в погоне за злыми духами. Иногда в качестве чудесного коня у шамана выступали музыкальные инструменты. Эти действия связаны с представлениями о поездке гана в иной мир на чудесном коне (Басилов, 1973, с. 9—10).

«Священный брак». Так можно назвать ряд сцен, где представлены гины и женщины в эротических позах (см. рис. 101, 110, 111). В мифотическом сознании такие ситуации символизируют брак земли и неба, небесных светил (солнца и луны), периодические явления природы (дождь, гром), в целом космогонический акт творения. В Ригведе к небесным светилам — солнцу и луне отождествлен с браком Сурья (Сурья) и Сома (луна), тесно связанных с Ашвинами и Пушаном (РВ, 5, 26). Небо и земля здесь выступают в роли отца и матери, дарующих жизнь, благо, успех, добычу и богатство (РВ, VI, 70, 6). Иногда имеют зооморфные ипостаси, например, небо — бык-оплодотворитель, или жеребец (РВ, 1972, с. 339).

Эротическая сцена из Курчума (см. рис. 104), рядом с которой изображены два козла и мужская фигура (композиционно и семантически связанные с нею), вероятно, отражают эту мифологему, имеющую широкое общечеловеческое происхождение. Если в Чатал-Гююке, на Енисее и в других регионах эротизированные персонажи встречаются в сочетании с фигурами быков, а на Байкале — с изображением лося или оленя, то в нашем случае — с козлами. Последние, как известно, в мифологии выступают как символы исключительной сексуальности и плодородия и являются атрибутами различных божеств (Окладников, Запорожская, 1970, с. 146—153).

Весьма любопытная иконографическая и семантическая параллель известным сценам из Восточного Казахстана обнаруживается на печатке Архангелского Ура (см. рис. 111, 1). Здесь также показаны в эротическом действии женщина (она сидит на корточках, с опущенными руками) и мужчина в горизонтальном положении (Дьяконов, 1983а, с. 179). И. М. Дьяконов видит в этой сцене обряд «священного брачного союза» или жрицы с верховным божеством. Такие обряды в древнем мире были связаны, как он полагает, с мифами о божествах плодородия, служили магическим средством обеспечения изобилия в общине. Участники данного обряда надевали на головы бычьи и коровьи

маски (Дьяконов, 1983а, с. 178). Чрезвычайно широк круг этнографических параллелей древним культам плодородия (Афанасьев, 1982, с. 52—60; Окладников, Запорожская, 1970, с. 93—153; Сатлаев, 1971, с. 130—139; Богаевский 1934, с. 34—72; Рыбаков, 1981; Симмаков, 1984, с. 120—121; Токарев, 1983а, с. 98—105 и др.).

Конь у мирового дерева. Многофигурная композиция из Курчума, где запечатлены четыре коня, попарно привязанные к двум коновязям, как отмечалось, двухслойная (см. рис. 167). Анализируемый сюжет, очевидно, появился на плоскости позже изображений верблюдов, быков (?), людей солярного знака и других, по последние «вписались» в контекст мифа об обряде жертвоприношения коня у мирового дерева. Поэтому вся композиция представляется как единое целое, в котором отражен ритуал жертвоприношения коня, имеющий, как отмечают исследователи, древние индоевропейские истоки (Иванов, 1974, с. 75—138).

У индоариев существовал сложный обряд жертвоприношения коня у мирового дерева — ашвамедха, зафиксированный в ведических произведениях — Ригведе, Яджурведе, а также в более поздних текстах (Махабхарата).

За год до ашвамедхи из табуна выпускали на волю белого жеребца в сопровождении войска из 300 принцев крови, 100 благородных, 100 сыновей чиновников высшего ранга и 100 низшего. Во время похода происходили празднества, жертвоприношения богу солнца. По возвращении из странствия, ровно через год в день равноденствия или солнцестояния¹⁵ жеребца случали с кобылицей и приносили в жертву в особом сооружении с алтарем и столбом, увенчанным колесом — символом солнца. Перед этим коня купали, царяжали и натирали благовониями три царские жены, а затем, привязанного к столбу, торжественно удушали. После этого первая жена царя вступала с жеребцом в символический брак. Затем происходила церемония разделения коня на три части, погребения этих частей и принесения в жертву собаки, быков и большого количества лошадей, число которых имело символическое значение. Церемония заканчивалась окроплением алтаря кровью жертвенного животного и всеобщим пиршеством (Кузьмина, 1977, с. 37—39). Таким образом, жертвоприношение белого жеребца — тваштра (т. е. мирового коня, по Ригведе) богу неба, возжигание священного огня у столба — символа мировой оси, мирового дерева, а также другие действия церемонии подчеркивали космологический характер этого обряда. Спаривание жеребца перед жертвоприношением, символическое совокупление с ним первой жены царя связаны с культом плодородия.

Археологические источники свидетельствуют о существовании ана-

¹⁵ В древней Индии праздники, связанные с жертвоприношением (судя по календарю протондийцев, позже унаследованному от них индоариями), приурочивались к дням новолуния и полнолуния, весеннего, летнего, осеннего и зимнего равноденствия и солнцестояния (Волчок, 1975, с. 16—51), поэтому трудно сказать, в какое время совершалась ашвамедха. Но, судя по тому, что в ней преобладает идея плодородия, возрождения и т. д., она относилась к обрядам весеннего цикла.

гичного обряда в Скифии (Раевский, 1977, с. 110—118; Клейн, 1984, 31—34; Переводчикова, Раевский, 1981, с. 42—52; Кузьмина, 1976б, 72—73; Бойко, 1984, с. 15—18; Бессонова, 1983, с. 47—49), на севере Ивказа (Балонов, 1984, с. 12—15). В Адыгее, в Ульском и Уляпском рганах обнаружены пятиугольные земляные платформы, перекрытые весами, опирающимися на столбы, поставленные до возведения всего оружия. Под навесом обнаружено большое количество скелетов кобы; зафиксировано совместное захоронение коня и человека, следы совместного жертвоприношения ребенка, коня и быка. Под полкой одного ргана обнаружено ритуальное захоронение пяти собак с отрубленными остами и конечностей жеребят (Балонов, 1984, с. 13—14). Налицо ожный обряд жертвоприношения коня, собаки, человека (?), сходный с древнеиндийской ашвамедхой.

Капища огня, связанные с жертвоприношением, известны и у сав Семиречья (Акишев, 1984, с. 96—97).

Об отражении в композиции из Курчума обряда жертвоприношения, подобного индоарийскому и скифскому, можно говорить лишь сле анализа ее компонентов и сопоставления их с семантическими ементами ритуального комплекса ашвамедхи.

В мифопоэтическом сознании вертикальный столб — коновязь соносился с основной концепцией мирового дерева — представлением о ичности мироздания по вертикали (Топоров, 1971, с. 9—62). Ковязь-столб (др.-инд. *aśvatīha* — «лошадина стоянка» или *aśva-yuṣa* — толб, к которому привязывают лошадь, предназначенную для жертв), являясь аллоэлементом трехчастного мирового дерева, с другой ороны, соотносился с жертвенным конем¹⁴, трехчастность которого дчеркивается в ашвамедхе отделением головы, туловища и хвоста . е. тех частей, которые представляли собой конкретные космологиские понятия) тремя царскими женами (соотносимыми, в свою очередь, с тремя сферами мироздания). При ашвамедхе, судя по гимнам гведы, к столбу, установленному на пятиугольной площадке, привязывали жертвенного коня. И эта жертва, осуществлявшаяся в сакрализованном микропространстве, «переносилась» богу солнца через коновязь-столб, прокладывающий путь между небом и землей (Иванов, 1974, с. 100—101). Такая коммуникативная функция жертвенного столба (и его семиотического эквивалента — жертвенного животного) в ведийской космологии прекрасно иллюстрирована в гимнах Ригведы: «О древо, связывающее привязью, ведн [жертвенное животное] под покровительство богов!» (РВ, X, 70, 10; Огибенин, 1968, с. 16—20).

Аналогичное значение имеют, очевидно, и изображения коновязей в Курчума. На наличие древних контактов индоевропейцев с народами редней и Центральной Азии и совпадение у них ряда мифологем и

¹⁴ В. В. Иванов обосновал тезис о замене первоначальной человеческой жертвы коновязью как эквивалента мирового дерева) конем, затем бараном и козлом (1974, 92—93, 101). Однако открытия в Адыгее, особенно последних лет, не исключают хранения практики человеческого жертвоприношения наряду с конем и другими животными у скифов при совершении обряда типа ашвамедхи (Балонов, 1984, с. 14).

ритуальных действий, связанных с конем у мирового дерева (Иванов, 1980, с. 666), указывает, в частности, этнография казахов¹⁵, хакасов и алтайцев. По одному казахскому астрально-космогоническому мифу, эквивалентом мирового столба является железный кол — Темир Казык (Полярная звезда), к которому привязаны Акбозат и Кокбозат, которых постоянно преследуют семь волков (Большая Медведица). Пронажа этих коней, являющихся воплощением стабильности космоса, может привести к наступлению дисгармонии, хаоса и, в конечном счете, к гибели мира (Потанин, 1883, с. 736; Афанасьев, 1982, с. 146—147). Представление о золотом коле с привязанным к нему конем и вбитом в небо во времена сотворения мира бытовало у хакасов (Бутанаев, 1975, с. 235—236)¹⁶. В алтайском шаманстве у золотой коновязи, ассоциирующейся с пятой небесной сферой, небесное божество Ульгень принимает жертву (трехлетнюю кобылицу светлой масти), принесенную в его честь в определенные трехлетние годовые циклы (Анохин, 1924, с. 11—12, 16).

Наконец, тесно связана с образом коня (букв. «конь Игга») широко известная скандинавская мифологема об Иггдрасиль — мировом дереве — ясье.

В курчумской композиции рядом с конями изображен круг — колесо с шестью спицами. При ашвамедхе над жертвенным столбом воздвигали колесо — символ солнца, что еще более усиливало сакральную связь ритуального сооружения и самого ритуала с божеством. Вероятно, число спиц в колесе несло сложную смысловую нагрузку. Судя по дешифровке протоиндийских надписей на бронзовых топорах, употреблявшихся при жертвоприношениях, знаковый блок, состоящий из удвоенного колеса с шестью спицами, означал, с одной стороны, двухколесную телегу, с другой — календарный праздник (солнцестояние) жертвоприношения (Гуров, 1975, с. 52—53). Тут нужно еще раз подчеркнуть упоминание индоарийцами протоиндийского календаря (Волчок, 1975, с. 18). Таким образом, можно предположить, что изображение колеса с шестью спицами символизировало солнце, колесницу и, кроме того, указывало на сезонность ритуала жертвоприношения.

Примечательно, что в нижней части курчумской композиции помещены фигуры двух противостоящих собак. Собака играла существенную роль в ритуале ашвамедхи. У индоиранцев и индоариев образ собаки связывался с хтоническими представлениями. При ашвамедхе представители трех нижних каст как предварительную жертву умерщвляли «четырёхглазую» (возможно, черную) собаку, символизировавшую враждебное могущество (Литвинский, 1981, с. 101; Раевский, 1977, с. 126). В Авесте собака связана с положительными характеристиками.

¹⁵ Столбы-коновязи возле могил умерших казахи ставили вплоть до недавнего времени. Очевидно, этот обычай имеет глубокие истоки, связанные с представлениями о жертвоприношении коня у мирового дерева. Вряд ли прав был С. С. Сорокин, определивший древнюю первоначальную семантику коновязи как «символа очага-дома, семьи, утверждающего право владельца на территорию, где она поставлена» (1978, с. 112—116; 1981, с. 32).

¹⁶ Известная типологическая близость мифологии Ригведы с мифологией евразийского шаманизма (Огибенин, 1968).

я по материалам Ульского кургана 10, при ашвамедхе в жертву носилось определенное количество собак (пять), причем в процессе входило отрубание им хвостов и ритуальное захоронение совместно: конечностями (шкура с конечностями) других животных (Балон 1984, с. 14). Отметим, что захоронение собаки зафиксировано и в эльфике Синташта (Генинг, 1977, с. 70).

Если наше предположение об отражении в курчумской композиции какого-то древнего ритуала типа ашвамедха (хотя это был царский ритуал) верно, то фигуры двух собак в нижней части ее, безусловно, не могут быть трактованы как изображения (символы) отмеченной выше предварительной жертвы.

Изучаемая композиция, вероятно, связана с определенной число-символикой: в нее заложены элементы числового кода, связанные характеристиками макро-микрокосма. Исследователи давно отметили триады выступают основным принципом моделирования вселенной ее по вертикали на три космические зоны. В ашвамедхе по убийству коня три царские жены трижды обходили его слева направо, затем трижды справа налево и снова трижды слева (Иванов, с. 95), т. е. в результате троекратного повторения триады образуются символическое число 9. В курчумской композиции ритм 4 образован двукратным повторением ритма 2 (2+2) — четыре коня, попарно связанные в двум коновязям. В ашвамедхе четыре столба устанавливались на пятиугольной площадке. Четыре стороны света соотносились с четырьмя главными жрецами (Семека, 1968, с. 137, 147).

Таким образом, из суммы 3 и 4 образуется символическое число характеризующее общую идею вселенной, константу в описании мирового дерева. Ритмы 3 и 4 (да и вообще числовая символика мифа и ритуала) характерны для саков (Акишев, 1984, с. 11—20). С символического числа 7, образом мирового дерева и его эквивалента коня связываются выше астрально-космогонические представления тюркских народов, а также многих других (Фролов, 1974, с. 294—303).

Парные изображения коней, людей и собак в композиции, вероятно, связаны с бинарными принципами семантических противопоставлений (Иванов, 1972, с. 206—236), дуально-космогоническими представлениями (Золотарев, 1964), близнецным культом (Штернберг, 1936, с. 105—126; Кузьмина, 1984, с. 100—101 и др.). Древнеиндийские близнецы-ашвины («обладающие конями» или «рожденный коня»), выступающие иногда в образе двух коней, тесно связаны с мировым деревом — ашваттхой (Иванов, 1972а, с. 198; Кузьмина, с. 102). В их образе видны следы древнего индоевропейского близнецов.

Важно объяснить смысл других изображений, входящих в нее. Изображения козлов, быка (?), верблюдов и оленя можно интерпретировать как предварительные или сопутствующие коню жертвы. В частности козел в ритуале ашвамедха фигурирует как жертвенная доля коня, тесно связанного с образом козла и являющегося сыном Ашвины — бога медиатора. Выступая в качестве бога-посредника между

небом и землей, Пушан ведет жертвенного коня к месту жертвоприношения.

Антропоморфных фигур в композиции четыре. Две из них парные, с длинными носами. У третьей фигуры также подчеркнут нос. В одной руке у нее длинный ровный предмет (стрекало?). Учитывая отмеченные детали, заманчиво отождествить первые с образом Ашвинов, один из эпитетов которых — насатья, т. е. «носатые», а третью фигуру — с образом Пушана, в числе атрибутов которого находится стрекало (РВ, VI, 58, 2). Косвенным основанием для такого отождествления можно считать наличие изображений фаллосов: в мифах и Ашвины, и Пушан связаны с инициацией, идеей плодородия, олицетворяли буйные сексуальные силы.

Четвертая фигура, расположенная в нижней части композиции, судя по позе (раскинутые в стороны руки, ноги без ступней), может рассматриваться как человеческое жертвоприношение, если все-таки допустить наличие такого фактора наряду с жертвоприношением животных в эпоху поздней бронзы, когда, по нашему мнению, создана анализируемая композиция.

Таким образом, сюжеты, связанные с концепцией мирового дерева (и его зооантропоморфных эквивалентов) и жертвоприношения (человеческого и животного) у мирового дерева в искусстве и мифологии индоевропейских и неиндоевропейских народов имеют широкое хронологическое и территориальное распространение (рис. 185). Иконографические и семантические параллели курчумским изображениям известны в Минусинской котловине (Шер, 1980, с. 265—270; Леонтьев, 1980, с. 73—74), в памятниках эпохи бронзы Северного Китая (Кожин, 1981, с. 145, рис. 11, 5, 6).

Куль оленя. Семантика образа оленя в искусстве и мифологии (особенно эпохи скифо-сибирского единства) интересовала многих исследователей (Окладников, 1964; Мартынов, Бобров, 1974, с. 65—73 и др.), по отношению оленей с клювовидными мордами она до сих пор остается не вполне ясной (см. рис. 62, 63).

Изображения оленей с клювовидными мордами, обнаруженные в Восточном Казахстане, в Семиречье и Каратау, включены в композицию с трехчленной вертикальной структурой, что делает их близко сопоставимыми, особенно в плане иконографии, с изображениями на оленных камнях (Самашев, 1984, с. 62—63). В этой связи исключительно важны изображения из Джингильчака (см. рис. 62, 9). Примечательно, что древний мастер в данном случае следовал манере оформления оленных камней, даже при наличии огромного свободного пространства вокруг рисунков. Они являются как бы проекцией оленных камней на вертикальную плоскость скалы и несут ту же семантическую нагрузку, что и изображения оленей на изваяниях. Предполагается, что оленные камни являются изваяниями воинов (Волков, 1981, с. 96). Мы допускаем, что в основе оленных камней лежит образ не просто вооруженного воина, а воина, наделенного функциями шамана или жреца. В этом смысле оформление оленных камней сопоставимо со сложными по своей символике и семантике костюмами сибирского шаманства (Прокофьев,

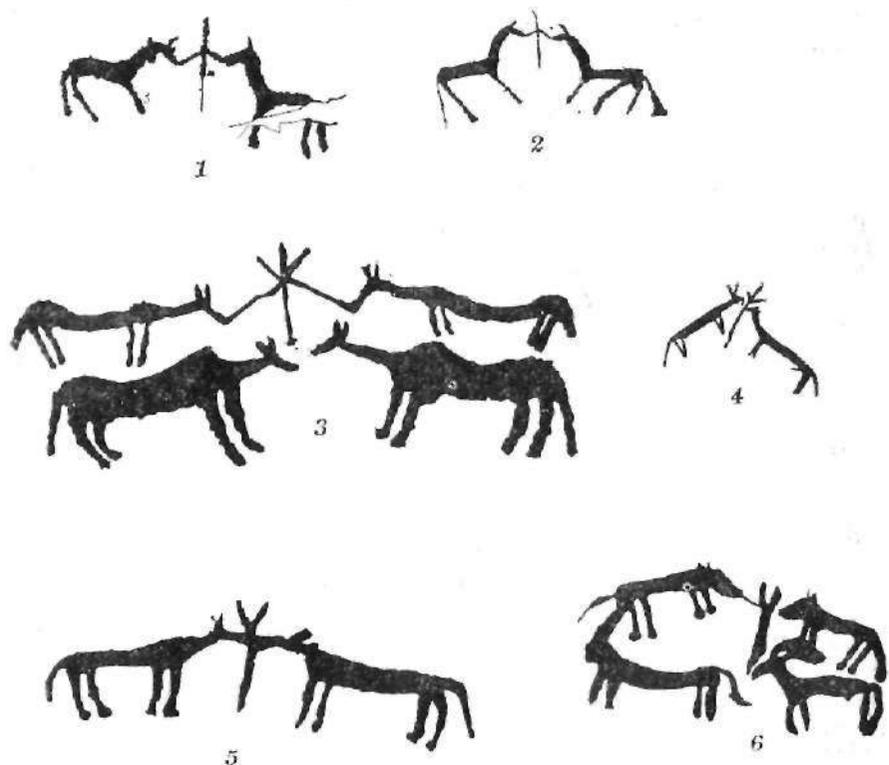

Рис. 185. Коня у мирового дерева: 1, 2 — Курцум; 3, 5, 6 — Тевсей (Шер, 1980); 4 — могильник Северный берег Варчи I (Леонтьев, 1980)

и, 1971, с. 5—98). В основе символики шаманского костюма лежит образ «светлых» зверей и птиц, духов — помощников и покровителей шамана. Е. Д. Прокофьева отмечает, что на определенном этапе развития идеологии шаманства основным, отраженным в костюме, стал образ птицы, появившийся одновременно с развитием представлений о бесном верхнем мире. Шаман-медиатор принимал образ птицы, близкий к небу, солнцу (Прокофьева, 1971, с. 8). Шаманский костюм энциев, полностью из шкуры оленя, по своему оформлению представлял птицу-Иганасанский костюм одновременно являлся символом птицы и оленя-самца. Костюм кетского шамана в целом воссоздавал образ оленя вместе с тем нес черты птицы (Прокофьева, 1971, с. 13—16, 21).

Таким образом, синкретический рисунок оленя на оленных камнях дует рассматривать не просто как декор костюма или татуировку (Рычков, 1968, с. 217—218; Волков, 1981, с. 96), а как воспроизведение образа духов — помощников, покровителей шамана, способных принимать орнитоморфный облик во время полета в верхний мир. Наличие изображений солярных символов, зеркал, предметов вооружения и других атрибутов вроде бы тоже не противоречит трактовке оленных кам-

ней как костюма шамана или жреца, совмещающего воинские функции. Если находки изображений оленей с клювовидными мордами в Восточном Казахстане — регионе, расположенном близко к основному ареалу этих памятников, закономерны, то каратауские и аксуджабаглинские оленные изображения указывают на более южное направление в продвижении каких-то этнических групп — носителей данной изобразительной традиции, из глубин центрально-азиатских степей в начале I тыс. до н. э.

Сцены терзания, борьбы и преследования. Сцены терзания хищниками травоядных, широко распространенные в изобразительном искусстве скифов и саков, судя по публикациям, еще не зафиксированы в петроглифах. Смысл этих сцен трактуется по-разному (Штейн, 1974, с. 94—103; Федоров-Давыдов, 1975, с. 23—28; Смирнов, 1976, с. 88; Акишев, 1984, с. 188; Кузьмина, 1976а, с. 52—65, 1979, с. 78—83; 1984, с. 102—103; Баркова, 1984, с. 83—89; Суразаков, 1986, с. 23—26, и др.). Е. Е. Кузьмина считает, что этот сюжет в искусстве скифов и саков заимствован ими из Передней Азии, где он олицетворял смену созвездий Быка и Оленя созвездием Льва в начале весеннего цикла работ, символизировал праздник весеннего равноденствия (науроз и другие соответствующие ему праздники солярно-вегетативного характера общешарийского, общиндоевропейского происхождения), торжество добра над злом и в более широком смысле — космологический акт творения через уничтожение (Кузьмина, 1976а, с. 62). В Авесте, особенно в «Бундахишне», мотив борьбы добра (Ахура Мазда) и зла (Ангра Манью) составляет значительную часть гатов (Брагинский, 1984, с. 30—43).

Терзание хищником травоядного показано на одной бляшке из Чиликтинского кургана (Черников, 1965, с. 63, табл. XVIII, 1). Сцена борьбы животных известна в петроглифах хребта Каратау (Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 209). Если принять гипотезу об отражении в таких сюжетах идеи противоположных начал, смены сезонов и т. д., то каратауская сцена, где показана «равная» борьба одинаковых животных, может быть интерпретирована как фиксация кульминационного момента равной борьбы этих начал, равноденствия, солнцестояния.

Сцены преследования, погони хищников за травоядными в петроглифах встречаются значительно чаще. Их много и в Восточном Казахстане (см. рис. 67, 68). Некоторые из них, возможно, связаны с чисто охотничье-промысловой тематикой, но отдельные сцены могут быть трактованы как иллюстрация мифов о космической погоне. Например, фрагмент композиции на камне 171 из Мойнака, где запечатлен олень с клювовидной мордой в окружении четырех или пяти хищников.

Образ воина-всадника в основном интерпретируется в качестве обожествленного героя-предка (Ростовцев, 1927, с. 141—146; Толстов, 1939; Окладников, 1951, с. 143—154; Беленицкий, 1981, с. 213—217; Худяков, 1985, с. 157—159, и др.).

Формирование культа всадника и идеологии всадничества в средневековье в целом вызвано особенностью этой исторической эпохи, заключающейся в том, что общество находилось в «состоянии перма-

итного нашествия» и отражения набегов (Плетнева, 1982, с. 32). Этих условиях вооруженные воины-всадники выдвигаются на первый план как основная социальная сила общества. В общественное сознание внедряется обобщенный образ идеального конного воина, члена валерийской дружины, предводительствуемой обожествленным геро-всадником, ханом-объединителем. Этот обожествленный всадник-ган (его эпитеты — «небоподобный», «небороденный», «из неба воз-взошедший») почитался наряду с Тенгри-Небом, священной Землей-Водой вошел в религию тюрко-монгольских народов как составная часть. Испевание подвигов и деяний конного богатыря, внедрение в сознание массы образа героизированного воина-всадника становится важнейшей частью идеологии и государственной политики. Вероятно, существовал особый институт сочинителей-сказителей, мастеров-художников, летописцев, воплощавших идеологические установки в различных материалах (в том числе запечатлевавших их на скалах), фиксирующих их сценно.

Произведения эпического жанра, включая собственно устно-поэтическое творчество, изобразительное искусство, отражая «воинственный намысел» средневековых государственных образований, имели ярко выраженный прокламативный характер. В них воспевались подвиги югов, ханов, дружины, отмечались боевые походы, сражения, поединки. Для иллюстрации прокламативности всех жанров искусства средневековых кочевников можно привести, в частности, отрывки из надписи мятника в честь Кюль-Тегина: «Небоподобный, неборожденный тюрк-каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушай-те (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзники мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и а (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные...

Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений, отняли племенные союзы у имевших племенные союзы и отняли каганов у имевших (во главе у себя своих), имевших колени заставить преклонять колени, имевших головы заставить склонить (го-вы)...

В том (же) году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтун-чю чернь и переправясь через Иртыш. Тюргешский народ мы победили...

В этом сражении Кюль-Тегин был тридцати лет; сев верхом на белого (коня) Шалчы, он бросился в атаку, двух мужей он за-лол (копьем) одного за другим.

...Кюль-Тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, двух мужей он заколол, в свалке порубил мечом седьмого» (Малов, 1981, с. 33, 35, 38, 41—43).

Такие «актуальные» сюжеты являются стержневыми в наскальных изображениях эпохи средневековья от Прибайкалья до Дуная (см. с. 180). На скалах запечатлены сражающиеся или скачущие герои-всадники, иногда закованные в панцири. Это героизированные вожди, повелители, совершившие при жизни (надо полагать, петроглифы, как упомянутые выше эпитафии, фиксировали события минувших времен —

неважно, по горячим следам или по прошествии определенного времени) необыкновенные подвиги и отличившиеся воинскими доблестями. Независимо от того, изображены ли на скалах герои или их души, мы должны эти образы также связывать с культом предков. В этом отношении семантика образа вооруженного воина-всадника в петроглифах сравнима (или совпадает) с семантикой древнетюркских каменных изваяний.

Образы воина и его коня неотделимы в петроглифах, тем более в эпических сказаниях. Обе категории духовной культуры тюрко-монгольских народов в этом отношении имеют генетические, культурно-исторические и типологические сходства (Липец, 1984).

Без коня воина средневековой эпохи представить трудно. Образ богатырского коня — неотъемлемая часть эпоса и сказок. В. М. Жирмунский отмечал связь образа коня в богатырской сказке с мифологическими представлениями о звере, чудесном помощнике человека, основанными на древних тотемических верованиях (1960, с. 198).

О нераздельности судьбы героя и его коня удивительно точно сказано в алтайском героическом эпосе:

«Днем ты — крылья мой,
Умрем — могила у нас одна,
Ночью — неразлучный друг,
Живы будем — жизнь у нас одна».

(Суразаков, 1985, с. 31)

Культовый воина-всадника в древнетюркском обществе получил отражение и в погребальном обряде в виде сопроводительного захоронения коня в полном снаряжении или его части по принципу парциальной магии — часть вместо целого. Погребения воинов с конем, фиксируемые во всем ареале распространения средневековых кочевнических культур, связаны с представлениями о загробной жизни.

Батальные сцены с участием конных и пеших воинов позволяют судить о видах и способах применения оружия в бою. В киргизском эпосе Манас красочно описывается поединок Манаса с Коурбаем на пиках с использованием других видов оружия — клинков, секир (Манас, 1960, с. 109—112). О некоторых приемах обращения с пикой во время поединков, устраиваемых в честь умерших предков у киргизов в конце XIX — начале XX в., пишет Г. Н. Симаков. Участники единоборства держали пикой, зажав крепко под мышкой, иногда конец древка приставляли к плечу, нацелив на соперника, или же — обеими руками, но при этом упирая конец в ладонь откинутой назад руки. В некоторых случаях практиковали такой прием, при котором конец древка пикой упирался в луку седла или в углубление под лукой (для чего в углубление забивались войлочные колпаки). Иногда для опоры древка использовали боковую часть лещика седла и наносили удар силой скачущего коня, но этот способ ограничивал всадника в возможности маневрирования. Во время нанесения удара пикой всадники привставали на стременах (Симаков, 1984, с. 53).

Изображения тяжеловооруженных воинов-катафрактов не единичны в петроглифах степного пояса. В Казахстане они представлены петроглифами Прибалхашья (Медоев, 1979, рис. 55, 59). Вероятно, они изображают спешившихся тяжеловооруженных воинов. В иконографическом (и в семантическом) отношении прибалхашские воины сопоставимы с изображениями воинов на серебряном блюде из Кулагыша. Доспехах тяжеловооруженных воинов можно судить не только по средневековой тюркитике (например, аниковское блюдо, серебряный увшик из Сеитмиклошского клада и т. д.), живописи (Пенджикент, Фрасиаб), наскальным изображениям (Сулек, Хархад), эносу (Манас, 1960, с. 97, 106—108), но и по этнографическому материалу. В этом отношении очень интересны данные о доспехах киргизских сайышсы Симаков, 1984, с. 49—50).

Вполне возможно, что в эпоху раннего и развитого средневековьяряду с панцирными и кольчужными в бою применялись доспехи, аналогичные киргизским.

Средневековые петроглифы демонстрируют также различные способы стрельбы из лука (например, Сулекская писаница): в ряде случаев в них мы видим не только батальные сюжеты, но и охотничьи бытовые сцены перекочевков (Евтюхова, 1948, с. 47—50, 88—89).

Комплекс волк — знамя. Как свидетельствуют археологические источники, происхождение знамени и его культа восходит к древнейшим одноплеменным штабдартам, увенчанным фигурками различных животных и божеств (Окладников, 1951, с. 148; Егоров, 1967, с. 250—253).

Известная генеалогическая легенда древних тюрков, зафиксированная в китайских хрониках, связывает происхождение волчьих знамен с менем Ашина — одного из каганов правящей династии, возводившей свой род к волку — тотему¹⁷. Когда Ашина стал главой крупного родоплеменного объединения тюрков, «над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой — в воспоминание своего происхождения» (Бичурин, 1950, с. 220—221)¹⁸. Вероятно, подобные знамена древних тюрков первоначально представляли собой штандарты с фигурами волчьей головы хотя впоследствии они могли быть заменены подобием с изображением головы волка (Окладников, 1951, с. 148). Об этом говорят этнографические, фольклорные материалы как по культу волка, так и по культу знамени (Гордлевский, 1969, с. 482—504; Отанов, 1958, с. 135—142; Липец, 1981, с. 120—133; Абрамзон, 1971, с. 285—289; Илимбетов, 1971, с. 224—228; Кузеев, 1974, с. 129—132;

¹⁷ Само имя «Ашина» некоторыми исследователями переводится как «волк» (Гулев, 1967, с. 23; Сарткожаулы, 1984, с. 20), хотя существуют и другие толкования м. например, Кляшторный, 1964, с. 111—112; 1965, с. 278—281; Зуев, 1967).

¹⁸ Известна и вторая легенда, в основе которой также лежит версия о происхождении тюрков от волчицы. В этой связи трудно переоценить значение бугутской стелы Архангайского аймака в МНР, в верхней части которой изображена волчица, кормящая человеческого детеныша (Кляшторный, Лышниц, 1978, с. 52—59).

По данным письменных источников, древние уйгуры также имели волчьих знамена, торым поклонялись. Однако самое любопытное, что по поводу происхождения гайюйцев, т. е. уйгур, китайская хроника содержит аналогичную легенду: гайюйцы произошли от брака младшей дочери хуннского шаньюя со старым волком (Бичурин, 50, с. 214—215, 310—311).

Короглы, 1983, с. 166—167; Маргулан, 1983, с. 48—49; Урманчиев, 1987).

Письменные источники свидетельствуют о существовании в середине XI — начале XII в. у половцев орды Бурчевичей, ведущей свое происхождение от древнетюркского тотема (волка) и имеющей ярко выраженный культ волка-покровителя (Плетнева, 1978, с. 179). Глава орды Бурчевичей (кстати, название орды также происходит от тюркского бори — волк) хан Боняк одновременно был верховным жрецом этого культа. В русской летописи зафиксировано, что в ночь перед битвой с венграми на Вягре в 1097 г. он занимался волхвованием: «...и яко бысть полунощи и встав Боняк отъеха от рати и поча выти волчьски и отвыся ему волк и начаша волци выти» (цит. по: Плетнева, 1978, с. 179).

Следы почитания волка сохранились и в казахском шаманстве. По свидетельству К. Сарткожаулы, во время сеанса камлания шаман призывал на помощь поочередно волчицу-прародительницу, вскормившую его, сивогривого матерого волка-вожака, шестисаженного голодного волка, молодого алтаеподобного серого волка и клякастого лютого (Сарткожаулы, 1984, с. 21).

Тотемистические истоки культа волка достаточно четко прослеживаются в мифологических представлениях разных народов мира. Так, В. В. Иванову удалось при анализе индоевропейских слов и текстов проследить многочисленные варианты представлений о человеках-оборотнях, становящимися волками, обрядов наряджения в волчью шкуру (например, волкодлаки, волтаки у западных и южных славян и др.). В древнегерманских текстах содержатся известия о волках-воинах, волчьих плясках, что подтверждается археологическими находками германских шлемов с изображениями волчьей (собачьей) головы (Иванов, 1975, с. 406; 1980, с. 242). Типологические соответствия им можно найти в мифах и ритуалах народов Северной Америки и у восточных палеоазиатов.

Волк в ряде индоевропейских мифологических традиций связывается с культом Одина, которому приносили в жертву волков, водруженных на шести (Иванов, 1975, с. 404)¹⁹. В данном случае просматривается космологическая символика образа волка, связь его с мировым деревом. Интересно, что в некоторых текстах образ волка связывается с губителем мира, «пожирателем луны и солнца», а также с человеком, совершившим преступление (о связи образа волка с нечистой силой, хтоническими представлениями см. также: Свешникова, 1979, с. 208—221). В древнехетских и германских юридических текстах отмечается казнь волка (козла, собаки) у столба, увенчанного колесом, вместо воров-изгоев (Иванов, 1975, с. 404). Вероятно, в этих источниках отложился древнейший обряд человеческого жертвоприношения верховным божествам типа Одина, выступающего в ряде мифологем как хто-

¹⁹ Типологическим аналогом является сванский ритуальный шест с надетой волчьей шкурой. Как отмечает В. В. Иванов, исследовавший этот символ В. В. Бардавелидзе считает его прототипом сванских знамен «лем» (Иванов, 1975, с. 404).

нический демон-божество (Мелетинский, 1982, с. 241—242). Впоследствии они были заменены конем, собакой и т. д.

Широкий круг вопросов, связанных с культом знамени у тюрко-монгольских и других народов, рассмотрен А. П. Окладниковым (1951, с. 150—154; Окладников, Запорожская, 1959, с. 109—129). О том, что у казахов наряду с культом волка существовали и волчьи знамена, можно судить по стихам поэта-импровизатора Сюимбая Аропулы, жившего в XIX в.:

Бәрі басы — ұраным,
Бәрілі менің байрағым,
Бәрілі байрақ кетерсе
Қозып кетер, қайдағым

Волчья голова — мой клич боевой,
Стяг мой с волчьей головой.
Когда реет волчья знамя,
Дух мятежный владеет мной.

(Перевод наш. — З. С.)

В казахской этногенетической легенде — шежере отложились сведения о знамени Жанибек-батыра Шакшакулы — исторической личности из рода Молкы племени Абак-Кирей. Знамя Жанибека считалось священным символом племени Абак-Кирей. В мирное время хранилось в специальном сундуке-реликварии, перед которым запрещалось садиться. В дни войны при церемонии выноса и водружения, перед развернутым знаменем шествовали два волка-близнеца. Последние находились при знамени предводителя во время похода. Легенда приписывает знамени Жанибека магическое свойство вепать о приближении вражеских войск, шевелясь и издавая особые звуки. Эта легенда интересна тем, что позволяет провести «мост» к древнейшим, возможно индоевропейским, истокам связей культа волка со знаменем. Прежде всего, эта легенда может быть ассоциирована с мифами о богах войны Арее и Марсе, которым посвящен хтонический трехглавый волк Водане, и особенно со скандинавским Одинем, которого сопровождают два его волка — Гери и Фреки (их эпитеты «жадный» и «прожорливый»), именуемые псами (Иванов, 1975, с. 399). В данном случае волк выступает в качестве символа, атрибута бога войны, его зооморфного эквивалента. Согласно некоторым текстам, волк является также атрибутом царя и его дружины (например, войско хеттского царя Хаттусилиса I именовалось волком)²⁰. Аналогичные сведения содержатся и в древнегрузинских источниках, где царь именуется «волкоглавым» (Иванов, 1980, с. 242; 1975, с. 407).

Эволюция волка-тотема в волчьи знамена происходила через тотемные штандарты (рис. 186).

Знамя — вместилище духа — покровителя племени, народа. У моголов — это сульдэ Чингисхана. Хара сульдэ (черное знамя) и Цаган сульдэ (белое знамя) играли громадную роль в формировании культа основателя монгольской империи, особенно после его смерти. Культ сульдэ значительно шире, чем культ знамени; он предполагает наличие особого святилища, ритуальных действий и ряд идеологических моме-

²⁰ Телохранители тюркских каганов именовались, по данным китайских источников, фули (буре), т. е. волками (Бичурин, 1950, с. 229).

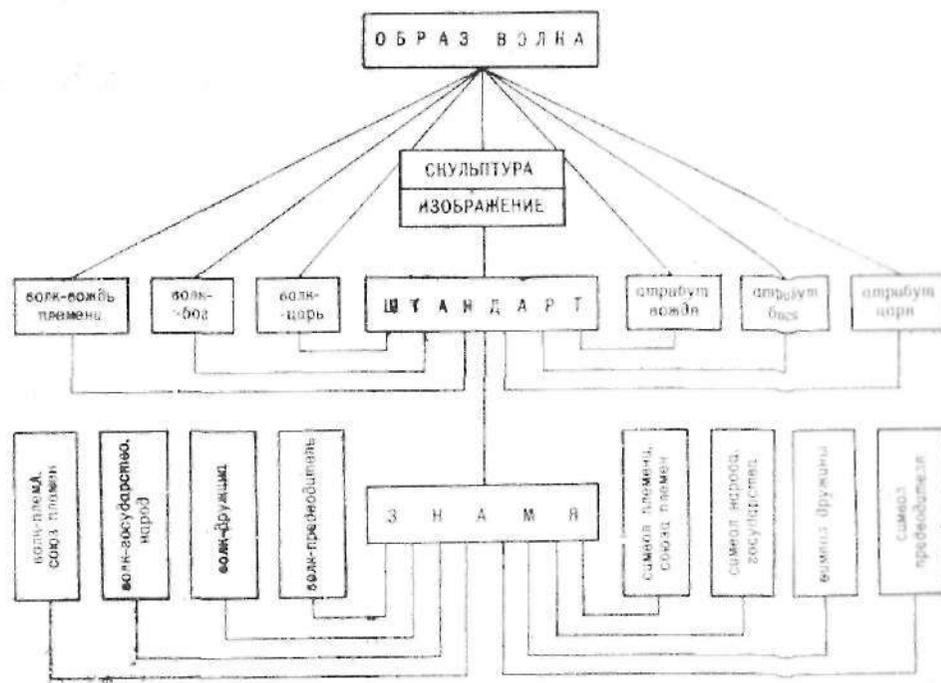

Рис. 186. Схема комплекса волк — знамя

тов. По Б. Я. Владимирцову (1927, с. 23), сульдэ означает душу, одну из душ. «Сульдэ великого человека становилось гением-хранителем его рода, племени, целого народа. Сульдэ Чингисхана стало знаменем всех объединенных им монголов. Культ сульдэ представляет собой один из элементов культа Чингисхана. Он идентифицируется со знаменем, гением которого стал божеством — защитником войска и народа в целом. Сульдэ-знамя и сульдэ-гений войска — синонимы. Пока сульдэ-знамя цело, народ процветает. Если же с ним что-нибудь случается, войску и народу грозят несчастья. Именно поэтому обряды освящения знамени и его бунчуков (спутников-помощников гения-хранителя самого знамени) и жертвоприношения им в связи с военными походами «носили устрашающий, кровавый характер, включавший даже человеческие жертвы» (Жуковская, 177, с. 109—110)²¹.

Знамя — символ единства народа. Это одно из основных значений знамени на этапе родоплеменного объединения и государственного образования. «Знамя как священная реликвия, как вещественный символ общеплеменного или родового объединения, с одной стороны, и знамя как символ достоинства вождя и его титула — с другой стороны, были

²¹ Об обряде освящения знамени Чингисидов в Средней Азии в XIV—XV вв. см.: Окладников, 1951, с. 150.

Кровавую жертву боевым знаменам приносили кидане (Ларичев, Тюркюмля, 1975, с. 108).

Цветосимволика знамени. Цвет знамени нес значительную символическую нагрузку. Голубое знамя древних тюрков ассоциировалось с небом, верховным божеством — кок тенгри и иногда называлось золотым по цвету золотого волчьего навершия. В. П. Мокрышин полагает, что у древних тюрков знамена были красного цвета (1975, с. 113). Знамена средневековых арабов преимущественно были зелеными, но в источниках упоминаются белые и черные. Знамя киданьского императора было пятицветным (Ларичев, Тюрюмина, 1975, с. 103), а знамена монголов и самого Чингисхана — разноцветными. В казахском героическом эпосе и фольклоре упоминаются самые разнообразные по цвету знамена: наряду с белыми, зелеными, желтыми, красными и черными белогорные, бело-желтые, черно-белые и др. (Кайдаров, 1976, с. 28).

Цветосимволика знамени играла существенную роль в погребально-культовой практике как показатель возрастной категории умершего. Так, у казахов и киргизов при смерти пожилого человека вывешивали белый флаг, среднего возраста — черный флаг, а молодого — красный аг (Симаков, 1984, с. 142).

Цвет знамени иногда обозначал принадлежность воинского подразделения к определенному роду. А. Левшин писал, что воины отдельных подразделений казахов для отличия от других навязывали на руки маю цвета знамени своих предводителей (Левшин, 1832, с. 52—54).

Таким образом, рассмотренные на индоевропейском, индоарийском древнетюркском мифологическом уровнях группы петроглифов основаны на таких общечеловеческих универсалиях, как представления о пространстве и времени, бинарные оппозиции, вертикальная и горизонтальная модели мифологической вселенной, мать-прародительница, священный брак и т. д. Отдельные сюжеты наскальных изображений («мировое дерево», «конь у мирового дерева», сцены жертвоприношения злых животных и другие), широко распространенные во времени и пространстве, вероятно, имеют общиндоевропейскую подоснову и хорошо согласуются с индоарийскими, древнетюркскими и другими подобными мифологическими текстами. Эпический образ конного воина (символами и атрибутами) в гравюрах эпохи раннего средневековья, отражая военно-политический характер государственных образований эпохи Евразии, имеет ярко выраженный прокламативный характер, от образа достаточно хорошо известен и в произведениях устного народного творчества тюрко-монгольских народов,

Анализ технико-стилевых, иконографических и других особенностей групп изображений быков позволил датировать их неолитическим временем. Однако предлагаемый возраст указанных рисунков небесно определен. Пока не найдены серии петроглифов, которые могли бы выделяться на фоне изображений неолита и бронзы глубокой архаичностью.

Энеолитическим временем датируются писаницы грота Акбаур и других местонахождений, имеющие соответствующие параллели в синхронных памятниках Казахстана, Алтая, Средней Азии, Юго-Восточной Европы и Кавказа. В конце эпохи бронзы наблюдается бурный расцвет наскального изобразительного искусства племен Верхнего Прииртышья и ряда прилегающих территорий: разнообразнее становятся видовой состав петроглифов и содержание их сюжетов, начинают преобладать многофигурные композиции, появляются новые стилистические приемы и т. д. Этот процесс продолжается и в раннесакское время. Грандиозные некрополи и поселения эпохи поздней бронзы и раннесакского времени, обнаруживаемые рядом с крупными петроглифическими комплексами, а также многочисленные орудия труда, предметы вооружения и роскоши, следы металлургического производства и остеологические материалы свидетельствуют о существовании в рассматриваемый исторический период мощных экономических предпосылок для подъема духовной культуры. Конец II — начало I тыс. до н. э. — период сложения кочевого общества, военной демократии, формирования всадничества и его идеологии. В изобразительном искусстве складываются наиболее существенные элементы сакского стиля. Поэтому рубеж II—I тыс. до н. э. можно рассматривать как единое «протосакское» время.

Новые материалы позволили наметить пути движения этнических групп — носителей изобразительной традиции типа «оленных камней» и «аржана» из центрально-азиатских степей в западном направлении (по предгорьям Алтая, Тарбагатая, Джунгарского, Заилийского и Таласского Алатау, охватывая широкую полосу межгорных впадин и бассейнов малых и больших рек) в конце II — начале I тыс. до н. э.

Травюры эпохи раннего средневековья, легко распознаваемые во всем ареале древнетюркских культур, демонстрируют удивительное постоянство в трактовке всадника с воинскими атрибутами, символами и снаряжением. При изучении наскальных изображений средневековья уже необходимо акцентировать внимание на их этнической атрибуции, поскольку сейчас совокупность письменных и археологических источников позволяет более или менее ясно представить этнополитическую ситуацию в Евразийских степях во второй половине I — первые десятилетия II тыс. н. э.

Анализ природно-ландшафтного комплекса вокруг грота Акбаур и его формы, а также самых разнообразных материалов по мифологии, этнографии и евразийскому шаманству позволил предложить гипотетический вариант реконструкции обрядовых действий, происходивших здесь в дни каких-то календарных празднеств.

Рис. 187. Наскальные изображения верблюда: 1, 2, 5, 6 — Мойлак, 3, 4, 8, 11 — Зевакино; 9, 10, 14, 15 — Доланалы; 12, 13 — Окей; 16 — Куржум; 17—19 — Циклишка

Рис. 206. Петроглифы урочища Мойнак

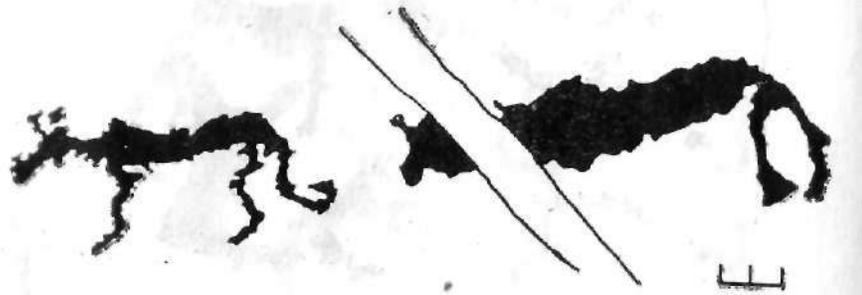

Рис. 207. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 208. Петроглифы урочища Мойнак

Рис. 221. Петроглифы урочища Окей

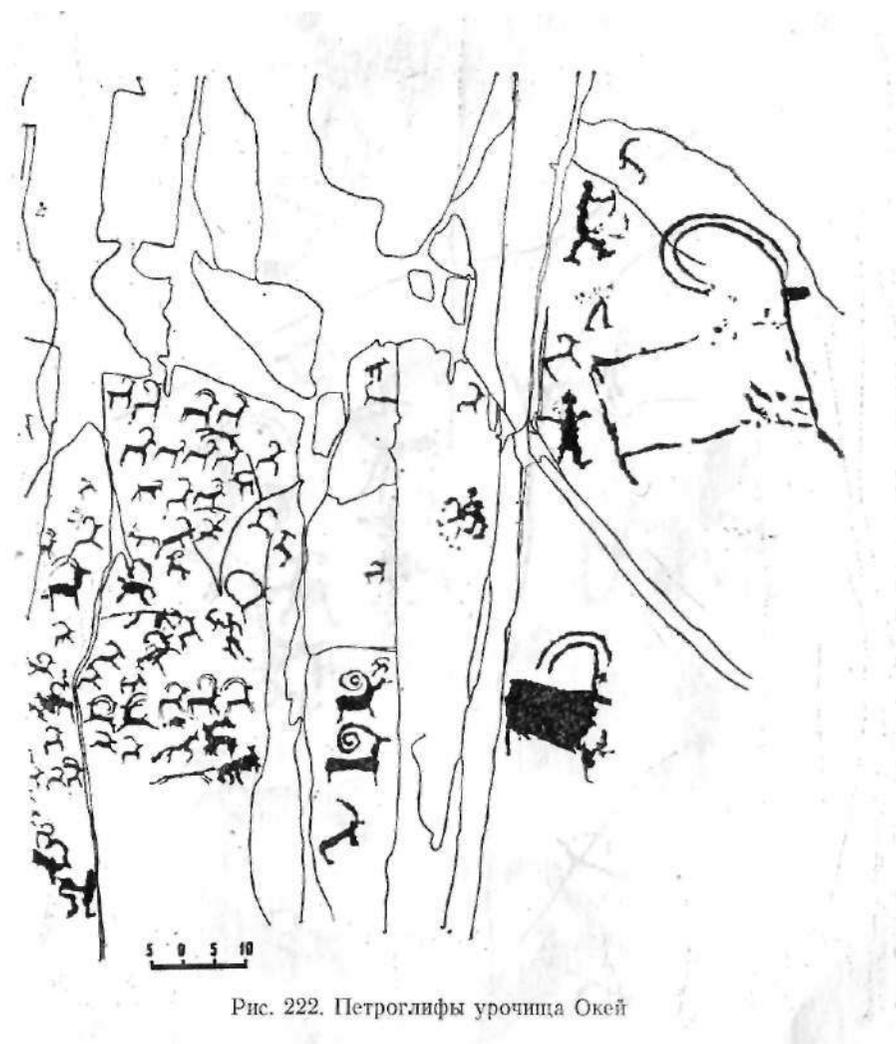

Рис. 222. Петроглифы урочища Окей

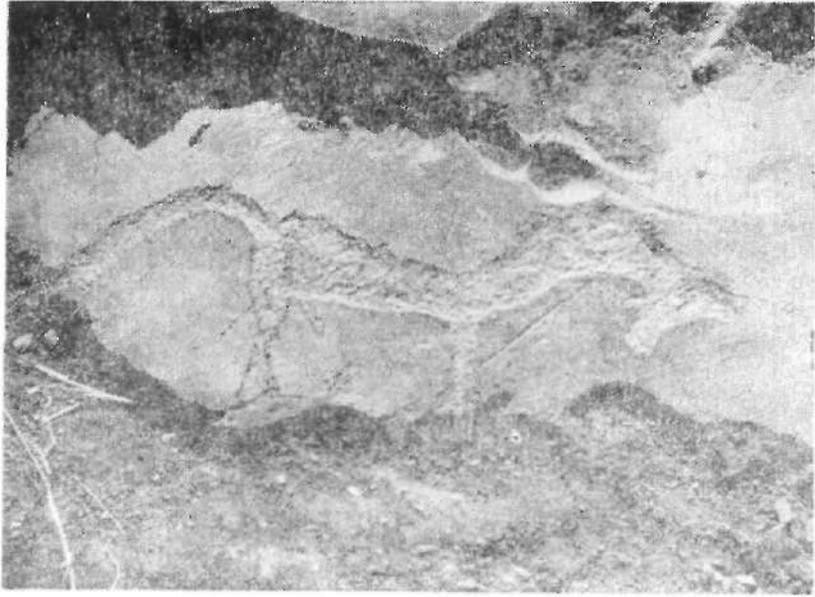

Рис. 238. Петроглифы Сагыра I

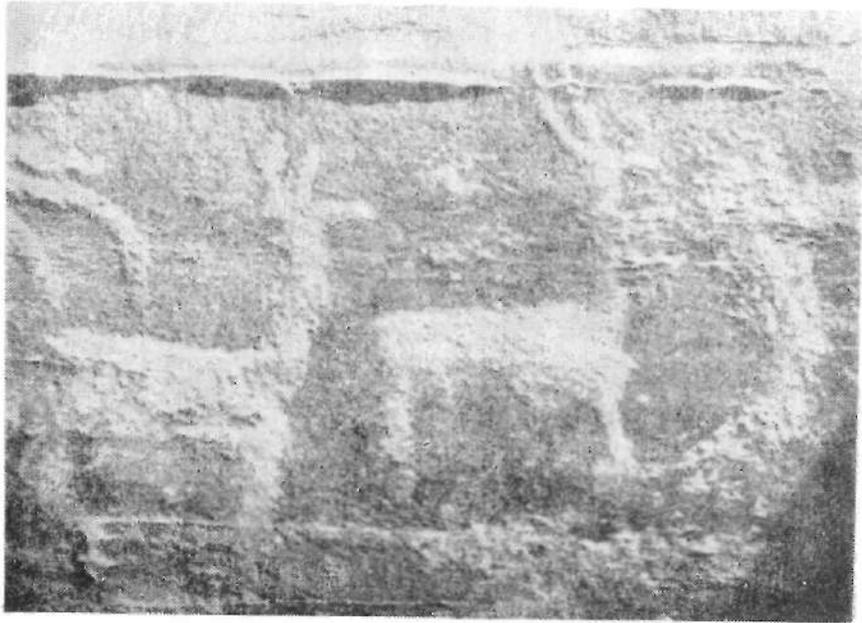

Рис. 239. Петроглифы Сагыра I

Рис. 250. Петроглифы урочища Мойлак

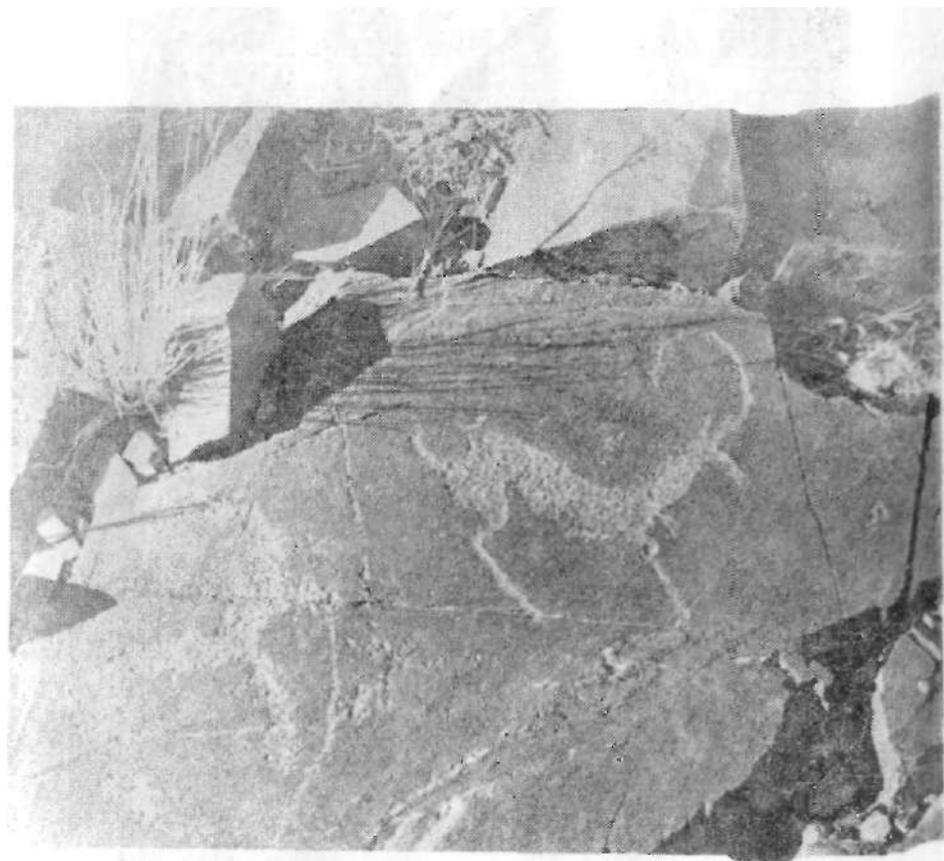

Рис. 251. Петроглифы урочища Мойлак

•a

•e-

X

Рис. 258. Петроглифы у с. Болгар, Табгатай

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х.* Материалы эпохи бронзы Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52—77.
- Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи // Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 494 с.
- Абрамова З. А.* Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск: Сиб. отд-ние, 1979. 201 с.
- Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // ЗС Сиб., 1886. Т. 2. С. 147—444.
- Адрианов А. В.* Отчет о поездке летом 1911 г. // ИРКСВА, Сиб., 1912. (№ 1. С. 105—111.
- Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая. Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г. // ИАК. Пг., 1916. Вып. 62. С. 1—92.
- Акишев А. К.* Идеология саков Семиречья // КСИА. М., 1978. С. 39—48.
- Акишев А. К.* Петроглифы Джунгарского Алатау // АО 1980. М., С. 428—429.
- Акишев А. К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука, 1984. 174 с.
- Акишев К. А.* Саки азиатские и скифы европейские: Общее и особенное в культуре // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 43—58.
- Акишев К. А., Акишев А. К.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 38—63.
- Акишев К. А., Акишев А. К.* К интерпретации символики исыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 144—153.
- Алексеев В. П.* К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976. С. 40—46.
- Альбаум Л. И.* Живопись Афрасиба. Ташкент: Фан, 1975. 169 с.
- Аманжолов А. С.* Казақтың жеріндегі көне жазулар // Жұлдыз. Алматы, № 7. Б. 155—160.
- Аманжолов А. С.* О древнейших наскальных знаках Казахстана // Казак тілі әдебиеті. Алматы, 1974. IV шығуы. Б. 44—48.
- Аманжолов С., Аманжолов А. С.* Писаницы (петроглифы) на скалах // ВАН КазССР, 1956. № 4. С. 97—100.
- Анисимов А. Ф.* Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 199—238.
- Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю в 1910—1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Сибири и Восточной Азии // СМАЭ. Л., 1924. Т. IV. Вып. 2. 152 с.
- Антонова Е. В.* Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (история и культура). М., 1981. С. 5—21.
- Антонова Е. В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1984. 263 с.

- Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 250 с.
- Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1963. Вып. 4. С. 68—84.
- Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 43—57.
- Арсланова Ф. Х. Курганы с труположением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972а. С. 56—76.
- Арсланова Ф. Х. Новые материалы VII—VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // СА. 1972б. № 1. С. 253—258.
- Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46—60.
- Арсланова Ф. Х. Работы в Прииртышье // АО 1982. М., 1984. С. 449—450.
- Арсланова Ф. Х., Самашев З. С. Курганы кымаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 122—133.
- Асеев И. В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 152 с.
- Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.
- Афанасьева В. К. Гилгамеш и Энкиду // Культура Востока: Материалы и исследования. М.: Наука, 1979. 191 с.
- Ахундов М. Д. Концепция пространства и времени: Истоки. Эволюция. Перспективы. М.: Наука, 1982. 223 с.
- Байбулов Б. Легенды о происхождении горы Бортастаган // ЗСПОЗСОИРГО. Семипалатинск, 1914. Вып. 8. С. 8—10.
- Байбури А. К. Семитический статус вещей и мифология // СМАЭ. Л., 1981. Т. 37. С. 215—226.
- Балонов Ф. Р. Колесный транспорт сарматской эпохи // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 69—85.
- Балонов Ф. Р. Святаяница скифского времени в Адыгее (Ульские и Уляские курганы) // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 12—15.
- Баркова Л. Л. Изображения свергнувшихся хищников на золотых пластинках из Маймира // АСГЭ. Л., 1983. Вып. 24. С. 20—31.
- Баркова Л. Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. Л., 1984. Вып. 25. С. 83—89.
- Басаева К. Д. Традиционное бурятское жилище и его членение // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 109—124.
- Басилов В. Н. Среднеазиатское шаманство // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1973. С. 1—14.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1965. 528 с.
- Беленицкий А. М. Изображение быка на памятнике искусства древнего Пенджикента // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 88—94.
- Беленицкий А. М. Хорезмийский всадник — царь или бог? // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 213—218.
- Белослюдов А. Отчет о работах археологической экспедиции в окрестностях г. Усть-Каменогорска в 1910 г. // ЗСПОЗСОИРГО. Семипалатинск, 1912. Вып. 6. С. 1—4.
- Белослюдов В. А. К вопросу о доисторическом распространении в пределах Казахстана дикого двугорбого верблюда // ВАН КазССР. 1946. № 10(19). С. 51—52.
- Бернштам А. Н. Наскальные изображения Саймалы-Таша // СЭ. М., 1952. № 1. С. 50—68.
- Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 136 с.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. 1. 382 с.
- Богаевский Б. М. О значении изображения «колдуна» в «Пещере трех братьев» // СЭ. 1934. Т. 4. С. 34—72.
- Бойко Ю. Н. О социальной символике одной категории бронзовых украшений из погребений Днепровского лесостепного левобережья // Скифо-сибирский мир (искусство и идеология): Тезисы докладов второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 15—18.
- Брагинский И. С. Иранское литературное наследие. М.: Наука, 1984. 296 с.
- Бутанаев В. Я. Представления о небесных светилах в фольклоре хакасов // У Хакаского НИИЯЛИ. Вып. 20. Сер. филол. Абакан, 1975. № 3. С. 231—240.
- Вадецкая Э. Б. Гипотеза происхождения афанасьевской культуры // Особе естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. 1979. С. 98—100.
- Вайнштейн С. Н. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.
- Васильевский Р. С., Волков В. В. Некоторые итоги работ Советско-Монго. историко-культурной экспедиции // Древние культуры Монголии. Новосибирск, С. 6—12.
- Викторова Л. Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. 225 с.
- Валинбахов Г. В. Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., С. 181—196.
- Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в XII—V вв. по материалам Уйгарака // Тр. ХАЭЭ. М., 1973. Т. 8. 160 с.
- Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинск Кентейском районах // Северная Монголия. Л., 1927. Т. 2. С. 1—42.
- Влангали А. Геоисторическая поездка в восточную часть Киргизской ст 1849 и 1851 годах // Горный журнал. Спб., 1853. Ч. 2. Кн. 5. С. 1—63.
- Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Удэ, 1967. 148 с.
- Волков В. В. Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 101—107.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 254 с.
- Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Проблемы археологии Сибири. Л., 1975. С. 78—84.
- Волчок Б. Я. Традиции протондийского календаря и хронологии в индийской культуре // Proto Indica. М., 1975. С. 16—52.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен // Л.: Наука, 1965. 143 с.
- Галашина Л. К. Шлемы кубанского типа: (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока: Проблемы. Поиски. Суждения. Л., 1985. С. 169—174.
- Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратова // СА. 1977. № 3. С. 189—196.
- Гамкрелдзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: I структура и историко-типологический анализ языка и протокультуры. Тбилиси: ИТБИ, 1984. Т. 2. 1331 с.
- Гапоненко В. М. Наскальные изображения Таласской долины // Археология памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 101—110.
- Генинг В. Ф. Могильник Сингаита и проблема ранних индоевропейских племен // СЭ. 1977. № 4. С. 53—73.
- Герасимов Б. Г. Поездка на Рахмановские минеральные ключи // ЗСПОЗСОИРГО. Семипалатинск, 1907. Вып. 3. С. 1—25.
- Герасимов Б. Г. Летопись Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского ИРГО 1902—1910 гг. // Записки СПОЗСОИРГО. Семипалатинск, 1912. В. 3. С. 1—95.
- Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку рязанском») // Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. М.: Изд-во восточной литературы, 1969. Т. 2. Язык и литература. С. 482—504.
- Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III—II тысячелетий до н. э. // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 183—202.
- Городцов В. А. Скальные рисунки Тургайской области // Тр. ГИМ. М., Вып. 1. С. 37—69.
- Грач А. Д. Петроглифы Тувы // СМАЭ. Л., 1957. Т. 17. С. 385—428.
- Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207—213.
- Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных бражений горного козла // ТС 1972. М., 1973. С. 316—333.

- Греч А. Д. Древние кочевники в Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975. 136 с.
- Грязнов М. П. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменка в Хакасии // КСИИМК. М., 1960. Вып. 80. С. 85—89.
- Грязнов М. П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИИМК. М., 1978а. Вып. 154. С. 9—19.
- Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. Л., 1978б. Т. 2. С. 222—232.
- Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. С. 63.
- Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б. Афанасьевская культура // История Сибири. М.; Л., 1968. Т. 1. С. 159—165.
- Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан // АО 1973. М., 1974. С. 192—195.
- Гудкова А. В., Черняков И. Т. Ямные погребения с колесами у с. Холмское // Древности северо-западного Причерноморья. Киев, 1981. С. 38—50.
- Гуляев С. И. «Писаные камни», найденные в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области в 1913 г. // ЗССОИРГО. Омск, 1916. Т. 38. С. 259—261.
- Гуляев С. И. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых // ВИРГО. Спб., 1851. Т. 3. Отд. IV. С. 20—47.
- Гуляев С. И. Записки о некоторых древностях в Киргизской степи. // ВИРГО. Спб., 1853а. Ч. 8. Кн. 3. С. 7.
- Гуляев С. И. О древностях, открываемых в Киргизской степи // ВИРГО. Спб., 1853б. Ч. 8. Отд. 7. С. 22—25.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
- Гуревич А. Я. Категория средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 320 с.
- Гуров Н. В. Протоиндийский блок названия праздника // Proto Indica. М., 1975. С. 52—54.
- Диваев А. Обычай киргизов Семипалатинской области // Сын отечества. Спб., 1843. Кн. 5. С. 49—66.
- Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского комплексного НИИ, 1958. 108 с.
- Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Петтымея). М.: Наука, 1971. 128 с.
- Дончев С. Восточные параллели преславского и мадарского всадника и сведения о европейских гунах // У истоков творчества. Новосибирск, 1978. С. 203—212.
- Дьяконов И. М. Раннединастический период в Двуречье и Эламе // История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Месопотамия, М., 1983а. Ч. 1. С. 162—222.
- Дьяконов И. М. Первые деспотии в Двуречье // История Древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Месопотамия, М., 1983б. Ч. 1. С. 257—292.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976а. 120 с.
- Дэвлет М. А. О загадочных изображениях на оленных камнях // СА. 1976б. № 2. С. 232—236.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 272 с.
- Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982а. 128 с.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1982б. 48 с.
- Евсюков В. В., Комиссаров С. А. Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Новое в археологии Китая: Исследования и проблемы // Новосибирск, 1984. С. 52—66.
- Евсюков В. В., Комиссаров С. А. Колесницы на земле и в небесах: Атенстические чтения. М., 1985. Вып. 14. С. 78—94.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Советская Хакасия, 1948. 110 с.
- Егоров В. Л. Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины // СА. 1967. № 1. С. 250—253.
- Ермолаева А. С. Раскопки у с. Измайловка // АО 1981. М., 1983. С. 437—438.
- Ермолова Н. М. К вопросу об интерпретации изображений животных // Сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 358—366.
- Ешелкин И. И. О наскальных изображениях некоторых животных в горах Восточного Алтая // Ученые зап. Горно-Алтайского НИИЯЛИ. Горно-Алтайск. Вып. 2.
- Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Изд. столичной литературы, 1960. 336 с.
- Жуков В. А., Ранов В. А. Древние колесницы на Памире // Памир. Душанбе. № 11. С. 62—68.
- Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977. 200 с.
- Жуковская Н. Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы дов зарубежной Азии. М., 1986. С. 118—134.
- Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публ. одной коллекции. Л.: Искусство, 1983. 192 с.
- Зайберт В. Ф. Сложение энеолитической богайской культуры в Урало-Приском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изд. древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 88—90.
- Зайберт В. Ф., Мартынюк О. И. Керамические комплексы энеолитического нева Ботай // КСИИМК. М., 1984. Вып. 177. С. 81—90.
- Записки ЗССОИРГО. Омск, 1894. Кн. 14. Вып. 3. С. 13—15.
- Зданович Г. Б. Основные характеристики петровских комплексов урало-казских степей: (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век с. полосы Урало-Иртышского междуречья: Межвузовский сборник. Челябинск, С. 48—68.
- Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964.
- Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по истории тюрков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. 18 с.
- Ибраев Б. Космогонические представления наших предков // ДИ. М., 1980. С. 40—44.
- Иванов В. В. К вопросу о необходимости разграничения понятий «обряд туал», «таинства» при исследовании религиозности // Социально-философские а критики религии: Сборник трудов Гос. музея истории религии и атеизма. Л. С. 54—65.
- Иванов В. В. Заметки о типологическом и сравнительном историческом исс. нии римской и индоевропейской мифологии // ТЭС. IV. Ученые зап. Тарт. гос. Вып. 236. Тарту, 1969. С. 44—75.
- Иванов В. В. Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа тийских языках // Балто-славянский сборник. М., 1972а. С. 193—205.
- Иванов В. В. Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии ние формы искусства. М., 1972б. С. 105—147.
- Иванов В. В. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологи терминов, образованных от asva — «конь» (жертвоприношение коня и дерево а в Древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М. С. 75—138.
- Иванов В. В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающ волка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1975. Т. 34. Вып. 5. С. 399—408.
- Иванов В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советс дио, 1978. 185 с.
- Иванов В. В. Волк // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 242.
- Иванов В. В. Язык как средство реконструкции истории // Природа. 1983. С. 26—37.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семнот системы. М.: Наука, 1965. 247 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древносте сические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.
- Ильмбетов Ф. Ф. Культ волка у башкир: (к этимологизации этнонима ба // Археология и этнография Башкирии: Материалы научной сессии по этногенез кир. Уфа, 1971. Т. 4. С. 224—228.
- История Казахской ССР. В 5 т. Алма-Ата, 1977. Т. 1.

Кадиков Б. Х., Скрипин С. И. Петроглифы Кызылджара — памятник древнего искусства Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 139—154.

Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303—432.

Кадырбаев М. К. Могильник Жалауды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 25—45.

Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84—93.

Кадырбаев М. К., Марьяшев А. И. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.

Кайдаров А. Т. Доспехи и вооружения воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 6. С. 25—34.

Каленский В. Н. Отчет о Зайсанской экспедиции 1910 г. // Коллекция МАЭ, № 1727/2.

Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Тр. ОУАК. Оренбург, 1910. Вып. 22. 332 с.

Кашина Т. И. Петроглифы Луиных гор: (о древнем искусстве кочевников-скотоводов Внутренней Монголии) // Первобытное искусство: Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983. С. 77—85.

Кейпер Ф. Б. Труды по ведийской мифологии / Пер. с англ. Под ред. Т. Я. Елиза-ренкова. М.: Наука, 1986. 195 с.

Килуновская М. Е. Типология изображений оленя на оленьих камнях и петроглифах Южной Сибири и Центральной Азии в скифское время // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 60—62.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XII вв. // САИ. Е1—36. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 140 с.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 135 с.

Кирчо Л. Б. Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркме-нии // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. Ашхабад, 1976. № 6. С. 48—55.

Кирюшин Н. Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. (Сборник научных статей). Новосибирск, 1985. С. 46—53.

Клейн Л. С. Индия и скифы: Общие истоки идеологии // Скифо-сибирский мир: Тезисы второй археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 31—34.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М.: Наука, 1964. 216 с.

Кляшторный С. Г. Проблемы ранней истории племен тюрк (ашина) // МИА. 1965. № 130. С. 278—281.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Открытие и изучение древнетюркских и согдий-ских этнографических памятников Центральной Азии // Археология и этнография, Мон-голия. Новосибирск, 1978. С. 37—60.

Кожанов С. Т. Колесный транспорт эпохи Хань // Новое в археологии Китая: Ис-следования и проблемы. Новосибирск, 1984. С. 67—75.

Кожин П. М. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового света. 1966а. С. 76—81.

Кожин П. М. О сарматских новозках // Древности Восточной Европы. М., 1966б. С. 92—95.

Кожин П. М. О глиняных моделях колес из Балаоновского могильника // СА. М., 1966в. № 4. С. 176—178.

Кожин П. М. К вопросу о происхождении ильских колесниц // СМАЭ. Л., 1969. Т. 24. С. 29—40.

Кожин П. М. Об ильских колесницах // Ранняя этническая история народов Во-сточной Азии. М., 1977. С. 278—287.

Кожин П. М. Значение ориентации керамики и бронзовых изделий Северного Китая эпохи неолита и бронзы для исследований этногенеза // Этническая история на-родов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981. С. 131—161.

Кожин П. М. К проблеме хронологии азиатских петроглифов // Проблемы археоло-гии и этнографии Сибири: Тезисы докладов к региональной конференции 7—9 апре-ля 1982 г. Иркутск, 1982. С. 100—103.

Кожин П. М. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя толия. М., 1985. С. 169—182.

Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку в западном Предкавказье // КСИА. М., 1973. Вып. 134. С. 60—67.

Комиссаров С. А. Археология Западного Чжоу. 1027—770 гг. до н. э. // Исто-рия культуры Востока Азии. Древние культуры Китая. Палеолит, неолит и эпоха ме-талла. Новосибирск, 1985. С. 86—111.

Коншин Н. Я. О памятниках старины в Семипалатинской области // ЗСПОЗС ГО. Семипалатинск, 1903. Вып. 1. С. 1—32.

Короглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайд-жана. М.: Наука, 1983. 336 с.

Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы // Сев-ерный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая: Оленьи камни. Новосибирск: ИГиЛ СО АН ССРСР, 1979а. 120 с.

Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Кавказа // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979б. С. 155—160.

Кубарев В. Д. К интерпретации предмета неизвестного назначения из ку-ргана в долине реки Катунь // Военное дело древних племен Сибири и Цен-тральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 65—74.

Кузеев Р. Г. Происхождение бакирского народа. М.: Наука, 1974. 569 с.

Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной ис-тории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. М., 1974. № 4. С. 68—87.

Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из культур Евразии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. Новосибирск, 1976а. С. 52—65.

Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на чертомлякской вазе // СА. М., 1976б. С. 68—75.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных на-родов Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье: (история и культура). М., 1977. С. 28—52.

Кузьмина Е. Е. Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология. М., 1979. С. 78—82.

Кузьмина Е. Е. О «прочтении текста» изобразительных памятников иску-ства Евразийских степей скифского времени // ВДИ. М., 1983. № 1. С. 95—106.

Кузьмина Е. Е. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского иску-ства // ВДИ. М., 1984. № 1. С. 93—108.

Куликова О. П. Исследование меотского могильника у хутора им. Ленина // ММА. М., 1981. С. 107.

Курьяков В. П. Петроглифы Тарбагатай, Манрака и Саура // АО 1973. М., 1973. С. 407—471.

Курфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Т. 1. Опыт периодизации памятников. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1941. 492 с.

Кызыласов Л. Р., Кызыласов И. Л. Исследования на территории Хакасии // АО 1973. М., 1973. С. 223.

Кызыласов Л. Р. К изучению оленьих камней и менгиров // КСИА. М., 1973. Вып. 154. С. 25—30.

Кызыласов Л. Р. Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 392 с.

Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1968. 292 с.

Ларичев В. Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из китайских источников) // Сибири, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1981. С. 89—112.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 535 с.

Лившиц А. Описание киргиз-казахских, или киргиз-казацких, орд и степей // Географические известия. СПб., 1832. Ч. 3. 303 с.

Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитекту-ре древних иранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э. // ИКНСА. М., 1977. С. 7—18.

- Леонтьев Н. В. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970. С. 256—270.
- Леонтьев Н. В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980а. С. 65—84.
- Леонтьев Н. В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая VIII // Памятники охуневской культуры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980б. С. 27—36.
- Ливневский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Ч. 1. 190 с.
- Ливец Р. С. «Лицо волка благословенно...» (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // СЭ. 1981. № 1. С. 120—133.
- Ливец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.
- Литвинский Б. Е. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.
- Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы: (Археологические и этнографические материалы из истории и религии Средней Азии). М.: Наука, 1978. 252 с.
- Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев (I) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (история и культура). М., 1981. С. 90—121.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Некоторые аспекты иерархии семантики в Средней Азии и Индии // Древняя Индия: Историко-культурные связи. М., 1982. С. 164—186.
- Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.
- Лосев А. Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. С. 6—15.
- Лотман Ю. М. Семантика культуры и понятие текста // Структура и семантика художественного текста. Тарту, 1981а. С. 37. (Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 515). Сб. 12.
- Лотман Ю. М. Текст в тексте // Текст в тексте. Тарту, 1981б. С. 3—18. (Ученые зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 567). ТЗС. Сб. 14.
- Магомедов М. Г. Костяные накладки из Верхнегирюртовского могильника // СА. 1975. № 7. С. 275—281.
- Мазин А. И. Палеолитические наскальные рисунки в Восточном Забайкалье: предварительная публикация // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 17—24.
- Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М.: Наука, 1983. 181 с.
- Максимова А. Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // ВАН КазССР. 1953. № 9. С. 108—110.
- Максимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшев А. И. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 144 с.
- Максимова М. И. Ритон из Келермеса // СА. 1956. Т. 25. С. 215—235.
- Максименков Г. А. Охуневская культура и ее соседи на Оби // История Сибири: Древняя Сибирь. Л., 1968. Т. 1. С. 165—174.
- Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 191 с.
- Малов С. Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана // СМАЭ. Пг., 1918. Вып. 1. С. 1—6.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Наука, 1951. 452 с.
- Манас: Эпизоды из киргизского народного эпоса. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. 310 с.
- Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время. М.: Наука, 1970. 118 с.
- Маргулан А. Х. Наскальные гравюры и росписи, изображающие знамена с волчьей головой // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Л., 1983. Вып. 2. С. 48—49.
- Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII—IV вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
- Мартirosian А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964. 305 с.
- Мартынов А. И., Бобров В. В. Образ космического оленя в искусстве тагарской культуры // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 65—73.
- Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

- Марьяшев А. И. Петроглифы Семиречья // Первобытное искусство. Звери в камне. Новосибирск, 1980а. С. 211—229.
- Марьяшев А. И. Новые петроглифы Семиречья // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980б. С. 304—310.
- Марьяшев А. И., Ермолаева А. С. Исследования в урочище Тамгалы // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 137—143.
- Массон В. М. Древние гробницы вождей на Кавказе: (некоторые аспекты социологической интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 102—112.
- Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы // Культура Востока: Материалы и исследования. М., 1973. 208 с.
- Массон В. М. Алтын-дене // Труды ЮТАКЭ. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 18. 176 с.
- Массон М. Е. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1922. С. 22.
- Матве М. Э. Древнеегипетские мифы. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. 172 с.
- Матющенко В. И. О южном компоненте в составе самуэльской культуры // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 92—95.
- Медведев В. Е. О шлеме средневекового амурского воина (таблиц с остатками доспеха в Корсаковском могильнике) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 172—184.
- Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Алма-Ата: Жалын, 1979. 176 с.
- Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // ТЗС. VII. (Ученые зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 356). Тарту, 1975а. С. 38—51.
- Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор: Поэтическая система. М., 1975б. С. 23—41.
- Мелетинский Е. М. Один // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 241—243.
- Мицаканян А. О. Древние повозки из курганов бронзового века на оз. Севан // СА. 1960. № 2. С. 139—152.
- Мокрынин В. И. Дипломатическая практика в Западнотюркском каганате // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (Досоветский период). Фрунзе, 1975. С. 110—123.
- Морган Ж. Доисторическое человечество: Общий очерк доисторического периода. Природа и культура. М.; Л.: Госиздат, 1926. Кн. 18. 315 с.
- Мосолова Л. М. К вопросу о датировке росписей пещеры Ак-Чункур // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Л., 1983. Вып. 1. С. 27—28.
- Муниаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981. 320 с.
- Немировский А. И. Этруски: От мифа к истории. М.: Наука, 1983. 258 с.
- Новгородова Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // СА. 1978. № 4. С. 192—206.
- Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 101—112.
- Новгородова Э. А. Периодизация петроглифов Монголии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 33—41.
- Новгородова Э. А. Аршан-Хад — древнейший памятник изобразительного искусства Восточной Монголии // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 306—310.
- Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новоселов А. Отчет о поездке на Алтай // Изв. ЗСОРГО. Омск, 1913. Т. 1. Вып. 2. С. 1—35.
- Нуржакиянов С. Тас гасырдың математиктері // Білім және еңбек. 1984. № 2. Б. 22.
- Огибин Б. Л. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968. 113 с.
- Окладников А. П. Конь и знамя на левских писаниях // ТС. М.; Л., 1951. Вып. 1. С. 143—154.
- Окладников А. П. Олений камень с реки Иволги // СА. 1954. Т. 19. С. 210—220.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писания. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 200 с.
- Окладников А. П. Олень Золотые рога. М.: Искусство, 1964. 239 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 321 с.

- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. Ч. 2. 264 с.
- Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 297 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 147 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. 272 с.
- Окладников А. П., Цэвандорж Д., Конопацкий А. К., Гричан Ю. В. Петроглифы Дэлгэр-Мурена и долины реки Тэс // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 159—198.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 137 с.
- Окладников А. П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 228 с.
- Окладников А. П., Худяков Ю. С. Образ воина на писаницах Монголии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 21—29.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 140 с.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Чанкыр-Келя. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1981. 146 с.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 149 с.
- Окладников А. П. Из истории древнего искусства Центральной Азии: (О вводе открытых петроглифов Северной Монголии) // История и культура Центральной Азии. М., 1983. С. 311—328.
- Окладникова Е. А. Петроглифы Средней Катуни. Наука, Сиб. отд-ние, 1984. 111 с.
- Окладникова Е. А. Петроглифы Кара-Оюка // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 85—88.
- Ольденбург С. Ф. Краткие заметки о перихонах и дуа-ханах в Кучаре // СМАЭ. Пг., 1918. Т. 5. Вып. 4. С. 17—20.
- Оськин А. В. Петроглифы Букантау // Природа. 1976. №10. С. 83—89.
- Переводникова Е. В., Раевский Д. С. Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (история и культура). М., 1981. С. 42—52.
- Плетнева С. А. Хан Боняк и его время // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 174—180.
- Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982. 188 с.
- Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище. М., 1984. С. 57—94.
- Плотников Ю. А. Рубящее оружие припртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 162—167.
- Подольский Н. Л. О принципах датирования наскальных изображений: По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА. 1973. № 3. С. 265—275.
- Помаскина Г. А. Когда боги были на земле... (Наскальная галерея Саймалы-Таша). Фрунзе: Кыргызстан, 1976. 36 с.
- Посова Т. К. Мифология «Дефимахтмья» // Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М., 1985. С. 134—145.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Спб., 1883. Вып. 4. 944 с.
- Потанов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. М., 1958. Вып. 30. С. 135—142.
- Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // СМАЭ. 1971. Вып. 2. С. 3—98.
- Пшеницына М. Н., Завьялов В. А., Пяткин Б. Н. Раскопки на территории Красноярского водохранилища // АО 1974. М., 1975. С. 228—231.
- Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.: Наука, 1983. 200 с.
- Пюрвеев Дж. Культурное наследие кочевников в аспекте проблемы стационари и мобильного в архитектуре // ПИОПЖК. Алма-Ата, 1980. С. 174—177.
- Пюрвеев Д. Дизайн юрты // ДИ. 1979. № 5(258). С. 27—30.
- Пяткин Б. П. Камень с рисунками в урочище Кизань, гора Оглахты // Пробл. древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 116—127.
- Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Изд-во СССР, 1936. 205 с.
- Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977. 216 с.
- Рапов В. А. Рисунки каменного века в гроте Шахты // СЭ. 1961. № 6. С. 70—71.
- Рапов В. А. Археологи на Крыше мира. Грот шахты с наскальными изображениями. Душанбе: Ирфон, 1967. 152 с.
- Резвин И. И. Субъективная позиция исследователя в семиотике // ТЗС. V. (зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 284). Тарту, 1971. С. 334—344.
- Рерих Ю. И. Упоминание о бунчуке в «Ригведе» (I, 32) // Древний мир: Сборник статей. М., 1962. С. 440—441.
- Ризведа: Избранные гимны / Перевод, комментарий и вступительная статья Т. Елизаренковой. М.: Наука, 1972. 418 с.
- Риттер К. Землеведение Азии. Спб., 1860. Т. 3. С. 30.
- Риттер К. Землеведение Азии. Т. 4. Дополнение к тому III // Алтайско-Саянско-горная система в пределах Российской империи и по китайской границе по новейшим сведениям 1832—1876 гг. / Сост. П. П. Семенов и Г. Н. Потанин. Спб., 1877. С. 145, 146.
- Резниченко В. Зразки первісного мистецтва на межі пустель Гоби // Антропология. Різнік кабінету. Київ, 1928. С. 120—135.
- Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М.: Наука, 1948. 486 с.
- Романовская М. А. Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополе // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 102—108.
- Ростовцев М. И. Бог-всадник на юге России, в индо-скифии и в Китае // Semina et Kontakviani. Prague, 1927. С. 141—146.
- Рыбдылов Э. Р. Писаницы близ озера Шира // СА. 1959. Т. 29—30. С. 186—187.
- Саватеев Ю. А. Залаврута. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 443 с.
- Саватеев Ю. А. Петроглифы Карелии // ВИ. 1973. № 6. С. 132—146.
- Савинов Д. Г. Из истории убранства верховного князя у народов Южной Сибири (II тыс. н. э.) // СЭ. 1977. № 1. С. 31—48.
- Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленьих камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 72—94.
- Савинов Д. Г. Зооморфные изображения на оленьих камнях // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 120—124.
- Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 146—162.
- Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении кулской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102—122.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 176 с.
- Самашев З. С. Новые местонахождения наскальных изображений в Восточном Казахстане // АО 1976. М., 1977. С. 520.
- Самашев З. С. К вопросу о хронологии наскальных изображений Верхнего Припутья // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 1. С. 69—76.
- Самашев З. С. Раскопки могильника Карашат // АО 1981. М., 1983. С. 444—445.
- Самашев З. С. Исследование наскальных изображений в Казахстане. // АО 1984. М., 1984а. С. 463—464.
- Самашев З. С., Арсланова Ф. Х. Исследования комплекса Карашат // АО 1984. М., 1984б. С. 465.
- Самашев З. С. Наскальные изображения // Археологические памятники в зоне топления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 247—273.

Самашов З. С. История изучения наскальных изображений Восточного Казахстана // Актуальные проблемы историографии древнего Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 40—56.

Сарингулян К. С. Очерк семиотической характеристики ритуала // Семиотика и проблемы коммуникации. Ереван, 1981. С. 64—76.

Сартқожаұлы К. Тас белгілер тіл қатады // Білім және еңбек. 1984. № 2. Б. 19—21.

Сатлаев Ф. А. Қоча-қан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандицев // СМАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 130—140.

Свешникова Т. Н. Волки-оборотни у румын // Ваканса: Лингвистические исследования. М., 1979. С. 208—221.

Севастьянова Э. А. Петроглифы горы Тупчук // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 103—107.

Седелников А. Н., Белоногов Т. П., Столянский П. Н. Восточная часть Киргизского края // Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Киргизский край. Спб., 1903. Т. 17. С. 470.

Седелников А. Н. Справочник к образу деятельности Западно-Сибирского отдела РГО за 1877—1910 гг. Омск, 1911.

Семяка Е. С. Типологические схемы четырех- и восьмичленных моделей мира / III летняя школа по вторичным моделирующим системам: Тезисы. Тарту, 1968. С. 137—147.

Семяка Е. С. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях мира / ТЗС. V. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 284). Тарту, 1971. С. 92—119.

Симаков Г. И. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л.: Наука, 1984. 230 с.

Смирнов К. Ф. Савромато-сарматский зверный стиль / Скифо-сибирский зверный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 74—89.

Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.

Соколова З. П. Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 211 с.

Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы / АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8. С. 39—60.

Сорокин С. С. Изображение на скале вблизи Катон-Карагая // АСГЭ. Л., 1967. Вып. 28. С. 53—55.

Сорокин С. С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры / Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 172—191.

Сорокин С. С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии / АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22. С. 23—39.

Сосновский Г. П. Работы по районам проектируемых гидроэлектростанций на Ангаре, Енисее, Бие и Иртыше / Археологические работы Академии на повостройках в 1932—33 гг. М.; Л., 1935. Ч. 2. С. 60—79.

Спаский Г. И. Древности Сибири: О древних сибирских начертаниях и надписях / Сибирский вестник. Спб., 1818а. Ч. 1. С. 4—19.

Спаский Г. И. Путешествия по Сибири / Сибирский вестник. Спб., 1818б. Ч. III. С. 41—43.

Спаский Г. И. Комментарии к рецензии А. Ремюза // Азиатский вестник. Спб., 1825а. Кв. IV. С. 286—301.

Спаский Г. И. Путешествия. Письма из Сибири / Азиатский вестник. Спб., 1825б. Ч. 24. С. 243—244.

Спаский Г. И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими / ЗИРГО. Спб., 1857. Кн. 12. С. 113—181.

Станкевич И. Л. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке. Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978. С. 17—31.

Стеблин-Камечский М. И. Миф. М.: Наука, 1976. 102 с.

Стоколос В. С. Старонагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы: Межвуз. сб. науч. тр. Куйбышев, 1984. С. 22—42.

Столяр А. Д. Некоторые итоги источниковедческого изучения петроглифов Карелии / Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. ст. Л., 1976. Вып. 3. С. 110—126.

Столяр А. Д., Савватеев Ю. А. О некоторых возможностях изобразительного ана-

лиза писаницы Астурвансальми (Финляндия) // Первобытное искусство. Нов. 1976. С. 151—156.

Стратанович Г. Г. Ритуальное убийство быка (по материалам обрядности Восточной и Юго-Восточной Азии) // Религия и мифология народов Восточной Азии. М., 1970. С. 189—205.

Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 256 с.

Суразаков А. С. К семантике изображений на башадарском саркофаге // С эпоха Алтай: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1986. С. 23—26.

Тереножкин А. Н. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Кн. С. 3—34.

Тимофеева Н. К. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск, 1980. 113 с.

Токарев С. А. Эротические обычаи // Календарные обычаи и обряды в зарубежной Европе. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983а. С. 9.

Токарев С. А. Маски и ряжение // Календарные обычаи и обряды в зарубежной Европе: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983б. С. 185—190.

Толстая С. М. Вариативность формальной структуры (кунала и марена) XV. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 576). Тарту, 1982. С. 72—89.

Толстов С. П. Хорезмский всадник // КСИИМК. М.; Л., 1939. Вып. 1.

Толстов Н. И. Из «грамматики» славянских обрядов // ТЗС. XV. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 576). Тарту, 1982. С. 57—71.

Топоров В. Н. К реконструкции некоторых мифологических представлений в материале буддийского изобразительного искусства / НАА. М., 1964. № 3. С. 9—62.

Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с идеей «мирового дерева» // ТЗС. V. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 284). Тарту, 1971. С. 9—62.

Топоров В. Н. О космологических источниках раннединастических описаний VI. (Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 308). Тарту, 1973. С. 106—150.

Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Лингвистические исследования. М., 1979. С. 234—298.

Топоров В. Н. Несколько соображений о происхождении древнегреческого текста: Семантика и структура. М., 1983. С. 95—119.

Трифонов В. А. Погребения с повозками эпохи палеометалла в степной зоне // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда. Л., 1978. С. 27—29.

Уразбекова Л., Ли К. Казахская юрта — идеальный дом для кочевника // Искусство. 1980. № 8(273). С. 45—47.

Урманчиев Ф. Золотая волчья голова на знамени: (К вопросу о происхождении образа волка в древнетюркском эпосе) // СТ. 1987. № 3. С. 68—73.

Фатиков Р. Р. К семантике шанырака / ПИОПКС. Алма-Ата, 1980. С. 10—15.

Федоров-Давыдов Г. А. О сценах терзаний и борьбы в памятниках скифского искусства / УСА. Л., 1975. Вып. 3. С. 23—28.

Формозов А. А. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы: семантика / СЭ. 1950. № 3. С. 170—176.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969. 281 с.

Формозов А. А. Искусство эпохи мезолита и неолита // Камешный век истории СССР: МИА. 1970. № 166. С. 194—205.

Формозов А. А. О месте наскальных изображений в истории искусства / Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 273—279.

Формозов А. А. К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. 1973. С. 5—13.

Фролов Б. А. Представление о числе 7 у народов Сибири и Дальнего Востока // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 294—303.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 171 с.

Хлобыстина М. Д. К семантике карасукских лапчатых подвесок // СА. 1973. С. 246—250.

Хлопин И. И. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Восток и мировая культура. М., 1981. С. 26—30.

Хороших П. П. Писаницы Алтая (Предварительное сообщение) // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 26—34.

- Худяков Ю. С. Вооружение снисейских кыргызов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980а. 176 с.
- Худяков Ю. С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980б. С. 135—144.
- Худяков Ю. С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX—X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 115—132.
- Худяков Ю. С. К вопросу о формировании дружинной идеологии у средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии (по материалам наскальных изображений) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 157—159.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. С. 269.
- Цыб С. В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38—51.
- Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 1984. 8 с.
- Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 384 с.
- Чередищченко Н. Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 135—150.
- Черненко Е. В. Гориты и колчан у воинов евразийских степей скифского времени // Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979. С. 70—71.
- Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 168 с.
- Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // САИ. В4—12. М., 1971. 118 с.
- Черников С. С. Восточно-Казахстанская область. Калбинский и Нарымский хребты // Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. С. 292—295.
- Черников С. С. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. 1947. Т. IX. С. 251—282.
- Черников С. С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК. М., 1952. Вып. 48. С. 81—92.
- Черников С. С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана // КСИА. М., 1957. Вып. 26. С. 28—33.
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л., 1960. № 88. 71 с.
- Черников С. С. Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 189 с.
- Членова Н. Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // МАС. М., 1962. С. 27—35.
- Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Членова Н. Л. Карасукские книжало. М.: Наука, 1976. 104 с.
- Членова Н. Л. Четыре древних книжала из Казахстана // КСИА. М., 1982. Вып. 170. С. 34—40.
- Членова Н. Л. Основы хронологии андроновских памятников федоровского типа // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: (Межвуз. сб.). Челябинск, 1983. С. 22—34.
- Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 100 с.
- Шапиро М. Некоторые проблемы семиотики визуального искусства. Пространство изображения и средство создания знака-образа // Семиотика и искусствознание. М., 1972. С. 136—163.
- Шапошчикова О. Г. Курганы у с. Софиевка // Археологические памятники Поволжья. Киев, 1980. С. 132—146.
- Шер Я. А. Алгоритм распознавания стилистических типов в петроглифах: К теории и практике в первобытном искусстве // Математические методы в историко-культурных и торгово-экономических исследованиях. М., 1977. С. 127—143.
- Шер Я. А. К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Самайлы-Таша // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 163—171.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

- Шер Я. А., Голендухин Ю. Н. Колесницы Самайлы-Таша // По следам истории культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982. С. 18—25.
- Шилов В. П. Курганы № 6 группы «Три брата» и соотношение памятников предкавказской и срубной культур в калмыцких степях // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. Т. 221. С. 13—14.
- Шрамко Б. А. Модель бычьей упряжки скифского времени // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 251—255.
- Штейн В. Ф. Сцены жертвоприношений обожествленным хищникам на сибирских пластиках // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 94—103.
- Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Ин-та этнографии народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Сидоровича, 1936. 584 с.
- Шкуров Ш. М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М.: Наука, 1983. 176 с.
- Энеолит СССР // Археология СССР. М., 1982. 359 с.
- Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М.: Наука, 1972. 496 с.
- Яблонский Л. Т. Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО 1982. М., 1982. С. 492.
- Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Замосковной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 гг. // Древности: Тр. Императорского московского археологического общества. М., 1883. Т. 9. Вып. 2—3. С. 181—205.
- Ядринцев Н. М. Древние памятники и письмена в Сибири // Литературный сборник: (Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке). СПб. 1885. С. 456—476.
- Anati E. Bronze Age Chariots from Europe // PPS. New Series. Vol. XXVI. N London, 1960. P. 50—63.
- Belenizki A. M. Mittelasien Kunst der Soogden. Leipzig, 1980. 240 s.
- Cordier G. Les tumulus halstiens de Sublaines (Indre-et-Loire) // L'Anthropologie. T. 79. N 3. Paris, 1975. P. 451—482.
- Child V. G. The First Waggon and Carts — from the Tigris to the Severn // PPS. New Series. Vol. XVII. Pt. 2. N 8. London, 1951. P. 177—194.
- Emel Esin. Tös and Moncuk. Notes on Turkish Flag-Pole Finials // Central Asiatic Journal. Wiesbaden, 1972. Vol. XVI. T. 1. P. 14—36.
- Ledebour H. F. Reise durch das Altaigebirge und die Soongarische Steppe (im Jahre 1826). Berlin, 1829.
- Littauer M. A., Growel J. H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden; Köln, 1979. 270 p.
- Michalak M. The origins and development of sassanian heavy cavalry // Folia Orientalia, 1987. T. XXIV. P. 73—86.
- Novgorodova E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980. 278 s.
- Piggott S. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // PPS. New Series. Vol. XXXIV. N 8. London, 1969. P. 266—318.
- Piggott S. The Earliest Wheeled Transport. From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. London, 1983. 273 p.
- Potratz A. H. Die Pferdetransport des Orient // Analecta Orientalia. T. 41 / Pontificum institutum Biblicum. Roma, 1966. 290 s.
- Wanke L. Der Übersprung in eine höhere Seinsform // Nordische Felsbilder und Apenländische Felsritzungen: Jahrbuch der Gesellschaft für Vergleichende Felsbildforschung. Graz, 1979/80. S. 45—56.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКК	— Археологическая карта Казахстана
АКРВКО	— Агроклиматические ресурсы Восточно-Казахстанской области Казахской ССР
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АО	— Археологические открытия
ВАН КазССР	— Вестник Академии наук Казахской ССР
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВИРГО	— Вестник Императорского русского географического общества
ВКОМ	— Восточно-Казахстанский областной музей
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры
ДИ	— Декоративное искусство СССР
ЗИРГО	— Записки Императорского русского географического общества
ЗСПОЗСОИРГО	— Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела императорского русского географического общества
ИАК	— Известия Археологического общества
ИКНСА	— История и культура народов Средней Азии
ИРКСВА	— Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении
Изв. ВГО	— Известия Всесоюзного географического общества
Изв. ЗСОРГО	— Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
Изв. ЛИАИ	— Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета
КСИА	— Краткое сообщение о докладах о полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
КСИМК	— Краткие сообщения о докладах о полевых исследованиях института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛОИКФУН	— Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей
МАС	— Монгольский археологический сборник
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и искусства
ПНОПКС	— Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана
РАЖ	— Русский антропологический журнал
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР
СЭ	— Советская этнография
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ТЭС	— Труды по знаковым системам
Тр. ОУАК	— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТС	— Тюркологический сборник
Тр. ХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии

CONCLUSION

The work is written on the basis of materials collected by the author in the years 1971—1983 during field studies of rock pictures in East Kazakhstan (the Kalba, Naryn, Kurchum and Manrak mountain regions). The region are divided in two groups: pisanitsy, i. e. pictures made with stone or metallic tools.

By the technique of performance the rock pictures of the Upper Paleolithic region are divided in two groups: pisanitsy, i. e. pictures made with stone or metallic tools and petroglyphs, i. e. pictures carved with stone or metallic tools. The pictures are represented in the book by the pictures of the grotto Akbaur (fig. 6).

In East Kazakhstan there are no indisputably Paleolithic or Neolithic rock pictures. Only three figures of bulls from Zevakino and Sagyr (figs. 2, 3) can be presumably attributed to the Neolith on the basis of their stylistic and iconographic peculiarities, performance technique, sunburn density, topographic location, accompanying pictures, etc. On the basis of comparative analysis of similar pictures from other regions of Kazakhstan.

To the Eneolith are attributed the pictures of the grotto Akbaur (fig. 6). The symbolic signs-ideogrammes as dominating motifs. They have analogues among the signs on ceramic and other handicraft wares of the Eneolith in the monuments of the Eneolithic epoch of Kazakhstan, Central Asia, the Altai, the south of East Europe and the Caucasus. The Eneolithic pictures of the Akbaur is based mainly on the analysis of the pictures of the Akbaur which by its constructive peculiarities sharply differs from the charriots of the Bronze Age. The spread of pictures of vehicles in East Kazakhstan in the Eneolith is, apparently, bound up with the infiltration of the 3rd millennium B. C. of a part of the population of the Middle East into the most ancient centre of origin of the wheeled transport, into the arid oases of Central Asia. As a result of cultural and economic contacts the vehicles and charriots penetrate into the mountain and steppe regions of Kazakhstan, the Sayan and Altai mountains and the Minusinsk depression.

To the first half of the 2nd millennium B. C. are attributed the pictures of a number of other vehicles (fig. 91, 102), as well as bulls which are very similar to analogous figures from Okunevo in South Siberia. In the second half and the end of the 2nd millennium B. C. is attributed the series of petroglyphs of East Kazakhstan. The motifs (herbivorous

beasts of prey, antropomorphous figures, polymorphous beings, charriots, signs-symbols etc.) and subjects (hunting, reflecting the cult of fertility, astral-cosmogonic, mythological etc.) of rock pictures of that time are very diverse.

At the end of the Bronze Age flourishing of the rock imitative art of the tribes inhabiting the East Upper Irtysh region and a number of adjoining territories is observed. This process was also continuing during the early Saka time. Archaeological materials are indicative of the existence of important economic preconditions for the development of spiritual culture at that epoch. The end of the 2nd and the beginning of the 1st millennium B. C. has been the period of formation of the nomadic society, the military democracy, the class of horsemen and its ideology. In the imitative art the most essential elements of the Saka style were developing. Therefore one can consider the boundary between the 2nd and the 1st millennium B. C. as a single proto-Saka time.

New materials made it possible to outline the routes of migration of ethnic groups, the bearers of the artistic tradition of the type «deer stones» and «arzhans», from the steppes of Inner Asia to the west (along the foothills of the Altai, Tarbagatai, the Dzhungaria, Transili and Talas Alatau covering a broad belt of intermountain depressions and basins of small and big rivers) in the end of the 2nd — the beginning of the 1st millennium B. C.

The engravings of the early Middle Ages, easily recognizable within the whole region of ancient Turkic cultures, show a remarkable constancy, especially in the interpretation of the mounted standard-bearer with military attributes, symbols and equipment (fig. 180, 181).

The author marked out a number of main problems, semantic groups and, making use of data in the field of mythology, ethnography, epos and shamanism of the Indo-European, Turkic and Mongolian peoples, made an attempt to disclose their meaning and purpose.

Analysis of the landscape around the grotto Akbaur (fig. 4, 5, 183), its form, as well as other data allowed to suggest a hypothetic version of reconstruction of the ritual actions which took place there on the days of certain calendar holidays.

In the mythologic thinking of the primitive man the pyramidal hill (with the grotto) could be associated with the centre of a good ordered world, the primordial cosmic hill and is opposed to the «periphery», the rest of the «alien» world, in accordance with the principles of the binary symbolic classification. The stepped granite folds which one had to climb to the grotto were also, probably, associated with the cosmologic symbols, the stairs to the upper world. The grotto (with the opening in the ceiling), similar in shape to the real dwelling of a stationary or mobile type organized in space in accordance with the ideas about the cosmic order (with combined vertical and horizontal structures), has been, probably, comprehended as the sacral centre. The grotto's northern wall represents the sacred altar, an original «iconostasis» with symbols-ideogrammes pictured using ochre. The round opening in the arched ceiling was also, apparently, of sacral importance. The penetration of sunbeams through it could be perceived as a cosmic symbol and the signs on the grot-

to's walls were, probably, pictured with regard for the effect of « created by the incident sunbeams moving along the walls during

The series of pictures of bulls from Zevakino (fig. 153) in multifigured compositions illustrates stages of a complicated of rites of immolation of sacrificial animals, an original. Precise iconographic and semantic parallels can be found in the monuments of the Aegean culture of the Mediterranean, India etc.

A group of pictures of mummer (zooantropomorphous and ornitomorphous) beings is discussed in the book (fig. 78, 79, 172). This image occurs in the Paleolithic painting of the Franco-Cantabrian region, in the monuments of the Ancient East. One can think that the Central Asian tribes could adopt this subject and the associated with it from the Middle East in the 3rd—2nd millennium B. C. though it is quite possible that such rites sprang up independently on a general parent Indo-European basis. A convergent origin of the polymorphous beings in the mythology and art of ancient Silesia (for instance, the engravings from Okunevo and Afanasyev painting, the rock pictures from the Gorny Altai) and Inner Asia on a Paleo-Asiatic basis is also not excluded.

The rock pictures of mummer people are endowed with special attributes: solar signs, a charriot, a rod, different kinds of antropomorphous attributes act also animals. A part of these pictures in the rock art of Kazakhstan are shown in dresses of animal skins, cut in «crenelles», with special haircuts, in «goat's» masks and in mushroomlike head-dresses. It should be noted that some of the reconstructed ancient rites, carried out by the mummies at sacrifices, are associated with the sacrifice of a he-goat, dismemberment of its skin, imitation of its walking, singing in a reedy voice, and its fertility etc.

These subjects are polysemantic. They reflect the complicated world perception of the ancient people, their mytho-poetic and religious views, cosmogonic ideas, cult of fertility and cover the hunting and other spheres.

In one composition there are shown in interrelation a charriot with harnessed he-goats, signs in the shape of round spots connected by a path, a man, a horse (or a dog) and two he-goats (fig. 92). The situation there allows to consider the image of the Vedic Pushan, whose important attributes are a charriot with harnessed he-goats and a path. The close connection of Pushan (as well as the Lithuanian Perkunas, the German-Scandinavian Tor, the ancient Greek Pan and the Slav Perun) with the image of a he-goat is also emphasized by its appearance. In the ritual a he-goat plays the part of a sacrificial animal. Pushan is the god of the path that connects the two marked points of the space, the sky and the earth. In the Vedic cosmology they are designated in the form of two wheels at the ends of an axis. The signs mentioned can be perceived as two points of the mythologic space connected by the path of Pushan, carrying a charriot with harnessed he-goats. Their figures are interpreted as Pushan's attribute and sacrificial part and the horse (or the dog) as the sacrifice to the god of the sun.

A number of scenes where men and women are pictured in erotic poses are interpreted as an illustration of the rite of the «sacred marriage» of the earth and the heaven, the heavenly bodies, as embodiment of periodic natural phenomena and at large — as the cosmogonic act of creation (fig. 101, 110, 111).

An interesting analogy to them is known from the archaic Ur; it is interpreted by researchers as an illustration of the ritual scene of «sacred marriage» of the queen or priestess with the supreme deity. In the ancient Mesopotamia such rites were connected with the myths about deities of fertility and served as a magic means of securing of abundance. The participants of the ceremony put on various masks.

In one multifigured composition from Kurchum four horses attached in pairs to two horse lines are pictured (fig. 107). Apparently, in this composition there found reflection the rite of sacrifice similar to the Indo-European and Scythian one (ashvamedha). In the mytho-poetic consciousness the vertical post-horse lines placed on a special ground was correlated with the principal conception of the world tree, the idea about the trinity nature of the universe along the vertical. To the post, the allotment of the world tree, the sacrificial horse was attached. And the sacrifice carried out in a sacralized microspace «was transferred» to the god of the sun by means of the post-horse lines connecting the heaven and the earth. Such a communicative function of the sacrificial post (and its semiotic equivalent, the sacrificial animal) is clearly illustrated in the Vedic cosmogony in the hymns of Rigveda. Taking into consideration the existence of ancient contacts between the Indo-Europeans and the peoples of Central and Inner Asia and the coincidence of a number of mythologems and ritual actions connected with the horse (at the world tree) as a typological parallel, ethnographic data are made use of. So, according to a Kazakh astral myth, the Iron Stake — Temir Kazyk (the North Star), which two horses, Akbozat and Kokbozat, always pursued by seven wolves — Zhety Karakshy (the Great Bear) are attached to, is the equivalent of the world post. The loss of these horses which are the embodiment of the stability of the cosmos can lead to the origin of disharmony, chaos and world's destruction, in the end.

In the composition from Kurchum next to the horses a circle with six spokes is pictured. A similar symbol is also present in the ritual ashvamedha. Judging by some ancient texts, signs in the form of a wheel with six spokes designated a charriot and simultaneously pointed to the seasonal prevalence of the ritual of sacrifice.

In the lower part of the composition two figures of countervailing dogs are placed. During the ritual ashvamedha the dog as a chthonic being personifying hostile forces was killed as the preliminary offering. As symbols of a preliminary sacrifice can be interpreted the pictures of he-goats, a bull, a deer.

There are four antropomorphous figures. Two of them are twins with long noses. The third figure is also shown with a long nose and a long object (a thrust weapon?) in the hand. Taking into account these peculiarities, one can identify the first two figures with the image of the Ashvins,

one of the epithets of which is Nasatya («big-nosed»), and the third one with the image of Pushan, one of the attributes of which is a thrust weapon.

The composition is associated with a certain number symbolics: elements of a number code with characteristics of the macro- and microcosmos are present in it. Twin pictures of horses, people and dogs are probably, connected with the binary principles of semantic opposition dual-cosmogonic ideas, the cult of twins. The twins — Ashvi occurring sometimes in the image of horses are closely connected with the world tree, Ashvattha.

In the art of the medieval nomads the mounted warrior in battle equipment is a canonized subject of proclamative nature and to a certain degree reflects the military and political character of State formations on the vast territory of Eurasia from the Far East to the Danube steppes. The works of the epic genre, including the oral poetic art and the imitative arts (the rock pictures included), advocate the idea of the idolized hero-ancestor, the leader of the mounted body-guard, the main social force of the society; in these works the heroic deeds, campaigns and single combats were glorified, such phenomena of everyday life as hunting, nomadizing, stealing of cattle etc. were fixed.

Numerous pictures of banners in petroglyphs, painting and totemic art as well as written sources are indicative of the existence of a developed cult of the banner among various peoples in the Middle Ages. The origin of the banner and its cult goes back to the most ancient standards crowned by small figures of various animals and deities (fig. 186). The cult of the wolf existed among many Turkic peoples of the early and late Middle Ages. With the totemic cult of the wolf is connected the origin of wolf banners by the Turks of the clan Ashina. The connection of the cult of the wolf with the banner and various deities can be also traced back to the number of Indo-European traditions, in the myths and legends of the Turkic and Mongolian peoples. Typological conformities with them can be found in the myths and rituals of the peoples of North America and the Paleo-Asiatic peoples of the East. In a Kazakh ethnogenetic legend about Zhanibek-batyr it is said that in the days of war his banner was accompanied by two wolves-twins during the ceremony of its carrying and hoisting. This legend comprises, apparently, earlier semantic layers which are associated with the myths of the gods of war — Arei, Mars, Vidan and, especially, Odin accompanied by its two wolves. In this case the wolf acts as a symbol, an attribute of the god of war, its zoomorphic equivalent. According to some texts, the wolf is also the attribute of the king his body-guard.

The groups of petroglyphs, analysed on the Indo-European, Indo-Iranian and ancient Turkic mythologic levels, are based on such universal notions common to all mankind as the ideas about space and time, binary oppositions, vertical and horizontal models of the mythologic universe, the original mother, sacred marriage etc. Some subjects of the rock pictures (the world tree, the horse at the world tree, scenes of sacrifice etc.) widespread in time and space have, probably, a common Indo-European background and quite conform to Indo-Aryan, ancient Turkic and some later mythologic texts.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВО- СТОЧНОГО КАЗАХСТАНА	5
Глава II. ПАМЯТНИКИ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ	15
Глава III. ХРОНОЛОГИЯ И СИНХРОНИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ	139
Изображения эпох энеолита и бронзы	141
Петроглифы предсакского и раннесакского времени	151
Изображения развитого сакского времени	171
Изображения эпохи раннего средневековья	174
Глава IV. СЕМАНТИКА. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	184
Библиография	267
Список сокращений	282
Conclusion	283

Научное издание

Зайнолла Самашевич Самашев

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии
им. А. Х. Маргулаи Академии наук Республики Казахстан*

Рецензенты: доктор исторических наук *К. М. Байпаков*, Я. И. Сунчугашев,
кандидат исторических наук *Н. А. Боковенко*

Редакторы *В. В. Сирожидинова*, *И. Л. Федорова*
Художественный редактор *В. Н. Афуксениди*
Оформление художника *В. А. Ващенко*
Технический редактор *Е. М. Тахметова*

ИБ № 3194

Сдано в набор 29.10.90. Подписано в печать 19.03.92.
Формат 70×90^{1/16}. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. п. л. 21,06. Усл. кр.-отт. 21,06. Уч.-изд. л. 16,56.
Тираж 700. Заказ 213.

Издательство «Гылым»
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Гылым»
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28